

*Оконченная повесть
Приключенческой фантазии*

*Ардмир Мари
Стальной барон*

*Шкура, когти и клыки,
Хвост и волчий дух,
Всем напастям вопреки,
Взор барона строг и сух.*

Любовь не приходит сразу. Да и к кому идти? Он тенью следует за принцем, она опять в бегах. С двумя клинками и дневником некроманта лекарка ныне добыча крайне ценная и столь же опасная.

Такая, не испугается коварного пирата, прогонит стаю черных оборотней и в сообщники возьмет мертвеца.

Ведь общий враг не дремлет, он собирает силы и пробирается в глубь страны, слишком близко к Стальному барону, слишком уверенно... А зря, он и представить не может, на что способна самоотверженная кареглазка ради барона... почти признавшегося в любви.

Ардмир Мари Стальной барон

*Ты есть свет, ты есть мрак
Игривое счастье и терпкое горе,
Выберешь сам, герой ли, слабак...
Кто ты -
Зеленая топь или чистое море?*

Сборы в загородной резиденции проклятого короля начались ранним утром. Весть о завершении продолжительного отдыха его Высочества принца Гаро уже облетела столицу, заставив кого-то воспрянуть духом в надежде на новые реформы, а кого-то всплакнуть. Независимо от этого поднос для приглашений барона-оборотня и его верных помощников изобиловал соблазнительными приглашениями от балов в честь рождения отпрысков чистокровной знати, до ночных вылазок к первоклассным блудницам тех же господ.

Желая убить время перед отъездом, Стафорд разбирает письма, комментируя их сквозь сжатые зубы:

— Напыщенный болван..., истеричная дура... жениться...

— Жениться? — перечитав сообщение, он весело прищурился: — И не думал. Даже после всего... произошедшего. Я вас впечатлил, а вы меня нет. Где справедливость?

Рассматривая следующее:

— Сами бегайте задохлым зайцем!

— И медведем вы меня не соблазните... — взгляд остановился на послании в розовом конверте с надушенной бумагой, барон хмыкнул, — и этой курицей тоже не соблазните. Не надейтесь, не куплюсь.

Читая следующее с кривой усмешкой, произнес:

— Знаю, пробовал, не впечатлило... — и, откидывая письмо в корзину для мусора, как и все до того, с легкой иронией предложил невидимому адресату: — Придумайте еще что-нибудь, повеселее.

Посмотрел на почти полную корзину задумчиво:

— Хотя куда уж веселее.

Сидя в кабинете с открытой дверью и глядя на все еще внушительную горку писем, глава стаи уже не надеялся встретить что-либо интересное. А значит, пора заканчивать с тратой времени впустую и выбросить, к бесу, все приглашения. Но он ошибся, следующее сообщение переплюнуло все ранее прочитанные:

— Три сбежавшие монашки, заброшенная цитадель, стальные наручники и горы коркри... Горы? — задумчиво повторил барон, не веря в только что прочитанное, — кто ж такой бесстрашный и нахальный?

Посмотрел на конверт и тихо рассмеялся:

— А этот! Н-да, шутничок... — и голосом, в котором нет и тени улыбки, он пообещал вслух, — о поставках коркри мы с вами, многоуважаемый граф, обязательно поговорим. Не далее чем сегодня. Я постараюсь, чтобы ваше присутствие на беседе было максимально располагающим для разговора... по душам.

Сделав пометку в своих записях, он остановил проходящего мимо Аго:

— Когда освободишься, передай Лерфу, чтобы подошел. Есть задание.

— Да, барон, — молодой оборотень скрылся за поворотом, унося огромный сундук.

Удивительно, карантин держался всего ничего, а вещей собралось, словно венценосный уезжал на год. Стафорд нахмурился, либо Гаро решил оставить резиденцию пустой для дальнейшего ремонта, либо вновь лезет в пекло без спроса и поддержки. К сожалению, посылка от Ариши для щенка предвещала скорое развитие второго сюжета.

— Вот ты где! — задорный голос Дерика вырвал его из размышлений. —

Развлекаешься? — Вошедший оборотень кивнул на поднос с письмами и почти полную корзину для мусора.

— Да, хочу разобраться с почтой до отъезда, — барон сделал еще одну пометку в своих записях. — А ты чем занят?

— Да вот тоже с бумажками, — лукавая улыбка озарила лицо Лиса. — Правда, мои в отличие от этого мусора настоящее сокровище.

— Секретные донесения?

— Нет, это неожиданная негаданная весточка от Ариши, — с замиранием сообщил Лис. — Только что получил.

— Всего лишь весточка? — барон продолжил разбор с корреспонденцией, не без улыбки отметив, что друг ожидал иной реакции.

Дерек растерянным не был, отнюдь. Он быстро пришел в себя и, пройдя к столу, сел напротив варвара:

— Н-да... на самом деле целая эпопея о сватовстве Патайи и ее избранника. У молодых свадьба в начале сентября.

— Не знал, что подобные откровения можно назвать сокровищем.

— Я тоже не знал, пока не дошел до последних строчек. Здесь... — он ткнул пальцем в листок, и подозрительно спокойным голосом сообщил, — малышка благодарит меня за чудный подарок — тетрадь для записей с кожаной плетенкой, — внимательный прищур на барона и продолжает, тем же невинным тоном, — а так же просит сообщить Гаро о ее признательности за шарфик. И знаешь в чем загвоздка? — подался он вперед к столу. — Ни я, ни он ничего ей не посылали.

— Уверен?

— Да, как и в том, что вы, мой барон, опять не договариваешь.

— А может быть это тонкий намек, — ехидно протянул Белый варвар.

— На подарок?

— На твою халатность, — жесткость ответа не смягчила обманчивая мягкость тона. — Скажи мне, Дерек, каким образом наш привилегированный щенок Гаро попросил Аришу приготовить сыворотку истины?

— Что? — под тяжелым взглядом главы стаи светлоголовый оборотень смутился. — Это достоверная информация?

— Достовернее не бывает, — барон продемонстрировал пузырек из темного стекла, в котором плескалась черная непрозрачная жидкость.

— И, несомненно, проверенная?

Стафорд наклонил голову на бок и издевательски произнес:

— А как иначе?

Спрашивать на ком она была проверена, Лис не рискнул, утверждать, что ни одно послание не могло покинуть дворец без его ведома так же не стал. На мгновение, сжав кулаки, он сухо поинтересовался:

— В таком случае, что ты отдал Гаро?

— Воду с парой капелек красного вина.

— Жестоко ты с ним.

— Знал бы кого он собирается поить, был бы более милосердным, — рык барона отразился от стенок заложённых книгами и заставил задрезжать бокал с вином, стоящий на столе.

— Что? — Лис вскочил с места и яростно запротестовал: — Нет, нет-нет и нет! Не думаешь же ты, что он опять связался с Домини и пригласил ее на встречу.

— Я не думаю. Пока не думаю...

— Ждешь чистосердечного признания, — пронизательно заметил оборотень.

— Жду.

— А если...? — начал Дерек, но барон его с улыбкой оборвал.

— А на этот случай у меня есть действенная сыворотка истины от Ариши, сделанная по рецепту некроманта.

Лис поежился, а Стафорд учуял приближение молчаливого и чтобы волк не стоял у двери, ожидая позволения войти, пригласил его в библиотеку:

— Лерф, ты вовремя, зайди.

Огромная фигура оборотня медленно закрыла дверной проем. Затем он сделал тяжелый шаг вперед и остановился, почтительно склонив голову. В обществе себе подобных оборотень не скрывался за черным одеянием и не прятал ошрамованных рук и лица, сыны ночи равнялись на него, смотрели прямо и уважали за силу. Потому что жалость к волку, сумевшему разорвать связь с реликвией и сохранить не только жизнь, но и ипостась, глупа.

Глава белой стаи выудил из кармана склянку с карточкой, привязанной к горлышку, и со стуком поставил ее на стол.

— Это тебе. Экспериментальный образец.

Бровь могучего оборотня медленно поднялась вверх, но своего несогласия он не проявил ни хрипом, ни рыком. А барон невозмутимо продолжил инструктаж, исполнение которого закрепил пожеланием в приказном тоне.

— Капля на стакан воды, каждый день утром перед едой. О результатах расскажешь через неделю.

Молчаливый забрал склянку и, тяжело ступая, удалился.

Лис заговорил через минуту тихо и удивленно:

— Что за экспериментальный образец? И почему он не поинтересовался о его назначении?

— Потому что ему все равно.

— Так это же лекарство! — возмутился оборотень. — Я видел на карточке почерк Ариши... И откуда малышка знает о Лерфе? — мгновение на раздумье и обличительное: — Ты рассказал?

— Нет, я ей ничего не рассказывал и на пальцах не показывал.

— Не верю, — Лис весело оскалился, наблюдая за главой, — нет, этого не может быть. Она же от тебя шарахалась постоянно и была готова провалиться сквозь землю лишь бы...

— Интересно, — протянул барон, подняв тяжелый взгляд черных глаз. — Почему об этом я узнаю только сейчас?

— Интереснее другое! Почему узнав об этом только сейчас, ты не действуешь в своей излюбленной манере. — Отошедший от стола Дерек с многозначительным видом потер свою шею. Как раз ту часть, в которую Стафорду давно хочется вцепиться и решить раз и навсегда проблему с заразным бешенством Лиса.

— Подойди ближе, сейчас исправлюсь, — ухмыльнулся барон.

— И все-таки что-то у вас там произошло... — ехидно протянул оборотень, не двигаясь с места. — Настойка для Лерфа, с которым она не знакома, неизвестные подарки от нас ей, ее посылка тебе...

Посылка? От Ариши? Там уж точно будет больше двух строчек, чем в прошлом послании. Угораздило же предложить писать о сыне. Теперь видя ее сообщения, он вспоминал слова хитрюги-оборотня: «Видимо судьба ей от тебя родить!» и подспудно думал о такой возможности в ночной тиши, когда ему вспоминалась кареглазка.

Стафорд напрягся, а Лис, продолжая с интересом разглядывать потолок, словно не в этой комнате валялся, пока ребра заживали, невинно произнес:

— И малышка в твоих устах стала наконец-то Аришей. Куда подевались те сочные определения? Девчонка дура, дочь мясника... и вот самое красочное, как же оно... — сделал вид, что с трудом припоминает, — ах, да! Немоощь человеческая.

— Ее посылку... мне... живо.

— Просто так? — скривился оборотень, отступая за кресло, поближе к двери. — Просто так не могу, — развел он руками и нагло ослабил. — Признай, что ты явился к ней в образе Лерфа и прикрылся нами, когда одаривал...

— Я убью младшего Суро... — тихо пообещал себе барон и мощным рывком перескочил через стол. Письма разлетелись по полу, бокал со звоном упал на пол и ближайšie к столу стеллажи опасно загудели.

— Так я прав? — удивленно выдал Дерек, забыв рукой прикрыть многострадальную шею или сбежать, пока есть возможность и его никто не держит.

— Нет! — рявкнул Стафорд. Он с трудом отступил от светлоголового оборотня, шумно фыркнув. — Что Ари... хм, что она отправила?

Дерек медленно, ни слова ни говоря, протянул ему стеклянный кристаллик на тонком шнурке и маленький конвертик с подписью: «Главе белой стаи». Внутри кулона плескалась пара черных капель и маленький цветочек скальника, а в коротком послании чернела лишь пара строк:

«То, что знаете вы, должно остаться с вами. Одну каплю растворить в чаше, сделать только глоток»

— Противоядие сыворотки НинГарто, — улыбнулся барон и рыком, призвал Аго.

Молодой оборотень появился в дверях немедленно. Настороженно, глядя на главу стаи, он вошел и остановился рядом с Лисом:

— Да, мой барон?

— Одну каплю на чашу, сделаешь только глоток. Остальное в сосуд и принесешь мне вместе с этим, — произнес он, вручая парню кристаллик. — Как сделаешь, можешь начать говорить.

Уходил Стафорд неспешно с улыбкой, прислушиваясь к дальнейшему диалогу между собратями, потому что он должен был быть уникальным. Несколько секунд ни молчали, а вот потом:

— Стаф на тебе сыворотку испытывал? — Дерек не скрывал удивления: — Почему?

— Скорее за что, — тяжелый вздох и исключительная правда в ответ, — я не вовремя похвастался, что первым вез Аришку из города Берита в Черхи.

— И что еще он у тебя выведал?

— Все, — сочувствуя, признался парень. — Так что, не стоит рассказывать ему, как ты Аришку мазью покрывал в охотничьем домике близ деревеньки Ажуг...

На этом месте барон сбился с шага и замер. Что? Когда успел?

— А ты откуда...? — прошипел Лис, запоздало закрывая двери в библиотеку.

И все равно от чуткого слуха варвара не скрылись их следующие слова.

— Так Лер сегодня тоже разговорчивый, — удрученно вздохнул молодой, — с утра Тимуре в любви признался, потом сказал, что она отвратно готовит и храпит... И там такой скандал был.

Проклятье! Белый варвар смущенно потер затылок. Он о брате близнеце совсем забыл. Бедолага, наверняка до сих пор прячется от разъяренной горничной.

Патайю посватали на следующий день после нашего возвращения. Правду сказать, Саттори примчался бы и раньше, вот только в отсутствие сына градоправитель Берита отказался сватов принимать, а мы с младшим, как назло задержались на семь суток, вместо четырех. Датог пусть и был под действием моей мази, а все равно от езды очень быстро уставал, хоть и вида старался не показывать. И стараниями этими чуть ли не сделал себе хуже. Что ж... там, где он не желал признавать свою временную слабость, больной и изможденной претворялась я. Правда, недолго. На втором же привале он мою уловку раскусил, поймал якобы смертельно уставшую за купанием в озере. Дождался моего выхода из воды и, как истинный Суровый, долго и нудно пугал опасностью моих необдуманных действий.

— Ты хоть представляешь, что с тобой могут сделать, встретившиеся среди ночи мужики?!

— То же самое, что и мужики, встретившиеся среди бела дня, — отмахнулась с улыбкой. На тракте вдоль равнины Нариви было на удивление безлюдно, не то, что охотники, даже торговцы не встретились.

— Вторые постыдятся, а вот первые — нет, — разгорячено заявил он. — Ариша, если тебе собственная шкура не дорога, то пожалей хоть идиотов, которые могут тебе встретиться!

— Как «пожалей»? — удивилась я. — Это что получается, если они мне встретятся, то я их еще и жалеть должна после... всего, что может произойти?

— А то! Оборотни, знаешь ли, от таких глупцов мало что оставляют после недели пыток.

На мое возмущение: «А причем тут волки?», он махнул рукой со словами: «Ой, темнота!», так ничего и не разъяснив.

С тех пор я все чаще ощущала внимательный взгляд Суро на себе, если ко мне подходил хоть кто-то из мужчин. И неважно молодой или старый, рыжий книгочей обязательно подходил ближе, чтобы спросить все ли у меня в порядке.

Вот как сейчас, когда я мягко отказала вдовцу Терентию в танце. На свадьбе молодых с ним потанцую. А сегодня в день дачи клятв перед родными, имею право побыть в стороне от веселья. Потому как после готовки и накрытия столов только и могу, что сидеть и улыбаться. На большее сил уже не хватает. Не прошло и пяти минут, будущий градоправитель Берита сел за стол подле меня.

— Как вечер проходит, хорошо?

— Да, вечер замечательный, — я посмотрела на танцующие пары, немного им завидуя. Хорошо тем, кто нашел свою душу, они уже ни в чем не сомневаются, в отличие от одиноких. Вот уж где разгуляй неясных тревог и пустых переживаний на тему: «А вдруг не найду».

— Как интересно ты улыбаешься...

Я перевела взгляд на младшего Суро и удивленно подняла бровь:

— Что?

— Улыбаешься загадочно, — повторил он.

— Смотрю на Патайю, и сердце радуется, — не стала я скрывать. — Сатори ее любит без притворства...

— Попытался бы он притворяться, не знаю, чтобы я с ним сделал.

— Зажарил и съел?

— На такое способен лишь варвар, — хмыкнул. — Хотя, скрывать не буду, обидчика я бы с радостью на вертел насадил.

— Надо бы предупредить твою сестру, — заметила я тихо.

— О чем?

— Чтобы не жаловалась при тебе на супруга. Иначе, глазом моргнуть не успеет и овдовеет.

— Я не настолько жесток, в отличие от некоторых, — задумчиво протянул Датог, наливая в свою чашу вина. — К слову, скажи, тебе Терентий сильно надоедает? Может быть, я поговорю с ним..., пока не поздно?

Приятна его опека, вот только волнуется он зря. Нет у меня больше планов на вдовца, ни одного мало-мальски крохотного. Замуж за него не пойду, потому что дитя от него уже не хочу. Перебил Дерек охоту своим высказыванием о племени и семени. Поостерегусь с красивым связываться, потому что нюх у оборотня чуткий, выявляет слабого в стае на раз.

— Не стоит, мы просто разговаривали, — улыбнулась его скептическому взгляду и пожурила немного, — к тому же, заступничеством чаще всего занимаются более приближенные мужчины, а не сыновья нанимателей.

— Уж лучше я, а не твой... более приближенный, — пробурчал он, прежде чем сделать глоток вина.

— Датог, что ты имеешь в виду?

— Я?! — возрился удивленно. — Ничего.

— Суро?

— Совсем ничего, — решительно отмахнулся медноволосый и тихо спросил: — Но хоть о твоём новом оружии я предупредить вдовца могу.

— Зачем? Нож никогда не будет использован против него.

— А если... будет? В жизни всякое случается. Например, в Берите строптивых невест иногда... без позволения воруют, — тайнственно начал он и, дождавшись моего удивленного: «что-что?», нахально добавил, — чтобы наедине доказать, как она ошиблась в своём отказе.

Вот так новость!

— Это правда?

— Это уже редкость, но правдивая. В процессе убеждения беритские девушки дают такой отпор, после которого о женитьбе раненого и воительницы речи уже не идет. А твой отвергнутый воздыхатель может напороться на нож, и в этом случае ему уже ничего не поможет.

— Если и напорется, то не умрет, — ответила с улыбкой и на удивленный взгляд младшего Суро пояснила, — я заменила один из ядов противоядием от второго.

— Зачем? — нахмурился и, грозно стукнув чашей о стол, предположил: — Чтобы нападающий тебя убил?

— Чтобы успел одуматься, — пихнула его кулачком в плечо. — Противоядие вступает в силу сразу, но боль от яда еще целый час будет одолевать раненого.

— Милосердная Аришка, — восхитился он, покачав головой, и прищурился. — На твоём месте я бы время противодействия увеличил с часа до суток, чтоб неповадно было.

Глядя на его воинственное лицо и решительно сжатые руки сурового книгочея, поняла, что Патайе в кругу родных на супружескую жизнь жаловаться совсем нельзя. Иначе мужа ее живым закопают. Как и ранее я подметила, что в присутствии Датога младшего ко мне свободные мужчины и парни города уже не подходят. В день сватовства Саттори к Патайе так было и вот сейчас повторяется, того гляди на свадьбе дочери градоправителя меня вообще никто танцевать не пригласит и сока выпить не предложит.

И стоило лишь косвенно вспомнить о старшем Суро, как он подошел ко мне.

— Ариша, вот ты где! — хозяин дома, плавно вынырнул из-за пар танцующих и, поманив кого-то за собой, неспешно приблизился к моему столу. — Отдыхаешь?

— Отбивается, — ответил за меня младший, отвадив взглядом очередного смельчака из городских.

И я, пожав плечами, согласилась:

— Приходится. А почему вы здесь? Гость, тайно посетивший ваш кабинет, уже уехал? — улыбнулась на его хитрый прищур.

Все же не первый месяц рядом живу, уже могу догадаться, что последует за этим выражением Сурового лица.

— Еще нет, — стало мне ответом.

— Он ждет, когда разойдутся гости, — пояснил младший, — чтобы тайно покинуть наш дом?

— Как покинуть? — не поняла я.

— Тайно через подземный ход, — зловеще прошептал медноволосый, — на крайний случай, через дымоходную трубу, как он это проделал в прошлом году. Ну и шума же было, когда он застрял на втором этаже... Отьел, боров, брюхо...

Обрывая младшего Суро, рядом с нами раздался низкий протяжный говор южных морей, не скрывающий колкой издевки:

— В шутках обострение, а зубы все еще на месте? Непорядок. — И из-за плеча хозяина дома выступил неизвестный: — Так ты сосу... сынок наконец-то научился защищаться?

— А вы все так же завьшаете уровень своей известности... — младший хмыкнул и поднялся с места навстречу гостю: — Оставьте, Ыго, дни вашей славы давно минули. Вас узнают лишь дряхлые старушки. К слову о зубах, ваши еще не осыпались?

Постояв несколько секунд друг напротив друга, мужчины рассмеялись, обнялись, и книгочей вдруг сдавленно охнул:

— Аккуратнее! — прошептала я, — ключица...

— Ыго, прекрати побои, — сердито заметил градоправитель, — сюда я тебя позвал с другой целью.

— И с какой же?

Вывернувшись из захвата, Датог крепко врезал гостю под дых, а тот даже не скривился. Наоборот, с улыбкой попытался парня потрепать по волосам, спрашивая:

— Действительно с какой? — мужчина только сейчас полностью вышел на свет и позволил себя рассмотреть. Он был немного выше младшего и чуть его мощнее, но при этом казался худым. И удобу эту подчеркивала черная одежда путника. Синий взгляд глубоко посаженных глаз, выгоревшие на солнце русые волосы и темный загар кожи делали его похожим на южанина, при этом мощный подбородок, горбатый нос и скулы, которые не

может скрыть даже короткая борода, роднили его с народом гор. Стойкость вековых сосен хорошо читалась в этом человеке. И я уверилась в том, что передо мной бесек или кто-то из их прямых потомков.

— Ыг Горер Отту, разреши представить тебе мою приемную дочь, Аришу. Ты хотел знать, кто поднял на ноги Торума, так вот это ее рук дело. — С этими словами градоправитель Берита подошел и приобнял сидящую меня за плечи.

Взгляд тайного гостя и без того пристальный стал заинтересованным, а я неожиданно пролепетала:

— Тором еще не совсем на ногах, но через месяц другой...

И не могу понять, что больше меня выбило из колеи: сообщение о том, что передо мной стоит гроза морей Ларвии или неожиданное родство с Суро, о котором я знать не знала. Вот и Датог младший на мгновенье удивился, а затем уверенно кивнул мне.

— Конечно, родная, — меня наградили поцелуем в макушку, — Ариш, разреши тебе представить Ыго. Полное имя, как ты сама понимаешь, лучше не употреблять.

— Очень приятно, — пролепетала я.

— А мне как! — не остался в долгу мужчина и, поймав мою ладошку, наклонился поцеловать.

В эти мгновения младший возмущенно глянул на гостя, затем на отца. А тот едва заметно помотал головой, предлагая отложить все разговоры на потом. Что ж и я с вопросами не спешила.

Время для разъяснений наступило лишь на следующий день, когда разъехались все гости, в том числе и таинственный. Тот самый Ыг Горер, который посмел назвать себя сыном Ларвийского моря Оттари и нахально добавил к имени прозвище Отту. Тот, голову которого обещал снести с плеч сам Табир IV, и именно за эту голову король Ларвии до сих пор готов отдать три смежных острова Атова. Щедрая награда была рассчитана исключительно на людей Ыго, пиратов, успевших оценить тихую бухту в центре этих островов. Однако эта мера не возымела воздействия, и нахальный сын южного моря все еще оставался жив и свободен.

Знал бы проклятый король, что у него на службе прямой потомок бесека, гнал бы со флота взашей. Горные, они ж всюду ищут свою выгоду и слова данного не держат. Предпочитают руководствоваться старым добрым кредо: «Прав тот, кто платит больше». Мне отец мало что рассказывал о последнем десятилетии войны, но я хорошо помню, короткий пересказ историй об азартном пирате не способном остановиться. «Война закончилась, а он и дальше разбойничает. Свои ли, чужие, все одно — ручонки тянутся».

И вот вчера без утайки мне представили этого, руками загребущего, а меня дочерью назвали и ему зачем-то показали. Он увиденным он остался доволен, услышанным еще больше. Улыбнулся пару раз, предложил прогуляться по саду. Я отказалась, сославшись на тяжелый день, да и Суро головой качнул, напомнил о моей усталости и отправил спать. Вот и получается, что сватовством наше знакомство не пахнет, а мне все равно боязно. Опять Суровый что-то задумал в назидание.

На следующий день утром в мою комнату тихо постучали:

— Ариш, ты тут? — спросил из-за двери Датог младший.

— Тут, — ответила я, встретив его на пороге. — Что случилось?

— Гости разъехались и Ыго вместе с ними, — подмигнул он с улыбкой. — Пошли, сестренка, отца пытаться. Узнаем что за планы у него по твою душу.

Посторонился, пропуская вперед по коридору, и дверь мою закрыл. Усмехнулась:

— Так там планы лишь по мою душу, тебе идти зачем?

— Так, я брат или не брат, к тому же старший, — взял под локоток повел быстрее. —

Идем, пока он не убер, потом месяц ждать придется, пока расколется.

— И сколько у нас времени до его побега?

— Минут пять от силы.

— Тогда бежим!

В библиотеку мы ввалились одновременно, весело хохоча, потому что я предложила спускаться по разным лестницам, и кто первым добежит тот вопросы и задает.

— Я первый!

— Нет, я!

— Вы оба опоздали, — глядя на часы, сообщил хозяин дома. Он уже складывал домовые книги и папки на полки стеллажей. Собирался. — Я ждал вас раньше.

Мы переглянулись и, захлопнув дверь, загородили ее собой:

— Но у нас есть вопросы!

— У нас? — переспросил градоправитель и улыбнулся. — Вопросы должны быть только у Ариши. Датог с тобой я уже говорил, ответ — нет. — Младший насупился, а старший обратился ко мне, — Ариша, что ты хотела?

— Это действительно тот самый пират, который...?

— Да, — коротко ответил он.

— Что он тут делает, в Берите?

— Проезжает мимо, — Суровый покачал головой и заметил с улыбкой. — Я думал, ты о другом спросишь.

— Спрошу, — не стала я отрицать, вышла чуть вперед. — Почему вы назвали меня приемной дочерью?

— С радостью назвал бы родной, но фамильного сходства у нас слишком мало, а жене я не изменял, — неловко пошутил он. — К тому же сопровождая тебя в леса оборотней, пират знать должен, что лишится последнего убежища, если рискнет навредить тебе.

— Он что...? — в голове не укладывается, зачем Ыго меня сопровождать, да еще вредить мне.

— Ариш, вот и кто просился после свадьбы Патайи уехать в родную деревню? — хозяин дома сложил мощные руки на груди. — Я что ли?

— Нет, я. Но ведь свадьба через четыре недели. Зачем пирата привлекать к моей персоне. Вот Датог выздоровеет, с ним и поеду.

— Нет. И его незаживающая ключица тому подтверждение. — Младший попытался воспротивиться, но отец его опередил. — Три недели и не зажило, опять придется косынку носить. И как вы в Оранте живы остались, одному Богу известно, — шумно выдохнул он, произнося, — за что я каждый день его благодарю. Но... — тяжелый взгляд градоправителя медленно перешел с сына на меня, — более двоих вас я никуда не пущу. Хватит! Безрассудство и геройство, худшее сочетание, так что отныне либо под присмотром, либо по одному.

— По одному так по одному, я согласна, — шагнула к двери.

Но и шага сделать не успела, хозяин дома остановил меня новым сообщением.

— Это касалось Датога. А тебя, дочка, вообще из дома не отпускал бы. — Посмотрел на удивленную меня тяжелым напряженным взглядом. — Но раз пообещал, сдержу слово. И

могилы родителей посетишь и к дяде с Севуней заглянешь. А Ыго сопровождающим будет. Он беглец. Всю жизнь скрывается, за ним ты не пропадешь.

— За ним — нет, а вот по нему пропадать может, — подал голос рыжий книгочей. И расправив плечи, заявил: — Ариша на вес золота, какой бесек от нее в здоровом уме откажется.

— Не посмеет, — отрубил глава семейства.

— Не посмел бы, назови ты ее моей невестой, — парировал младший.

— Датог, мне ли напоминать, что у вас разница в десятку, а все еще спорите, как мальчишки тринадцати лет, — укоризненно покачал головой отец. — Чей удар лучше, кто быстрее в Черхи доедет и девушку захомутает. Часа не прошло, вы б на нее поспорили...

Младший нахмурился, а Суро уверенным тоном продолжил давить:

— ... или на кон поставили. Как в прошлом году горничную, поспорив, кто быстрее через дымоходную трубу на крышу поднимется.

— Я выиграл, и я же ее и предупредил о нашем пари.

— Ты выиграл, потому что Ыго застрял в трубе, — отчеканил мужчина, — а девчонка спаслась, потому что сбежала с приезжими артистами!

Будущий градоправитель Берита скрипнул зубами и сжал кулаки. Едва сдерживаясь, чтобы не заговорить не литературными оборотами. Я сочувственно ему улыбнулась и обратилась к хозяину дома:

— Уверена, он бы меня не только предупредил, но еще бы и выиграл вчистую.

— Я бы не спорил, — младший выдохнул протяжно, поймал и пожал мою ладошку, — на невесту спорить глупо.

— Сейчас вообще спорить глупо, у меня на раздумья целый месяц. Я правильно поняла? — с вопросом обратилась к Суровому. Он кивнул. — Вот, — подмигнула книгочею, — я еще и передумать могу... — и уже тихо, — раз десять, а может и одиннадцать.

— Хорошо бы, — согласился хозяин дома, внимательно глядя на меня с Датогом. Мы как стояли рядом держась за руки, так и продолжали.

— Ну, раз так, то... — начал он.

— ... мы пойдем? — завершила я.

— Идите.

Вдвоем синхронно развернулись, вышли и тихо закрыли за собой дверь. Рыжий книгочей смотрел с опасением, я же с прищуром, тихо про себя улыбаясь.

— Что? — настороженно спросил он. — Обиделась?

— Нет, заинтересовалась, — заверила чистосердечно и, взяв его за локоть, повела во внутренний двор, на террасу. — А расскажи, как ты с легендарным пиратом познакомился!

— Ты-то о нем откуда знаешь? Не уж-то его слава добралась до ваших лесов?

— Слава не добралась, а вот травник наш Захар как раз из-за южных морей родом. И там такие легенды... — восхищенно посмотрела вдаль, затем на парня, — расскажи, как встретились, почему отец твой беглеца прикрывает, а ты с ним еще и дружишь?

— Да просто все... — пожал плечами, поморщился: — Я в плен попал...

— Когда? Как?

— Когда белые оборотни отбили наступление Ларвийских войск с севера, и здесь наступила относительная тишина. Мне было тринадцать, и я мечтал воевать, стоя бок о бок с отцом...

— Тебе это удалось?

— Повоевать? Да... хлебнул горя, — парень помотал головой, словно себе самому не веря. — Подрядился в патруль ближние земли осматривать, и в одну из ночей наша группа столкнулся со степными. Пятерку взрослых те быстро перебили, а новобранцев повязали, как маленьких. Правду сказать, мы и были таковыми: самому младшему тринадцать, самому старшему семнадцать.

Я вздрогнула, он похлопал меня по плечу, приободряя:

— Так бывает на войне, — и с кривой улыбкой заметил. — А мы расслабились, как же иначе, ведь оборотни за нас! Двухликые бесстрашны и сильны. Проклятый король вот-вот покорит Ларвию! Вот за свою самонадеянность мы и поплатились.

— Так тебе же двадцать пять сейчас, война закончилась двенадцать лет назад, как раз в тот год.

— Война закончилась, а противостояние нет, — он щелкнул меня по носу и помог сесть на лавочку в тени террасы. — К тому же степные оголодали совсем, хотели заработать, а не просто убить. Поэтому нас семерых и еще двадцать пленников из других поселений переправили к южному морю и продали в первом же порту.

— Как... продали? — в волнении, взяла его за руку.

— Очень просто и очень дешево, как больных овец или баранов, — Датог похлопал меня по ладошке и приободрил. — Не пугайся, в отличие от других мне повезло, я попал на корабль к Ыго. К тому же за время путешествия на пристань сломать меня не успели, разве что недокармливали, чтобы сил не было на сопротивление. А на корабле все изменилось: кормили на убой и тренировали до изнеможения. И я мечтал вырваться... Планировал побег домой, быстро окреп, набирал в весе. Но к моменту бунта на корабле, мы уже были в открытом море.

— И тогда командование на себя взял бесек, — прошептала я.

— Вообще-то именно он восстанием и командовал, — потерев нос, сообщил Датог. — Ему было двадцать четыре, и он уже шесть лет мотался на этом корабле по водным просторам.

— А попал туда, как и ты?

— Нет, — ухмыльнулся, — этот сам пришел. Заработать.

— Вы убивали?

— Нет, мы грабили. Убивали пираты до этого и, как сказал Ыг, весьма неэффективно для обогащения. — Я кивнула, молча начала обрывать зеленые листики с ближайшего куста. Обрывать и складывать на юбку, потому что в голове не умещалось, как достойный доверия и уважения рыжий книгочей связался с этим... бесekom!

— Как ты сама понимаешь, война уже подошла к концу, торговые корабли с сопровождением и без вновь начали курсировать по безопасным линиям моря Оттари, а тут мы...

Вспомнила об обещании Табира IV снять голову с плеч наглеца Отту и неожиданно поняла главную составляющую этой истории:

— Вы не сняли военных знаков Дакартии! И пиратствовали!

— Не сняли, — улыбнулся, — иначе бы не имели права приближаться к островам дружественной страны Рогорд для пополнения провизии.

Насторожилась, спросила с едва скрытым упреком:

— И ты во время этих остановок не мог сбежать?

— Ариш, он продуманный был... и остается. Нас, купленных, за день до причала закрывали в каютах.

— Продуманный? — возмущенно переспросила я. — Странный эпитет для отвратительного человека. И что, ему трудно было вас отпустить?

— Мы бы сдали его местоположение, склады для хранения украденных товаров, траектории передвижения, словом все! И даже не за вознаграждение. — Книгочей забрал у меня листики и развеял их по ветру. — Он это понимал, и заметь, не убил никого из нас.

— Да, сущее благородство, — не сдержала я язвительности. На что Датог лишь криво улыбнулся, пояснив:

— Хотя пираты неоднократно твердили ему о лишних ртах на борту корабля. А капитан отмахивался, говоря: «Зато не лишние руки. В схватке с нападающими, драться будут наравне, а в бурю будут помогать с парусами».

— Почему вдруг будут и помогут? — не поняла я. — Откуда такая уверенность?

— Потому что с корабля в открытом море деться некуда, волей неволей будешь слушаться и защищать судно.

Рациональная мысль, но недоумение во мне все еще бунтовало:

— И после этого вы с ним сдружились? Ты и этот... Ыг?!

— Время, знаешь ли... сближает, побег из заключения связывает, ну и мое возвращение домой просто обязано было нас сдружить! — он игриво повел бровями и ухмыльнулся. — . Ведь я чувствую пещеры и оборотней, а он ложь, вот и спелись. По правде сказать, не сразу. — Датог заговорил тише и отстраненнее: — Вначале я его убить хотел, потом он меня, в итоге мы друг друга несколько раз спасли и разошлись.

— Сколько же времени ты пробыл в море?

— Пять лет.

— И ты хочешь сказать, что ему можно верить? — спросила, недоверчиво глядя на вновь улыбающегося парня рядом со мной.

— Можно, но с оглядкой, — прищурился хитро. — Как и нам — всего не доверяй.

И вроде бы не сказано ничего плохого, но таким голосом, что я внутренне насторожилась:

— Датог, ты что, на меня обиделся?

— Нет, Ранее я удивлялся, почему ты нам не доверяешь, а в Оранте понял, что всего лучше не знать. — Он подмигнул мне, поднялся и протянул руку со словами: — Пошли, секретница, завтракать.

Секретница? Скорее уж хранитель некроманта, и клинок и дневник дело рук одного из верховных правителей Тардема. В моих руках страшное оружие. И в моменты опасности мне кажется, что лучше всего сидеть на одном месте в тихом городе и никуда не вырываться. Правду сказать, тогда бы я не узнала, что значит путешествовать, знакомиться с интересными людьми, наслаждаться яствами иной кухни и видеть... видеть новое! Вот и сейчас не хочу отказываться от поездки из-за пустых страхов. К дяде с Севуней я хочу, очень. Соскучилась, девять месяцев прошло с момента моего побега. Так что поеду к ним, во что бы то ни стало. Одна беда, бесек Ыго в качестве сопровождающего меня не устраивает. А потому я очень надеюсь, что к моему отъезду в городе появится другой достойный доверия «беглец».

— Что это? — барон с недоумением смотрел на лист бумаги в своей руке. Белый, бархатный с королевскими вензелями и печатью, он жег руку.

— Список, — пролепетал министр иностранных дел и шагнул за спинку кресла, того самого, в которое ему предложили присесть. Но он боится и не садится.

— Я вижу что список, — фыркнул Стафорд, — даже фамилии прочитать могу и вспомнить, кто и кем является.

— Понимаю, — спешно кивнул Ивен Нильский, определенно мечтающий скрыться.

— Меня больше интересует, кто и кем является.

— Ну, как же... — мужчина потянул платок на шее, чтобы ослабить узел, — в преддверии бала вы хотели знать, кто будет поселен в королевском дворце. И более всего вас, Ваша Милость, интересовали гости, которых мы расположим в домике Роза Шампань.

— Вот как! — усмешка его получилась кривой и недоверчивой. Оборотень откинулся в кресле и с прищуром посмотрел вначале на листок, затем на притихшего дакартца родом из степных: — А скажите, Ивен, почему в число привилегированных персон входит любовница герцога Равии и бывшая невеста Гаро?

Несколько мгновений министр подбирал слова, а затем с нескрываемым презрением к названным, ответил:

— Возможно потому что, леди Тересия Сивер покинула территории Равийского герцогства более полугода назад, и ищет защиты, а герцогиня Валери Осорская вот уже месяц как помолвлена с дальним кузеном принца, виконтом Этьеном Пьюри.

Тери свободна более шести месяцев! И все это время не искала встречи? Едва вспыхнувшее возмущение внутреннего волка, погасло. Барон откинулся в кресле и разжал кулаки. Пустое все, встретимся — поговорим. Глава белой стаи отогнал ее светлый образ из прошлого и подумал о другой опасной красавице — Валери. Быстро же она нашла очередного идиота на пост жениха и даже не оскандалилась.

— Леди Осорская всегда умела устроиться, — усмехнулся оборотень. — Отравила короля, изменила принцу, а замуж выйдет за старшего сына графа. Предприимчивая. Удивляет лишь одно... Почему Гаро не лишил ее титула?

— В виду некоторых обстоятельств, — смущенно заметил министр.

— Они вам известны?

— Нет, — Ивен ответил с едва сдерживаемым раздражением. Выходит, не один барон «рад» ее появлению во дворце и предвкушает встречу.

— Что ж разберемся, — Стафорд кивком отпустил мужчину и продолжил работу с донесениями. По существу же, не видя строк и не вникая в написанное, он просто смотрел на них, перебирал, хмурился, откладывая якобы прочитанные, и думал о леди Сивер.

Тери...

Свежий глоток воздуха в удушливое лето. Она появилась в первый месяц его главенства в стае, в первую поездку в Адар за многие послевоенные годы. Стафорд посетил столицу ради подтверждения проклятого договора между братством с Табиром IV. Тогда дни превратились в марево, а ночи в туман, наполненный тревожным звуком стрелы, выпущенной из арбалета. И не понять, кто стреляет и в кого. Из-за смерти сестры, долгих

разбирательств в деревнях и замке, свежееиспеченный вожак был раздражен и в то же время подавлен. Дядюшка осиротевших племянников, глава не своей стаи, серый оборотень, вынужденный подчиняться хозяину Гессбойро, он постоянно напоминал себе слова отца: «Стая это сила. И она должна быть крепкой». И он старался сделать все, чтобы сплотить волков, а потому расходовал собственные силы, не щадя.

Тересия Сивер...

Их встреча состоялась в погожий день на площади Черных Цветов. Нежное создание восемнадцати лет, юное, светлое незамутненное жаждой денег, власти и крови. Не стремящаяся околдовать, она пленила его не хуже капкана, сжавшего стальные челюсти на шее. Тогда еще живой альфа Дагд, наблюдая за метаниями Стафорда, неодобрительно качал головой, но противостоять не стал, предупредил только, что она не ему обещана.

Почему, нет?

В течение недели они встречались ночью, строго три часа: с десяти до часа ночи на крыше дома, который в столице снимала ее семья. Уходить оттуда она не смела, зато, смущаясь, позволяла себя обнимать в молчании. Всегда в молчании. Это была ее просьба, и он не смел перечить. Сам, вымотавшись за день, был рад таким встречам. Поначалу. Потом ее объятий стало не хватать. Как-то нечаянно прикоснулся губами к нежной коже шеи, и замерли оба. Он, холодея от страха, быть отвергнутым, она размышляя о своем. Стафорд чувствовал девичий запах, слышал сердцебиение, мог с легкостью различить гамму чувств, переполнявших ее. Робость, интерес, настороженность и в то же время нетерпение. Не оттолкнула, потянулась к нему, к шее и поцеловала столь же легко. Окрыленный он проявил чуть больше напора. Та встреча завершилась несмелым исследованием ее губ, в следующую — оборотень целовал девушку с упоением, прижимая к сердцу, к телу, к душе, той самой, которая с нетерпением ждала вечерних сумерек и, наплевав на слова Дагда, рвалась сюда, на крышу.

Тери заговорила на пятнадцатый день. Рассказывала о младших братьях и сестрах, о том, как отец, разорившись, отослал их в деревню и забыл совсем. О веселых сельчанах и стеклодуве, который жил по соседству и радовал малышню своими игрушками, о молочнице, белошвейке, лекарке с милосердным взглядом и старосте, который хоть и лечился самогоном, но желудком все-таки болел. О том, как в городе умерла мама, а отец не привез их на похороны. В отличие от детей, об этом упущении сэр Сивер не жалел и даже женился, как только траур прошел. А теперь вот, желает и дочку пристроить для пользы всей семьи. Из деревни забрал, свозил к модистке и уехал, оставив с ней матрону, приглядывать. Потом нежная рассказывала о балах и приглашениях, на одном из них они даже встретились мельком. Но подойти к себе она Стафорду не позволила. Бледная и тихая, стояла подле моложавого мужчины и женщины с хищными чертами лица. Стояла потупившись и боялась сделать лишний шаг, будто бы снежный лебедь на привязи.

Она и оказалась на привязи, обрученная и обреченная на жизнь со стариком знатного сословия и дворянских кровей. Призналась, кусая губы и пряча глаза, уже будучи помолвленной.

— Не соглашайся.

— Я должна, — еле слышно, но со всей ее твердостью.

— Ты же не хочешь.

— А кто спросит...? — прошептала, теснее прижавшись к оборотню. — Никто.

— Идем со мной, — предложение далось легко, словно так и надо, а значит

правильно. — У меня замок и обширные территории леса, деревеньки те же. Разрушенные и полупустые, но это в первое время. Люди вернуться, заживем. Тери?

— Не могу. Сестренки выйдут в свет, затем и замуж... по любви, братья на службу пойдут. Им нужны земли, если закрепиться не удастся при королевском дворе.

— А ты? Как же ты? — он смотрел и не верил, светлый ангел, глаза, сияющие зеленью, красные губы и нежная кожа, восемнадцать всего, а уже хоронит себя на благо семьи.

— А я выстою.

— Сама?

— С тобой, с воспоминаниями о тебе, — тонкие пальчики коснулись его шеи и зарылись в волосы. — Выстою.

И она потянулась первой за поцелуем, за теплом оборотня, за его крепкими объятиями, удерживающими над пропастью безнадежности. Безвыходности, которую она сама для себя создала, не видя иной дороги для благополучия младших. Поцелуй был долгим, страстным и в то же время с привкусом горечи. Она плакала, беззвучно, и крупные слезы катились по щекам, падая на его грудь. Горячая соль.

— Ты плачешь.

— Не хочу достаться старику, он свое и так получит.

— Терр-ри, послушай...

— Не хочу ничего слышать, — отстранилась и, стерев мокрые дорожки с щек, она взялась за поясок тонкого халатика, — здесь и сейчас ты и я до самой зари...

Решила, все решила, по глазам видно, по упрямой линии красивых губ и чуть нахмуренным бровкам. И от своего не отступится. Верхний покров ее ночного одеяния упал к ногам.

— Тер...

Прижала пальчики к его губам, попросила дрожащим голосом:

— Пойди мне навстречу, — тонкая батистовая сорочка соскользнула с плеча, оголяя белоснежную кожу красавицы, — я хочу этого, очень. С тобой. Чтобы запомнилось, чтобы знать... когда тебя действительно любят. — Прошептала, поднявшись на носочки и заглянув в глаза. — Ты единственный кому я доверяю всецело и всю себя. Единственный.

— Ты пожалеешь, — произнес тихо, скользя губами по ладонке, пахнущей ромашкой и чем-то еще. Васильками, возможно. Нежная, чистая незамутненная.

— Никогда.

Пьянящая, она сбросила последние тканые оковы и потянулась к нему, проведя руками снизу вверх по груди, которую оборотню будто бы сдавило.

— Так ты останешься со мной, что бы ни случилось, куда бы меня ни занесла судьба. Со мной.

Та ночь была наполнена нежностью, следующие две — страстью. Стафорд отчаянно надеялся повлиять на ее выбор, заверял в своей преданности, рассказывал о возможностях и будущем, которое наступит вот-вот. Подождать нужно всего-то три дня. Он закрепит титул договором, получит королевскую милость в золоте и выкупит Тери у ее бестолкового отца.

Не успел или она не позволила...

Скорый отъезд из столицы, свадьба по договору и поселение на выселках в Вакуте. Новоявленный барон нашел ее через три недели в имении муженька; живой, печальной и бледной, быть может, потому что в положении. Уж это волк понял легко, на расстоянии по запаху. И ждал, надеясь, что чадо его, и общий ребенок заставит Тери одуматься.

Ошибся во всем.

Ни первые тяжелые роды первенца, ни вторые, в которых она чуть Богу душу не отдала, ни смерть престарелого мужа ее не переубедили. Даже когда наследники оставили вдову без гроша, отослав ее с детьми в деревню, Тери не обратилась к оборотню с просьбой помочь. И всякий раз Стафорд направлял ей розы, цветы редкие для холодного края, нежные, бледно-розовые, а она плакала, прижимая их к груди, но на письма не отвечала. Пять лет терзаний и наконец-то встреча на балу в честь пятидесятилетия проклятого короля. Высший свет, изысканные блюда, пьянящие напитки и бесов шейный платок беззастенчиво душит. Нервирует. Сын ночи пришел ради одной только цели, но Тери вновь не позволила подойти. И опираясь на руку очередного «отца», изредка бросала на оборотня взгляды, полные печали и тоски.

В ту же ночь он получил записку: «Я помню все твои цветы», на которую барон ответил: «А я все твои слезы над ними».

Более глава белой стаи ничего не посылал, но все еще следил за ее небезуспешными стараниями устроить младшеньких. Еще два года пустого брака за дворянином, на этот раз без детей, без титула и без земель, умерший все оставил своим отпрыскам. После похорон и оглашения воли умершего она провела месяц отчаянья, как и прежде. Играя в молчанку и не обращаясь за помощью, которую оборотень вопреки всем своим обещаниям, опять предложил. Гордая и глупая, не желая обременять его, она ушла в тень... на этот раз любовника, а не мужа. В тень герцога Равии.

Это известие подобно удару под дых скрутило даже внутреннего волка.

С мужьями она была невольницей, это читалось во взгляде, жестах и улыбке, которая гасла день ото дня. С ним же, Густавом Огюро, она возрождала себя. Не в полной мере, отнюдь. Не было в ней ни той жажды жизни, ни любопытства, ни радости. Крохи, всего лишь крохи этих чувств на фоне безмерной благодарности к этому, ничтожеству и подлецу. Но с ним она успокоилась, перестала волноваться о младших братьях и сестрах, занялась собой, и Стафорд отступил, понимая, что знает не все.

Тери, почему же ты не открылась мне ни тогда, ни сейчас? Все самому пришлось узнавать, с опозданием...

В двери весело постучали, именно весело, и мотивчик Дерекровский. После слов хмурого барона: «Да, войдите», Лис скользнул в кабинет, чуть ли не пританцовывая:

— Слышал новости? — Он остановился напротив стола и мазнул взглядом по списку. — Ага, вижу, слышал.

Стафорд кивнул. И светлоголовый оборотень деловито вытащил из тумбы коньяк, щедро плеснул в бокал и протянул его барону:

— Ты что решил?

Бокал опустел мгновенно, а затем со звоном разлетелся у противоположной стены. Вспыхнувшую ярость это не притупило, но задало нужный фон разговору.

— Что приглашения для этих персон развезу самолично, — прохрипел Белый варвар и сглотнул, больно крепким оказался напиток.

— Стаф, не стоит...

— Наоборот, — глава стаи резко поднялся и дернул тугой ворот рубашки. Пуговицы разлетелись по полу, беспечно звеня, а порванный шарф остался в руке оборотня. — Мне нужны подробности. Ответы.

— Да, ты и так их знаешь, — возмутился друг, отставляя бутылку на стол. — И про отца ее, шантажиста, и про мужа-ирода, грозившегося детей отнять, о долгах ее братьев, которые ты выкупил, о глупостях сестер, которых пришлось прикрывать, чтобы замуж вышли без позора... Ты все знаешь.

Барон с рыком плавно приблизился к нему. Шею Лис закрывать не спешил, знал, мерзавец, что глава его более не тронет, ведь из Оранты Стафорд вернулся не узнать, спокойный и уверенный. До сегодняшнего дня только таким и был, и опять всплеск. И главное из-за кого...

— Стаф, — возмутился Дерек, — ты пять лет помогал ей и в письмах уговаривал сбежать. Пять!

— Письма сжигали, — напомнил он надсадно.

А в голове звучит нежный шепот Тери: «...ты останешься со мной... чтобы не случилось, куда бы меня не занесла судьба. Со мной». Он и был с ней везде, как только удавалось уладить в стае дела, рвался к стенам дома, в котором она проживала. И оправдание о письмах звучит нелепо, он слишком поздно понял, что к чему.

— Да, сжигали... — Дерек со вздохом опустил в кресло, — пока ты об этом не узнал и не нашел способа тайно прикончить ее муженька.

Белый варвар зажмурился. Не хотелось вспоминать, как он два месяца ждал, когда же старый увалень покинет государство. Убить ублюдка можно было лишь за пределами Дакартии, в противном случае Табир прознал бы, и не спустил своеволия. Гневный, владея проклятой реликвией, мог перебить всю белую стаю без сожаления. Война уже пройдена, надобности в оборотнях уже нет.

— ...и вроде бы, свободна, как ветер, — усмехнулся Дерек, наливая коньяк во второй бокал. — Что ж не летит?!

Горький хмык Стафорда, Лис предпочел не заметить, задумчиво изрек:

— А нет, запомятовал, она полетела... напрямиком под венец со вторым стариком.

— Ее заставили.

— Да-да, — отмахнулся светлоголовый, — знаю, что опекуном при детках первый козел назначил своего мерзавца-друга. Но и с этим ты справился опять-таки в полном секрете, без насилия и спешки. Год к нему подбирался, даже отравился за компанию, чтоб не засекли. А она повела себя как...

— Не смей, — не рык, уже, но грозное предупреждение.

— Не смею, мой барон, — со вздохом согласился друг и протянул ему полный бокал, — ты и сам все знаешь.

Знает.

Когда Тересия ушла к другому, Стафорд не сразу, нет, но все же, отступил. Еще не успев свыкнуться с мыслью о своей потере, он был вызван в Адар во дворец к королю. Холодная беседа барона-оборотня и Табира IV проходила в зале без приличествующих дворцу потайных дверей, секретных ходов и тайных спусков в подземелье; глухое, закрытое помещение в основании башни некогда служило для пыток. Не лучшее место для простой встречи или не простой...

В комнате освещенной тремя факелами, было порядка пятидесяти человек, все с арбалетами, направленными на сына ночи. Затихшие, готовые ко всему солдаты, несмотря на собственный страх, целились в приглашенного гостя без дрожи. Не промажут. Стафорд

сам натаскал, как собак, и результатом тренировок он остался доволен. Поприветствовал всех кивком и легкой походкой вошел в помещение. Для него, альфы, пятьдесят человек подготовленных и даже вооруженных — пустяк, сложностью же стал белый клинок, увенчанный красным камнем — Гессбойро. В руках проклятого короля реликвия для стаи была особенно опасна, а потому глава белых стоял, не двигаясь и слушал безмолвно в то время, как Гневный «бил» словами:

— Позволил себе игры за спиной!

— Три смерти...

— Волчья глупость во славу человеческой дряни!

Направляясь сюда, барон знал, что беседа будет интересной, но и предположить не мог — насколько. И реликвия белой стаи нервирует до невозможности, не только варвара, но и его внутреннего волка, а лицо нужно держать и голосу не позволить измениться.

— О чем вы, Ваше Величество?

— Я говорю, о леди Тересии Сивер. Ради счастья которой ты, волчий выродок, посмел пренебречь моим указом! — взвился и без того взбешенный правитель Дакартии. — Посчитал себя безвинным? Не пойманным? — эти слова король протянул с наигранным весельем и тут же добавил металла в голос: — Зря!

Стафорд стерпел унижение, не шелохнулся и ухом не повел. И откуда только Табир IV узнал? Столько лет прошло с первого... устранения конкурента. Кто мог знать, и кто мог помнить? Ведь следы им были успешно стерты и все возможные доказательства удалены. Откуда ветер дует?

— Молчишь? Сучий потрох! — крепче перехватив клинок, Табир приблизился к оборотню, желая нанести удар в горло верного волка. — Проглотил язык, падаль?

Варвар покачал головой, спрашивая:

— Что вы ходите услышать?

— Честное: «Да, мой король! Это я убил двух мужей и отца леди Сивер».

— Нет, Ваше Величество. Меня там и рядом не было. И, к слову, о каких смертях идет речь?

— Что? Смеешь перечить? — прошипел проклятый король, хватая волка за грудки.

— Скорее уж отгавкиваюсь. Когда неизвестные вправе наговаривать, мне только это и остается. — Оборотень пожал плечами и Табир отступил, давая продохнуть и в то же время насторожиться. Не к добру это, не к добру. Придется говорить правду, иначе никак. — От моих рук пали только двое из трех. Отца леди Сивер я не касался.

— Признаешь, — удовлетворенно протянул король.

— Признаю.

По знаку правителя солдаты опустили арбалеты и отошли к дальней стене. Они-то отступили, но опасность для стаи не миновала, король продолжал сжимать в руках бесов клинок и кривиться раздраженно.

— А знаешь ли ты, кто мне это поведал? — прошипел Гневный, прожигая оборотня горящим взглядом.

— Нет, но догадываюсь, для чего.

Табир вскинул бровь и знаком руки разрешил продолжать:

— Ваши доброжелатели, — и на немое недоумение венценосного сын ночи пояснил: — Видите ли, у вас хорошая охрана. Они решили ее ослабить. Прекрасный ход.

Правитель Дакартии зло прищурился, пошевелив губами, словно бы сетуя на

проницательность и нахальство волка:

— В виду давности произошедшего, — здесь король покривил душой, с момента смерти второго избранника Тери прошло не более месяца, — убивать тебя я не буду...

Варвар медленно выдохнул, не спешил расслабиться. Еще не все сказано, а последние пожелания светлоглазого... сыча могут быть хуже смерти. И он произнес его с кривой ухмылкой тонких губ:

— Но из дворца удалю.

— Всех и сразу?

Осторожность, прозвучавшая в словах главы стаи, рассмешила короля, что с ним случалось редко:

— Нет, настолько я прогибаться, не намерен! — едкая усмешка. И Гневный жестом выпроводил солдат из тайной залы. Дождавшись, когда за ними закроется дверь, он обернулся к сыну ночи и процедил ехидным голосом:

— Родственники умерших требуют твою голову. Особо жестокие не только верхнюю. — проклятый король дождался понимания, мелькнувшего в глазах оборотня, и продолжил. — Тебя, Стафорд, крепко подставили; есть свидетели преступления и доказательства.

— Какие?

— Как не жаль, но они готовы предоставить улики только после твоей казни... — кривая улыбка и подтрунивание. — С отсечением голов, как ты уже понял.

— Шутите?

Возмущенный рык оборотня, Его Величество лишь позабавил:

— На этот раз я не шучу, — он развел руками. — Они боятся мести братства настолько, что согласны так же помощников Стального барона: Лерфа и Дерека.

— Зачем?

— Как сообщает адвокаты семейств, без подмоги ты бы не справился с великовозрастными мужьями леди Сивер.

Глава белой стаи, глава королевской стражи, барон-оборотень и не справился? Это что-то определенно новенькое. Варвар фыркнул. Надо же! Свидетели есть, доказательства так же, стговор и не иначе. Наверняка, прошение к королю подали на основе сплетни слепой старухи или байки пьяного матроса. В любом случае, так называемые неопровержимые доказательства, после казни могут сгинуть в небытие и не оправдаться. Неужели родственники убитых надеялись повлиять на короля? Или все-таки повлияли? А если даже и так, у барона есть свои козыри.

Стафорд прочистив горло, произнес:

— Ваше Величество стоит ли мне напомнить, что Граф Алвани и младший сын герцога Веллинга лорд Чарльз Уэсли выехали... — другого слова на замену он не нашел, и не говорить же: «были убиты» — не звучит, — из Дакартии и не вернулись...

— Живыми, — с улыбкой подсказал король. И оборотень, незамедлительно кивнув, продолжил:

— В очень удобное для вас время.

— Ты продумал и этот ход? — Табир невинно вскинул брови, хотя по его лощеному лицу видно, усмехается.

— Я был вынужден, — сын ночи с трудом заставил себя стоять спокойно.

Не нравилась ему эта беседа, совсем не нравилась. Да, подонки с голубой кровью пали от его руки и по его замыслу, но сделал Стафорд это так, чтобы ни Тери, ни белая стая не

попали под удар, а король так остался доволен. Выждал, рассчитал, убил и не жалеет. А потому в своем расчете сейчас он признавался со спокойной душой.

— Если желаете удостовериться, то письма и другие документы, доказывающие их участие в заговоре против короны, находятся в моей спальне...

— Под пятнадцатой половицей от третьего окна, — вновь завершил за него Табир IV. — Я знаю. Поэтому ты все еще жив, находишься здесь и говоришь со мной, а твои собраты не корчатся в муках...

А вот и истинное лицо Гневного и проклятого короля, старый расчетливый сын! Абсолютно седой, худой и подтянутый он наводил страх на придворных, даже скользким мимо взглядом. Ему нравилась власть, он ею упивался и даже позволял себе играть, расставляя на политической доске в шахтыри собственных придворных. А сейчас он забавлялся постановкой с бароном, дергая за ниточки-поводки, и справлялся с этим умело. По щелчку его пальцев, внешняя дверь в залу медленно открылась, седой старик, имя которого барон с трудом помнил, хромяя приблизился к королю. Он с поклоном передал Его Величеству сложенный лист бумаги и получил клинок.

— Спасибо, Саир. Можешь идти...

Калека удалился и так же тихо прикрыл за собой дверь. И пусть сделал он это почти беззвучно, все равно осталось ощущение, словно бы ловушка захлопнулась. Хотя, если Стафорд и будет отправлен от дворца, то это ему же на руку. Не придется разрываться между своим замком и столицей Дакартии. Белые вновь соберутся под одной крышей, и можно будет подумать не только о войне, методах охраны короля и его неожиданных вывертах: будь то охота без сопровождения, или тайная вылаза к любовнице.

Затянувшееся молчание Правитель прервал довольным хмыком:

— Я видел твои записи...

Барон постарался скрыть улыбку.

Если он вскрыл только тайники комнаты, то записи с детальным планом тренировок для личной охраны Табира и его семьи — это самое безобидное, что он видел. Схрон оружия, золота, яда, лекарственных порошков и сменной одежды на случай побега был у варвара не один, порядка пяти в разных уголках замка. Не для себя созданы, волк, уходя, ничего не берет. Все это было припрятано для лиц королевской крови на случай восстания или заговора, развернувшегося в дворцовых стенах. Таковым было требование старого вожака белой стаи Дагда. Уж он-то помнил дни смуты в Тардеме и неоднократно повторял: «служи честно и Гессбойро будет сохранен». А чтобы выбить дурь из преемника, глава стаи детально рассказал, что случается с оборотнями, если их реликвия попадает в руки обозленного народа. Рабов.

Проклятый вновь заговорил:

— Мне нравится твоя идея о подготовке отряда солдат, — он постучал по своей ладони свитком знакомым оборотню. Не иначе это были записи оборотня об отряде. — Согласен и с выбором тех пятидесяти парней, что топтались тут только что.

Еще бы, ведь они без дрожи целились в Стафорда и без сомнений спустили бы курок. Барон медленно кивнул, не отрывая от короля взгляда. Все-таки Гневный та еще расчетливая тварь, не доглядишь, получишь стрелу под ребро или клинок в шею.

— Тренировку начнешь с завтрашнего дня, — между тем продолжил венценосный, — во втором логове белых.

Под крепостью Тардош в имени старого волка Вастара, понял варвар. Хороший выбор

места, есть и территории и одичавшие от тишины и спокойствия волки. Самое то, для тренировки. Все ясно, и в то же время не очень. Оборотень смотрел недоверчиво:

— Временные рамки? — спросил он. Без рамок Табир не мог, обязательно урезал сроки вдвое и требовал неперменного исполнения.

— У тебя четыре месяца на подготовку, — саркастически протянул старый сыч. — Справишься, отпущу в леса оборотней... об остальном, уверен, ты догадываешься.

Догадывался и не собирался спрашивать, что будет, если он не справится. Справится, не зря Белый варвар и в бумагах, и в разговорах с королем всегда давал срок увеличенный вдвое. Наученный горькой жизнью придворных мастеров и полководцев, попавших в опалу, барон предвидел и этот его ход. Резкий поклон и смиренное:

— Разрешите идти?

— Проваливай.

Искать виновных в раскрытии секретов не представлялось нужным, запах рассказал. Это была горничная. Единственный человек, имеющий доступ в комнаты оборотня в любое время суток. И единственная из прислуги, кому неожиданно пришлось отбыть из дворца. Как бы то ни было, даже обнаружение бумаг сыграло ему на руку, одна беда — письма Тери безвозвратно утеряны. Те самые, которыми они обменивались, договариваясь о встречах на верхней террасе уютного домика с открытой оранжереей и красной черепицей. Хотя, быть может, оно и к лучшему. Пустые воспоминания семилетней давности ему теперь ни к чему, леди Сивер сделала свой выбор и в очередной раз не в его пользу.

Барон в срок выполнил королевский указ и удалился в свой замок. Почти четыре года о стае белых волков никто не вспоминал. И о службе во дворце было позабыто, ровно до тех пор, пока младший отпрыск короля, старый калека и семь уцелевших солдат из пятидесяти не объявились в лесах белых оборотней.

И вот опять судьба свела барона и Тери в столице...

Воспоминания оборвались резким стуком, и отнюдь не в дверь, а как раз таки двери о стену. Семь взведенных арбалетов нацелилось в грудь барона. История повторялась немного искаженно.

— Что за...? — удивился варвар и с подозрением посмотрел на друга, резво вскочившего из кресла и отошедшего подальше от него. — Что за цирк?

— Сейчас узнаем, — беззаботно отозвался оборотень.

И как по мановению палочки в кабинете раздался неуверенный писк от Гаро:

— Оборотень Дерек, жив?

— Да.

— Цел? — с тревогой и в то же время с сомнением уточнил принц из-за спин солдат.

— Да! — довольный Лис легкой походкой направился к двери, чтобы уверить вопрошающего в своей искренности. «Вот он я!» читалось во всей его позе и движениях. — Ваше Высочество отпустите солдат, мы уже поговорили.

— Обо всем? — прошептал венценосный.

— Почти, — так же тихо ответил Лис.

Подобные переговоры более подходят двум пацанам возле клетки со львом. Мальчишкам, которые хотят зайти к хищнику и не знают, сыт он или нет.

— Зверь мирен, — фыркнул барон и размял пальцы, чем премного озадачил обоих светлоголовых сорванцов. Насторожились, прохвосты. — Лис останься. Гаро, входите,

наконец. Остальные свободны.

Кто-то громко сглотнул, и явно не один из бойцов.

— Лучше, если они... — начал струхнувший принц и был оборван на полуслове.

— Действительно, — щелкнув пальцами, с ним поспешил согласиться глава белой стаи, — свободы у них и так, хоть отбавляй. Лучше, если они потренируются. — И обратился к последним уцелевшим из стражи короля. — Двадцать кругов по внешнему полю, подтягивания не меньше пятидесяти и три заплыва через озеро...

Через какое озеро барон договорить не успел, да и солдаты бы не услышали. Кабинет заполнился щелчками обезвреженных арбалетов, после чего служивые с низким поклоном стремительно удалились за дверь. Иначе были бы посланы плавать на самое большое озеро столицы, да еще в доспехах. Они уже знают варварский пунктик в отношениях с людьми — не ограничивать издевательства над ними.

— Итак, заговорщики, — Стафорд сложил мощные руки на груди и кривовато улыбнулся, — я вас внимательно слушаю...

Дерек с полупоклоном предложил щенку королевских кровей говорить первым, и стал в стороне, чуть позади него. Страхует, чтобы не сбежал? Или желает поймать принца во время обморока?

— Думаю, — пространно начал венценосный, кося взглядом на Лиса, — список гостей, которых мы расположим в домике Роза Шампань, был немного неожиданным.

— Немного, — подтвердил оборотень, не меняя позы.

— И вас вполне могли удивить имена некоторых приглашенных персон.

— Вполне.

— А возникшие вопросы, потребовали ответов...

— Можно и так сказать, — нагло ухмыльнулся Стафорд. — Ваше Высочество, заканчивайте с туманными формулировками, иначе, мы тут простоим до утра. Ответьте прямо, зачем вы пригласили предателей короны во дворец?

— А разве леди Сивер в их числе? — удивился щенок.

— Гаро!

Рычащий окрик барона подействовал на него отрезвляюще, тут же отпали ненужные вопросы и витиеватые отступления. Принц прямо ответил:

— Я хочу, чтобы вы допросили всех, кто включен в этот список!

В кабинете наступила глухая тишина, кажется, даже часы удивленно остановились от такой напористости. А ведь до сих пор все без исключения считали принца слабохарактерным щенком, не умеющим принимать твердых решений. Барон восхищенно присвистнул.

— Дерек, ты только что проиграл мне двадцать золотых, — ухмыльнулся глава белой стаи, — кровь Табира не растворяется.

Волки слаженно улыбнулись и плавно шагнули к высокородному.

— Что?! — не понял принц, с удивлением переводя взгляд с одного на другого. И вдруг встрепенулся и даже плечи расправил, чтобы заявить свысока с надлежащей венценосному серьезностью. — Барон, я сын своего отца и сомневаться в этом не позволю.

— Мы так же не сомневаемся... уже.

Еще одна ехидная реплика, но Гаро на нее внимания не обратил.

— А что касается допроса, то я не говорил о пытках, — заявил он с долей пренебрежения к любимым методам Табира IV.

— Что же вы предлагаете, Ваше Высочество? — издевательски протянул Белый варвар, и вместе с Лисом выжидательно замер.

— Мы поступим проще и незаметнее, — уверенно ответил принц. В его руках блеснула знакомая барону склянка. Та самая, что наполнена окрашенной водой. — Это сыворотка истины, созданная по записям некроманта. Всего одна капля в бокал и человек расскажет все без утайки...

Все-таки Ариша была права, Гаро сам признался. С опозданием, но все же, сам.

Оборотни вновь незаметно переглянулись, на этот раз без подспудной ехидцы во взорах. Первым заговорил барон, осторожно и тщательно подбирая слова.

— Вы..., хм, Ваше Высочество, позвольте узнать, — вы проверяли действие сыворотки? На людях или... волках белого братства?

— Нет.

Честный ответ, прямой взгляд в глаза. Не врет.

— Открывали склянку?

— Нет.

Врет, но даже дыхание не участилось. Неужели сам пил? Это не противоречит первому ответу, но выставляет принца в совсем невыгодном свете.

— А вы уверены, что именно этот эликсир находится в ваших руках?

Принц окончательно расслабился и без стеснения заявил:

— Его по моей просьбе изготовила Ариша. Думаю, верить этой девушке, вы так же склонны, как и я.

Стафорд прищурился и пристальным взглядом окинул повеселевшего венценосного. Догадка пришла сама собой:

— Она написала вам о том, что мне все известно?

— Да, — ухмыльнулся наглец, отчасти напоминая Дерека. Все-таки Лисье бешенство прогрессирует, оно теперь передает не только нездоровую тягу к шуткам, но и повадки оборотня. Пора с этим как-то кардинально разобраться.

— Интересно... — черный взгляд главы стаи переместился на Дерека, — друг мой верный, а каким образом наше Высочество ведет тайную переписку с Аришей через тебя?

Тот пожал плечами, с выразительным недоумением уставившись на молодого храбреца королевских кровей.

— Гаро, — проникновенно начал Стафорд, — других птиц, кроме наших соколов, вы не использовали, я прав?

— Да.

— И вложений в сообщения не делали, иначе мы бы это быстро просекли, так?

Паршивец кивнул и, выпростав руки перед собой мирным тоном сообщил:

— Не стройте догадок, барон, все просто.

— Насколько просто?

— Я использовал средство невидимки. Вы не чувствуете его на нюх, и оно прозрачно после высыхания. Поэтому когда впитываются чернила видимого письма, я пишу тайное настойкой ирда между строк.

Дерек хохотнул и принц, приободренный этой реакцией, беззаботно продолжил:

— Ранее я использовал молоко, но вы бы его быстро обна..., - тут его взгляд метнулся к медленно звереющему Стафорду, и Гаро умолк, судорожно и громко сглотнув.

— А позвольте узнать, — сквозь зубы спросил барон, — как она читали эти ваши...

прозрачные строки?

Венценосный в поиске поддержки посмотрел на светлоголового сына ночи и неосознанно шагнул к нему. А тот, махнув рукой, дал добро на искреннюю правду. Мол, не волнуйтесь, в случае чего я помогу отбиться. Принц внял, но еще не совсем поверил, поэтому сделал за спину оборотня еще один шаг и отвечал с едва уловимым заиканием. Тягуче.

— По-по-о-сле про-о-глажки утю-ю-югом, строки становятся видимы. Они приобретают ореховый оттенок.

— Когда и при каких обстоятельствах вы поделились с Аришей секретом такой переписки?

— Было время... — уклончиво ответил принц и повел плечами, словно бы сбрасывая с них неприятные воспоминания.

Так-так, выходит, в тот раз, когда она осмотрела спину мальчишки, он рассказывал не только о недопонимании в семье, воспитательных мерах, но и поделился секретной информацией.

— Еще вопросы? — глухо поинтересовался принц.

— Нет, — Стафорд протянул руку раскрытой ладонью вверх, чтобы взять состав, — я с радостью добуду для вас информацию, Ваше Высочество.

— С нетерпением буду ждать, — Гаро вручил оборотню склянку с подкрашенной водой и вышел, чеканя шаг.

— Расстроился, — заметил Дерек с грустью.

— Еще бы, — варвар сжал склянку до хруста и неожиданно резко обратился к другу. — Ты шел сюда, зная обо всем?

— Нет, я не знал ничего. А Гаро с некоторых пор опасается говорить с тобой без предварительной разведки. Вот и попросил узнать, соблаговолишь ли ты, мой барон, выслушать его до конца или предварительно избьешь до полусмерти.

— Прекрати паясничать, — варвар выбросил в камин осколки от склянки, спросил раздраженно: — О списке гостей как узнал?

— О! А вот это отдельная история. — Развеселился, поганец и протянул главе стаи платок. Стафорд взял его и, вытирая руки, он все еще хмурился, понимая, что сейчас услышит очередную сказку от Лиса.

— Только представь, иду я к тебе в кабинет с королевской миссией, а из-за поворота навстречу мне вылетает взъерошенный Ивен Нильский. Красный, едва ли не рычащий и мокрый. У него в одной руке букет цветов, в другой пустая ваза...

— Остыть пытался, — отмахнулся барон, — он так же воду из ваз использовал, когда мы вели в Ларвии диспуты.

— Да-да помню, — поспешно согласился светлоголовый и задумчиво продолжил, — но знаешь, вот тут уже и я уподобился Гаро и решил прощупать почву на твой счет, а попутно забрать у Ивена вазу и цветы. — Заявив это, он заразительно улыбнулся и полупшепотом спросил: — Что будешь делать теперь?

Белый варвар криво оскалился, процедив сквозь зубы:

— Развезу приглашения для персон из этого списка...

— Ари, нам пора.

Горячее дыхание коснулось шеи, я вздрогнула и не удержала лица и скривилась, проклиная. Будь неладен Ыг Горер Отту прямой потомок бесека.

Больше недели в дороге, но я уже люто ненавижу и этого человека и его обращение ко мне: «Ари». Из его уст укороченное имя звучит противно, гадостно даже. И передергивает всякий раз, когда меня зовет этот хладнокровный лицемер! Подлый пакостник и прощельга! Убийца! Беспощадный зверь, хоть и не волк, но давно уже не человек. Да в сравнении с ним Увыр Хотский простоватый мальчишка, который в лоб сообщает, что хочет получить. А этот... мерзкий человек, и он не бесек вовсе, а хуже!

— Еще минуту, — дернув плечом, сбросила руку пирата и продолжила осматривать очередного мужчину, которому «не повезло», как любит говорил Ыго.

А последние дни говорил он так действительно часто, ибо удивительное обстоятельство, куда бы мы ни приехали на ночлег, кому-нибудь да «не везло»! В первой таверне хозяин заведения заболел чернухой. Во вторую ночь на соседнем постоялом дворе отравилась женщина средних лет и два ее сына, из омута предсмертных видений мне вывести их удалось, а дальше пришлось перепоручить их местному знахарю, так как бесек спешил. И чем дальше мы ехали, тем хуже становилось всем вокруг. Вот и в тихом городке Тавилле стоило нам явиться, так вспыхнул пожар, три часа бушевал и превратил в пепелище две городские улицы. Я до самой ночи людей лечила, не поднимая головы, а добросердечный пират решил уступить свою комнату погорельцам и напросился ко мне. Уставшая, я спорить и не стала, на нашем пути вскоре будут пролегать голые степи, там стеной и дверью отгородиться не получится, так что пусть спит.

И он заверил, что пол, покрытый толстым ковром, самое удобное место для него. Но стоит ли говорить, что я проснулась среди ночи в крепких мужских объятиях, прижатая к матрасу мускулистой голый ногой. Хорошо, что Датог младший строго настроено запретил на ночь раздеваться, даже если душно совсем. Я-то думала, что в одежде спать сподручно для скорых сборов, а на самом деле...! Да уж! Может горные наемники и не гнилой народ, но этот, Ыг, явно изнутри чахотным мхом покрылся.

Решив, что я завтра с ним поговорю, с трудом выбралась из кровати и спустилась вниз. В зале таверны так же были люди, кто-то спал у стены, кто-то сидел, подперев голову, и жаловался на Божью несправедливость, а другие вместе с хозяином пили, как ни странно чай, и говорили о произошедшем. Попросив воды, тихо присела за свободный столик. Мужики долго спорили и даже ругались, предлагая на кулаках разобраться, кто тут прав, но обошлось без драк, все устали. Зато к рассвету, не смотря на разногласия, они сошлись в одном: пожар вызвал поджог. И не был он на руку ни градоправителю, ни купцам местным, ни простому городскому народу. Всем досталось.

— Приезжий напакостил, — молвил один из пожилых, — и уехал. Ветер переменчивый был, с ним никак не просчитаешь, в какую сторону полыхнет. А ему, видать, все равно было, поджег и уехал.

— У меня как раз сегодня трое сдали комнаты, — задумчиво сообщил хозяин таверны, — оплатили на неделю вперед, а съехали раньше.

— И у Хаваря, говорят, кто-то сегодня деньги требовал назад, ибо спешат...

— Найти и убить! — рыкнул тот, у которого руки тканевыми лоскутами покрыты по самые локти.

— Или поколотить, хотя бы, а потом страже сдать, — внес лепту сидящий здесь же торговец рыбы, дородный северянин.

— Если найдем...

— Найдем.

Нашли они поджигателей или нет, я не узнала. Мы с Ыго уехали еще на рассвете.

Правду сказать, о той ночи с пиратом поговорить не смогла. Слов не нашла, чтобы пристыдить, упрекнуть, напомнить об уговоре и обязательствах, которые он подписал и обязался, сопроводить к родной деревеньке и оставить в покое. Оробела, глядя в его смеющиеся глаза, язык проглотила. Поначалу обиделась, потом поняла, не пришло еще время для разговора на равных. Он-то знает, что сказать хочу и ухмыляется свысока, словно бы мне деться некуда и отомстить нечем. В чем-то он прав был, да не во всем.

Когда в степи на ночь остались, я ужин приготовила и бросила пару травок в огонь, часа не прошло бывшего пирата грозу моря Оттари в сон сморило, крепко. Всю ночь и до самого обеда следующего дня спал, не просыпаясь. А когда очнулся на меня с наглой ухмылкой уже не смотрел и сказать что-либо поостерегся.

То-то же! И Ыг Горер затих на два дня, пока мы мчались по степи. Не пытался приобнять, помочь слезть с лошади, заправить мой локон за ухо и с многозначительным взглядом взять за руку.

Думал, я соскучусь по этим раздражающим нежностям? Фигушки! Бесеков я теперь знаю хорошо, не просто в глаза видела, но и лечила. До сих пор помню гневный тираду Хотского, о том, что я отныне их сестра младшая, любимая и почитаемая, которую должно охранять, а не лапать, благодарить, а не пытаться убить. И говорил он это, держа меня за руку, чтобы парни его группы на всю жизнь запомнили, как я выгляжу и кем им прихожусь. К слову, я тогда времени даром тоже не теряла, запоминала их всех, вот такими: бледными и сердитыми. Чтобы впредь десятой дорогой обходить и никогда с ними не сталкиваться. Потому что нет у горных наемников ни совести, ни чести, ни верности, лишь злости излишек, а доброты недостает, как солнца зимой.

Поняла я это еще тогда, ну а с Ыго просто удостоверилась. И нельзя его полу-бесеком назвать, он чистокровный сын своего племени.

Когда мы с ним в леса въехали, мужчина все еще отстранено держался, даже о прошлых своих заслугах не говорил, не пытался впечатлить своими подвигами и хитростью, но стоило остановиться на ночлег, так его словно бы подменили...

Сдернув меня с лошади, накрутил тугую косу на кулак и, оттянув ее назад, заставил смотреть на себя:

— Ну что, поговорим, красотка?

И не дав сказать и слова, впился болезненным поцелуем в мои губы, попытался проникнуть языком в рот. Пораженная жестким натиском на несколько мгновений застыла, и лишь потом сообразила его укусить. Смачно выругавшись и сплюнув кровь, он отступил, но меня не выпустил.

— Не хочешь говорить? — разыграл искреннее удивление, а в глазах плещется злоба: — Тогда поиграем!

— Пустите... — прохрипела, цепляясь за мужскую руку, по-хозяйски сжавшую мою грудь. На глаза навернулись слезы страха, обиды и что таить боли. А я-то до конца думала,

что мне подобное не грозит, будто бы защищена «смертельной болезнью» и заверением Суру, что за спиной бывшего пирата мне опасаться нечего. Ошиблась.

— Зачем же? — удивился ЫГ Горер, сверкая синим взглядом. — Давай все проясним здесь и сейчас...

Другими словами в темном лесу меж скрюченных низкорослых деревьев на земле, что чернеет в наступающих сумерках вечера, когда никто не услышит и не спасет.

— Ыго, ос-ос-та-ан-новитесь!

— Не могу, нежная Ари, — прошептал он игриво, с жестокой улыбкой расстегивая пуговицы моей рубашки. — Ты сама напросилась.

— Боже! Когда?! — голос сорвался и осип, стоило горячим пальцам коснуться шеи, — когда я...

— Ты соврала... — прорычал он в мои губы, — о болезни, о женихе, о цели своей поездки... даже о том, что спрячешь в своей сумке. Соврала!

Если до этого я была напугана, то теперь похолодела от ужаса. А ведь Датог младший говорил, что Ыго видит ложь, предупреждал, чтоб была осторожной и не раскрывалась перед ним ни на йоту. Иначе вцепится...

Судорожно вздохнула и, подбирая слова, пролепетала:

— Все это не мои секреты, я не имею права их раскрывать.

— Выходит, — довольная улыбка расцвела на его лице, в глазах появилась глубина, — ты не больна, свободна и едешь не к будущему мужу с подарком ...

В голове запоздало мелькнула мысль, что блефует проклятый потомок бесека. Играет, мерзавец, грубо и неожиданно, чтобы докопаться до сути. Ведь, говоря обо всем этом, я не лгала, просто всех карт не раскрыла. Сейчас же следовало, как и с варваром просчитать его ожидания и поступить иначе. Но из горла против воли вырвался горький смешок, а за ним смех безудержный и громкий. Слезы полились градом, ноги невольно подкосились, и я вцепилась в рубашку мужчины, чтобы не упасть. Мне уже было плевать, рычит ли он, оттягивая мои волосы, или гладит по спине, тихо нашептывая, чтобы успокоилась.

— Пустите, — попросила сдавленно между приступами смеха, и нерешительно он все же отступил, продолжая удерживать за локоть.

Какой нежный, только что сжимал до боли, а теперь опасается моего падения. Мразь!

С остервенением выдернула руку из его пальцев, и отошла к ближайшему дереву, чтобы опереться. Несколько минут восстанавливала дыхание и старалась успокоиться, а затем с холодной твердостью произнесла:

— Я сказала правду. Но вы ее неправильно поняли.

— Ари...

— Молчите и стойте на месте, — гневно предупредила, решительно выставив вперед руку. Если ЫГ Горер сделает хоть шаг в мою сторону, я вряд ли сдержусь и уже не смогу рассмеяться, слишком страшен он был в эту минуту.

— Я больна и это не лечится, — произнося эти слова, подумала о бесплодии и боли, которую мне приносит этот факт. В голосе появилась необходимая слезливая дрожь и сиплость.

— Занята, но это не брак и не помолвка. Это клятва и ее невозможно ни отринуть, ни расторгнуть. — Вспомнилась ночь на северном перевале, ее замораживающий холод, и слова мои приобрели тяжесть отчаяния.

Лица бесека в темноте я уже не различала, но судя по напряженным плечам, он не был

рад моим словам. Слишком надрывно, искренне звучало.

— Цель поездки проста, — продолжила я с горечью, — год назад погибли мои родители. Сейчас хочу вернуться в родную деревню и посетить их пустые могилы.

Ыго склонил голову, принимая и этот ответ. Верит, теперь уже окончательно.

— А что до сумки... — тихо хмыкнула я, точно зная, что он в нее не лез. Боится прикасаться к моим вещам, с тех пор, как я его сожженными травками одурманила. — Везу я отнюдь не для мужа подарок.

— Это понятно, — ехидно произнес мужчина и в его руках блеснул мой нож-заклинателя, — и кто доверил тебе столь ценный подарок?

Меркантильный прохвост, вспомнил, сколько нож на рынке редкостей стоит, решил озолотиться? Еле-еле удержала вздох облегчения. Он не заинтересовался ни моим ремнем с тяжелыми металлическими пуговицами, ни тетрадями в кожаных обложках, за чтением которых дважды меня заставлял. Все-таки я оказалась права, в сумку пират не лез, ограничился тем, что снял с моей голени баронов подарок. И как теперь обезопаситься от его нападений?

Усмехнулась пустым своим мыслям и решила говорить правду, и только ту, которая будет мне на руку.

— Это дар моего покровителя, — я кивком указала на нож и уверенно застегнула рубашку. Если душой не кривить, в свое время Стафорд согласился с этим званием. Так почему бы его не предъявить? Вряд ли Стафорд узнает, если я назову его так, еще хотя бы раз.

Ыг Горер Отту ругнулся и плюнул под ноги:

— Несомненно, оборотень и обязательно глава стаи?

Улыбнулась, мстительно думая про себя, что после этих слов ко мне он более не полезет.

— Так и есть, его вручил мне Белый варвар.

Резкий шаг в мою сторону и злобное шипение у самого лица:

— А не слишком ли велика подачка для простой подстилки волка?

— Не слишком, — ответила твердо, — в счет заслуг.

— Могу себе представить эти... услуги, — ехидно произнес он и протянул мне нож-заклинателя рукоятью вперед. — Пользоваться умеешь? — спросил треклятый шепотом.

— Да-а... — резкая смена его настроения меня порядком насторожила. Не двуликий ли он часом? Слишком легко меняется маска доброго на злого и наоборот.

— Вот и хорошо... — ухмыльнулся и совершенно неожиданно мазнул губами по моему подбородку, — у нас гости.

— Что?

— Гости, — повторил, будто бы радуясь, — привлеченные твоим смехом. Так что, Ари, двух так и быть оставлю тебе.

В следующее мгновение в руках Ыго зажглось три малых факела, которые пират с излишней медлительностью, насвистывая, воткнул в землю в паре шагов от дерева и отступил в противоположную мне сторону. Он оказался прав, гости явились незваные. Пять человек южане разбойничьего вида. Рваные рубахи и жилеты из шкур, залатанные штаны, двое в сапогах остальные босиком. Из оружия у них были дубины, ножи и цепи. Сразу видно — беглые с шахт, от таких далеко не уйти, а горный предлагает бороться.

— Двое... мне? — голос дрогнул.

Не знаю, на что рассчитывал этот человек, но я в жизни ни с кем не дралась. Да и отбивалась чаще всего бездарно, совсем позабыв уроки отца и дяди. Вот и с бесеким сейчас запоздало вспомнила о порошках, которые вшила в нарукавники рубахи. И пока он говорил, успела выдрать лишь один мешочек из тайника и сейчас крепко сжимала его в ладони.

— Готова? — осклабился сын моря Оттари, глядя на меня.

— Н-нет!

— А они да...

Его слова стали командой, разбойники сорвались на бег, стремительно сокращая оставшиеся метры. Как с ревом упал первый гость, подскочивший к Ыго, я не увидела, меня более занимал тот, который с цепью наперевес шел мне навстречу. Сообразила сразу, что бить будет на расстоянии, чтобы я нож-заклинателя не пустила в ход. А мне того и надо, шагнув за дерево, я увернулась от первого удара, и бросила в нападающего мешочек. И грамма отравы, что пройдет сквозь одежду, хватило бы на внушительный ожог, но мужчина по незнанию поймал мешочек на лету и громко хохоча, раздавил его руками. Золотистая пыль взвилась дымком вверх и покрыла руки и голую грудь беглеца.

— Стой!

Меня он не услышал, заинтересованный цветом, поспешил лизнуть ядовитую позолоту. Я поняла — умрет за секунду до того как золотистая его кожа вздыбилась пузырями ожогов и кровь хлынула из носа и глаз, разбойника. Он заорал, выгибаясь дугой назад, и голос его из рева стал хрипом. Дерущиеся по ту сторону факелов изумленно застыли, а я рухнула на землю, не в силах отвести взгляда. В дневнике некроманта описывалось только попадание порошка на кожу... что будет, если жертву им накормить я не знала, теперь вижу — она раздирает лицо руками, пытается вспороть собственное горло и все это не переставая хрипеть. Боже...

— По-по-о-могите! Помогите ему..., помо...!

— Сейчас, — пообещал пират и метким броском ножа, прекратил нечеловеческие страдания беглого.

В наступившей тишине ночи, оставшиеся в живых, вышли из оцепенения, посыпались удары и ругань. Бесек в пылу драки что-то крикнул, ругнулся мне, а я, оплакивая умершего, не замечала, ничего вокруг. Из-за меня умер человек..., умер человек... Сердце сжимало стальными тисками, легкие горели огнем, и голова наливалась расплавленным свинцом, так что боль полоснувшая мою руку не отрезвила. Я не пришла в себя, даже когда грязные пальцы нападающего сзади жестко схватили за шею, перекрыв и без того сдавленное дыхание.

— Радуетесь, ведьма?!

Двигаться не было ни сил, ни желания. Зачем? Для чего? Ведь я только что лишила Божье создание жизни, только что... И в голове бьется одна лишь только мысль: «Я убила человека, я убила..., я...»

— Чего молчишь? Ублюдочная тварь!

Схватил за волосы, дернул на себя. Я запрокинула голову назад, но из-за слез нападавшего так и не увидела. Наверное, оно и к лучшему.

— Ревешь паскудина? — пинок в мое бедро, а я не чувствую и этого, — ... сейчас заговоришь, — пообещал он, обдав смрадом нечищеного рта, и рывком вздернул меня.

Очнулась на мгновение и забилась в его руках:

— Н-нет! Пу-пустите! Пустите...

— И не подумаю, — развернул лицом к себе, тоном заговорщика сообщил: — Дружка твоего сейчас зарежут, и на его свежесодраной шкуре, я отделаю тебя.

Слезы разом иссякли, взгляд прояснился и я взглянула на беглого. Огромный, без правого глаза, со шрамом, пересекающим нос и щеку. Меня передернуло от отвращения, а он предвкушающе осклабился, проговорил:

— Жаль сразу убивать, хорошенькая больно.

Рубашка под его рукой затрещала по швам, я захлебнулась беззвучным воплем, дернулась и повисла, как только тяжелая рука обрушилась на щеку. Рот мгновенно наполнился кровью. Ее металлический вкус всколыхнул, выдернул из забытья, напомнил, что надо бороться. Отрезвление пришло во время, я услышала гневный окрик Ыго:

— Нож, дура! У тебя нож в руке!

— Хорошее замечание... — соглашаясь, прохрипел беглый и схватился за белое лезвие с мелкими пазами для яда. Он решил легко выдрать Кивс Заху из слабой девичьей руки, но ошибся.

— Простите... — просипела я, всхлипнув, и надавила на камень эфеса.

Он не орал, нет. Вначале разжал руки и отпустил меня, затем опустился на колени и завалился набок, бледный как...

— Мертвец? — поинтересовался подошедший сзади потомок бесека.

— Нет... — я помотала головой и прикусила губу, все еще кровоточащую.

— Скоро дойдет? — спрашивая меня об этом, бесек деловито ощупывал карманы беглого в поисках денег. Когда в руках его звякнул мешочек с золотыми, он подмигнул мне с улыбкой. — Ну так что?

— Жив останется, — прошептала сдавленно, — и это хорошо...

— Погано это, — не согласился пират и занес руку для удара.

— Не надо! — я заслонила собой обездвиженного. — Умоляю, оставь его... Хотя бы один пусть живет.

— Нет, — пират поджал губы и гневно прищурился. — Отойди немедленно.

— Пожалуйста, пусть живет!

— Ты, что глухая или слепая? — мужчина указал рукой на место боя, где догорали факелы. — Не слышала, что он тебе говорил?

— Слышала, видела...

— Он очнется и догонит нас!

— Но видеть сможет лишь через три дня, — сказала, отчаянно желая сохранить жизнь хоть одному.

Ыго не желал ничего слышать, сжав в руке кровавый нож, он взглядом прожигал поверженного беглого:

— Догонит.

— Да, если даже догонит, — не выдержала я его упрямства и прошипела, — меня рядом с вами уже не будет... убьете его, как посчитаете нужным.

Я медленно поднялась и отошла, как вдруг бесек тихо ответил:

— Это мы еще посмотрим.

И хруст шеи неподвижного мужика поставил точку в нашем споре.

В ту ночь я не спала, и в следующую тоже. Не могла. Мерещились тела убитых, слышались их крики, просьбы о помощи... Явственно видела на своих руках кровь, чувствовала ее вязкость, запах, вкус. И не могла есть. Ыго неоднократно предлагал выпить

вина, которое он предусмотрительно взял с собой, а я отказывалась. Нет ему больше веры, нет и не будет. И он с каждым часом злился все больше, прожигая тем же взглядом, каким смотрел на беглеца.

Странно, но теперь я видела его насквозь и могла с уверенностью сказать, что все беды, происходящие вблизи наших мест ночевки, его рук дело. Своеобразный отвлекающий маневр, жестокий, но продуманный. Ведь лицо знаменитого пирата Ыга Горера Отту знали в Даккартии все, кто умел читать. Потому что Табир IV слыл не просто Гневным королем, но еще и злопамятным, и камни с гравюрами преступников были у старост даже самых глухих деревень. Хорошее решение для поисков скрывающихся преступников и отщепенцев. За прошедшие годы поймали всех, кто был отмечен рукой гравера после войны, один лишь этот остался на свободе. Теперь-то хоть понятно, почему.

На третью ночь после побоища мы въехали в празднично украшенную деревушку. Маленькие тихие улочки освещают многочисленные факелы, простые глиняные домики с деревянными крышами украшают живые цветы, через улицы перекинута сотня тоненьких белых ленточек. Сразу видно, здесь справляют праздник невестинной нежности — Нанан-Рибби. Еще одна древняя традиция, позволяющая девушкам и парням знакомиться по воле «судьбы», хотя тут, как и в Черхи можно рассчитать свою удачу. Домам, где проживает девица на выданье, староста тайно присуждает название цветка. Парням же суждено наугад выловить нераспустившийся бутон, который укажет на дом избранницы.

Бывает так, что по тихому наущению старосты все дерутся за ирисы или маргаритки, выхватит кто-нибудь из рьяных цветов в пылу драки и бежит к дому местной красавицы. Позовет ее, как требует того обычай с родными девушки раскланяется, а она навстречу выйдет и венком ромашек на голове. Значит, прогадал парень, и не с ним она до зари на лодке плавать будет, а с дарителем ромашки, если таковой к ее дому прорвется.

Я с тревогой смотрела на довольные лица местных жителей. Кого теперь Ыго отравит, чей дом или сарай подожжет, кому испортит праздник? Посмотрела на него и вздрогнула.

— Что Ари? — он улыбнулся. — Ты хотела что-то сказать?

— Да... не травите сегодня никого, вас не узнают, и незачем отвлекать население пожаром.

— Все сказала?

— Все.

Я не отвела взгляда от его холодного прищура, но сжалась внутренне, когда он прищыкнул и прорычал:

— Тогда помолчи.

Ыго заказал две малые комнаты на постоялом дворе под странным названьем «Волчья шкура». Намек на моего покровителя или простое совпадение? Чтобы это ни было, сегодня я решила отдохнуть, отринуть тревоги и погрузиться хоть в кратковременный сон. Еды и воды в этот раз взяла, но есть решила в своей комнате, а от добросердечно предложенной ванны отказалась. Еще не хватало, чтобы ко мне во время купания пират заглянул. С него станется заявить, что пришел он на запах моря. Нет, пока я с ним в разные стороны не разъедусь, ничего с себя не сниму, ни тяжелого пояса, ни плотного жилета с металлическими вставками. Я поднялась в свою комнату, ставни закрыла и сундук придвинула к двери, чтоб гость непрощенный войти не смог. Поела, кое-как мокрой тряпкой обтерлась и, намочив занавеси остатками воды, легла. С улицы сквозь щели дул теплый ветерок и в комнате из-за

постепенно высыхающей ткани стало свежее.

Я проспала от силы два часа, а может быть и три, как вдруг проснулась от тихого стука в дверь.

— Кто там? — спрашиваю и не спешу открывать, вдруг в коридоре стоит пьяный Ыго. Он в пути уже намекал на сущий пустяк, благодарность за спасение моей жизни, но что этим пустяком окажется мне знать не хотелось. До сих пор по коже мороз от одного лишь его взгляда.

— Госпожа, не гневайтесь... — пролепетал детский голосок. Девочка, судя по голосу дочь служанки, что на кухне готовит. — Хозяин руку сломал, а вы..., а вы, говорят, лекарь.

— Кто говорит?

— Так спутник ваш! — пискляво сообщила малышка.

Выходит пират ее ко мне прислал. Подумала и в груди что-то неприятно сжалось, а вдруг он за золотую монету подговорил девчущку слова эти сказать, а сам стоит рядом?

— А ты в коридоре одна?

— Одна, — настороженно ответил ребенок и шмыгнул носом. — Так вы придете?

— Уже иду, — с трудом сдвинула сундук в сторону и открыла двери, там действительно стояла только маленькая перепуганная девочка. — А скажи мне, малышка, он пьян?

— Кто? Хозяин? — и, не дожидаясь пояснения, хмуро сообщила. — Афор Таисыч у нас не пьет, иначе мама с кухни уйдет.

— А этот мой... спутник, он пьян?

— В стелечку... еле-еле слова связывает.

— Хорошо, тогда иду.

Хозяин постоянного двора сидел на входе в кладовую. Бледный и вспотевший он, прижимая сломанную руку к груди, проклинал высокие ступени. На коленях по одну сторону от него примостился пьяный Ыго и о чем-то своем тоже сокрушался, а по другую сторону на четвереньках ползал не менее трезвый мужчина средних лет, судя по куртке лекарь. И ползая, он что-то на полу искал, то ли совесть, то ли пенсне.

Оценив обстановку, я попросила Афора Таисыча пересесть к столу, спросила:

— Что произошло?

— Спускался за вином, — сквозь зубы ответил раненный, — а когда поднимался не сразу заметил, как надо мной дверь закрылась. По голове хорошо попало, а я, падая, кувшин хотел уберечь, вот и...

— А вино зачем несли? С них и так достаточно. — Я кивнула на тихо булькающих между собой пропойц.

— Я не им, а на кухню нес. Кухарка моя, Сара поросенка в вине вымачивает до утра, чтоб мясо было с запахом...

— Понятно, — осматривая поврежденную руку, нахмурилась.

Жилет на мужчине был вспорот, рубаха окровавлена. Это ж как он там падал? Кубарем? Никак перелом открытый, плохо дело...

Бросила взгляд на пирата, а он все там же на полу в обнимку с местным лекарем сидит и усмехается его пьяной болтовне. Глаза всего на миг поднял, а они... то ли показалось мне, то ли и впрямь трезвые. Зажмурилась и мысленно открестилась, ну его к бесам! Завтра вечером уже разойдемся, и я свободно вздохну и забуду об этом чело..., бесчеловечном бесеке. Пока давала распоряжения о воде, ткани для перевязок и паре мисок, вдруг слышу, как Ыго заявляет, что мне вроде как сумка понадобится, и он ее сейчас принесет.

Меня словно молнией тряхнуло, моя сумка ему не просто так нужна.

Сам в нее полезет или хочет посмотреть, как я ее открою? Удостовериться хочет, что опасного в ней нет. Вот уж дудки! Пусть обходит мои вещи стороной.

— Не надо ничего нести.

— Ну, как же...! — он поднялся еле-еле по стеночке и сделал пару неуверенных шагов к двери. — Я сейчас.

— Во-первых: ты не дойдешь... — сказала со вздохом, а хотелось зарычать.

— То-о-гда... пусть девочка, — на удивление быстро сообразил якобы пьяный мужчина и, лишь сделав это предложение, осекся.

Я смотрела на него прямо, без тени улыбки или издевки. Я видела суть его игры, и он это понял.

— А во-вторых: там нет ничего, чтобы мне сейчас понадобилось.

— А как же, — вот тут он идеально пошатнулся и опустился на пол с тяжелым вздохом. — Как же... р-ру-ука Аа-аф-ффо-ора?!

Если уж играть, то до конца и с апломбом, не успел договорить и опять с места подорвался. Резвенько.

— Не-не-е порядок!

Но я и тут остановила его:

— А с переломом я справлюсь при помощи лекарственных принадлежностей твоего собутыльника, — и с улыбкой обратилась к мужчине, уже отрадно обнимающему мешок, сваленный у стены: — Вы позволите?

— Все в ваших руках, — риторически ответил тот и затих.

Остаток ночи, утро и большую часть дня я не отходила от раненного и была спокойна, потому что заблаговременно попросила малышку забрать мои вещи в комнату хозяина. Ыго все это время отсыпался и носа не показывал, а вот теперь явился, ясен свет.

Зовет в дорогу:

— Ари, нам пора.

— Еще минуточку, — дернув плечом, сбросила его руку.

— Жду на улице, — нейтрально заметил он и вышел.

Этот ждать без действия не сможет, еще чего-нибудь людям сделает и почитай потом себя виновной, что других от каверзы такой не уберегла. Придется поспешить.

Отдав последние распоряжения по присмотру за выздоровлением хозяина таверны, я распрощалась с самим Афором и лекарем, который мои наущения внимательно слушал и женщинами, работающим на кухне. Выходила из дома с улыбкой на губах, довольная тем, что спасла человеку руку и обезопасила от болей, но чем ближе подходила к оседланным лошадям, тем мрачнее становилась.

День будет не легким.

— Дерек? — спешно собирающийся Стафорд, непривычно громко позвал друга. — Что слышно от Аришки?

— Все хорошо, — пожал плечами светлоголовый оборотень и ухмыльнулся. — А с чего вдруг ты, собираясь к Тери, вспомнил о нашей малышке?

— Просто.

Барон нахмурился, не говорить же что ее голос почудился... Слезливый и умоляющий отпустить. Кого отпустить? Куда отпустить? Зачем? Проклятье! Услышал его минут двадцать назад, а все никак не может забыть.

— Скажи, а Суро тебе писал?

После этого вопроса, Лис перестал облакачиваться о косяк, вошел в комнату и закрыл двери.

— Датог?

— Да.

— Младший или ста...? — под черным взглядом главы стаи, светлоголовый оборотень запнулся. Откашлялся и сообщил. — Суровый тебе писал, где-то... пять недель назад. — Лис залез на кровать и обнял подушку, словно бы в своей комнате находился. — Говорил, что она хочет посетить свою деревню в сентябре, спрашивал отпустить или нет.

— И что ты ответил?

— Твои слова передал, чтоб в Берите сидела. А если попробует сбежать, чтобы поставили ее перед сложным выбором. Либо дома сидит, либо едет, но с таким провожатым, на которого она никогда не согласится.

И барон вспомнил. Действительно его идея была. И тогда она показалась гениальной, а вот сейчас что-то таковой не кажется. Тревожит.

— И?

— Ну... — весело ухмыляясь, протянул довольный оборотень, — и был у них один... скиталец на примете. Редкостный прощелыга и бывший пират. Такой, к которому ни одна нормальная близко не подойдет. Вот они его и предложили, а потом дали время подумать. До свадьбы Патайи.

При упоминании девичьей нормальности, барон белой стаи скривился. Кто-кто, а кареглазка из этого перечня своей неординарностью выбивается, хоть ты тресни.

— К слову она неделю как прошла... — Лис хлопнул себя по лбу и резко сел, — вот же... и подарок молодым придет с опозданием.

— Прошла? — Стафорд прекратил надевать сюртук, так и застыл с поднятой рукой. — То есть свадьба была неделю назад, а Суро до сих пор не отписался о решении Ариши?

— Так получается, — с заминкой ответил друг, — зато она в последнем послании писала о Танти — деревенской запеканке из творога и изюма. Хвалила очень... потом написала, что нашла хороший подарок для Севуни. Перчатки для рукопашных мальчишеских боев...

Сюртук с барона полетел прочь, а в голове его застучало.

Звонят фразы, взрываются звуки, и домыслы реют где-то далеко. Парят в разброс, но все никак в стаю не соберутся. Запахи, звуки, лица... И кого выбрал ей Суро? И почему он молчит? Сокол из Берита в столицу долетел бы за три дня, голубь за четыре. Прошла

неделя... Неделя. Кто был выбран для устраниения Ариши? Пират, скиталец... знаком с Суровым лично, возможно не первый год. Девушки к такому близко не подойдут... Город Суороого Берит, а в этом городе принимают...

А между тем Дерек продолжил:

— ... еще ей крыжовник понравился. Судя по ее описаниям — это мелкая полосатая ягода. Знаешь, до сих пор диву даюсь, сколько всего привозят в город Суороого. После Аришкиных описаний чуть слюной не захлебнулся...

— Проклятье!

— Настолько не рад, что я остался жив? — тут же возмутился светлоголовый.

— Лис, ночь тебя прокляни!

— И сразу в проклятья, — патетично заявил друг, но глянув на Белого варвара, подушку в сторону отложил, поднялся. — Что, говори?

— Эти Суоро, чтоб им в аду гореть, предложили ей ехать с бесеком!

И Дерек удивленно сел обратно.

— А знаком ли тебе пират с этой гнилой натурой? — распаляясь все больше, прошипел варвар. — Такой, чтоб скитался вечно и нигде не оставался!

— Ыг сын моря Отту, — прохрипел Лис в ответ и судорожно сглотнул. — В свое время Датог младший плескался с ним в этом море на одном суденышке...

— Правильно, — выдохнул барон и, обращаясь к своему отражению в зеркале, спросил: — А теперь скажи мне, почему письма от Датога еще не пришли, зато девчонка исправно рассказывает о блюдах, которых в Берите и в помине нет?

Он провел рукой по волосам и протяжно выдохнул:

— Неделя... крыжовник, запеканка, перчатки для драки... Неделя.

— Она еще о смородине упоминала, черной и шерсти ассирских коз, — подсказал друг.

Варвар дернулся, вскинул черный взгляд и как рявкнет:

— Вороватая мразь... Чтоб его! — стекла окон зазвенели, зеркало напротив барона треснуло. А он продолжил: — Этот Ыг ведет Аришку тайными тропами к первому перевалу горных наемников, а Суоро ищет их в долине...

— Вот почему послания от него еще не долетели! — сообразил оборотень. Все же приятнее думать, что письма еще не долетели, а не вовсе не были посланы.

— Да. Жди их сегодня вечером.

Белый варвар вылетел из комнаты и направился к парадной лестнице королевского дворца, Лис поспешил за ним, рассуждая вслух:

— Да-а-а-а, если поддаться панике и не думать о том, что голубей периодически ветром, соколом, стрелой сносит, и они не всегда вовремя долетают, — с намеком произнес он, указывая на излишнюю взвинченность главы стаи, — то все выглядит правдоподобно но... — и так как он протестующего рыка Белого варвара не услышал, то спокойнее заметил:

— Она бы написала мне.

— Ариша...? — Стафорд оглянулся через плечо. — Девушка с ее гордыней и тайной жаждой свободы слова и передвижения? Ни за что. Готов поспорить, она раскусила наш ход, как только познакомилась с этим... — барон на мгновение остановился и, сжав кулаки, сам себе пообещал: — Убью!

— Его?

— Обоих! — он влетел по ступеням на этаж принца и, расправив плечи, шагнул к массивным деревянным дверям. — Хватило же ума следовать за...

— А если связал? — осторожно заметил Дерек.

— Что ж тогда дневник некроманта мы используем по полной, — барон толкнул двери и вошел в святая святых всех королей последней династии.

В кабинете собрания стало тихо. А он окинув взглядом новоиспеченных министров принца, его дипломатов, спросил:

— Кто отвечает за связь с бесеками и сборы налогов с горных территорий?

Вечером мы будем у знакомой мне деревушки. Вечером, вечером, вечером...

Так я удерживала злость в узде и проклинала свою недалёковидность. Нужно было оторваться от него, как только мы выехали из той празднично украшенной деревушки, а ещё лучше было бы остаться я там... правда для этого пришлось бы опоить Ыго или временно обезвредить. Но как? После случая с сумкой он держался в стороне, а я не могла побороть отвращение и подойти к нему. Да и умный больно, догадался бы, что к нему, пошли я пирату гостинец через кухарку или её ребенка. Но вот теперь, следуя за ним по скалистой круче я все больше убеждаюсь, что мое милосердие мне же, ребром вышло.

Бесек вел меня другой дорогой, да в сторону моей родной долины, но отнюдь не по пологим просторам. В первый день мы выехали к оврагу, слишком глубокому, с лошадьми такой не перейти, возвращаясь, чуть не попали под обвал и ночевали в пещере. Спутник мой костра не разводил, побоялся опять надыхаться травок. Мне же там было холодно, замерзла до костей, не спасала ни настойка для бодрости ни порошки от простуды. Казалось, ждет Ыго, когда в сумку за спасением полезу, а потому я назло пиратским ожиданиям справлялась средствами, оставшимися среди моих вещей, в мешке.

Затем второй день прошел точно так же как и первый — в тревоге и ожидании треклятого перелома в его поведении.

А на третий было почти все равно, кто он и где, я уже засыпала в седле.

Мы ехали по очередной кручине, справа скалы, слева обрыв и горящий лес. Посмотрев через камни вниз, вздрогнула. Пламя уже уничтожило кусты и траву, оголило черную землю и теперь медленно поедало обугленные стволы, некогда зеленых деревьев. Жарко, душно, ветер хоть и не в нашу сторону дует, но запах гари стоит тошнотворный. Ужасающий. И неизвестно от чего пожарище. Сухостой полыхнул или же это дело рук незадачливых охотников? Но хорошо, что деревенских поселений рядом нет, не погибнут люди и не останутся без крова. Занятая этими мыслями, не заметила, как поравнялась с пиратом, ехавшим впереди. А потому из раздумий меня вырвал его неожиданно веселый голос:

— Так ты мне скажешь, — здесь выдержал паузу и сладко улыбнулся, — что в сумке спрятано?

— Нет...

— И даже не намекнешь?

Боже правый, сдалась ему моя сумка! Неужели во все нужно сунуть свой бесекский бессовестный нос? Злость, негодование и что таить, ненависть, всколыхнулись во мне вновь. Тут уж и о ноже-заклинателя вспомнила, и о золотой пыльце в мешочках.

— Живее будешь, — процедила сквозь зубы и прищпорила лошадь.

— А, может, стоит...? — поучительным тоном начал он.

Следовало промолчать, следовало. Он не просто так заговорил, но мне крайне уставшей за последние дни спокойствие вернуть не удалось:

— А, может, хватит!

— Что ж нет, так нет, — пожал он плечами и резким каким-то неуловимым движением, сорвал сумку с моего седла. Улыбнулся мерзавец и швырнул мое добро в пылающее пространство леса: — Сама напросилась.

Короткий полет, приземление, и моя сумка загорелась...

Горели мои инструменты лекаря и порошки, настойки и заготовки трав, горели подарки для Севуни, Захара, Олы и старосты деревушки, дяди Тарома и жены его Раты, горели мои записи и подарок от Дерека, а еще его письма. Не горел только дневник некроманта, ему было просто не суждено. И я, глядя вниз, плакала, вот только были это не слезы жалости, а слезы злости. Ыг меня к черте довел, еще немного и перейду, а тогда... не жить бесеку.

— Не реви. Я предлагал по-хорошему, — с этими словами, он выдрал у меня вожжи и попытался взять за руки. — Нож твой у меня, — предупредил сухо, — так что особо по сумке не кручинься...

Кивс заха — кровавая слеза захватчика? Я же перепрятала, я же его к седлу прикрепила, чтобы и рядом был, и выхватить в любой миг могла! С удивлением заметила, как проклятый потомок бесека лезет к моим нарукавникам, к тем самым, где спрятаны мешочки. Догадался, стервец! Дернулась от рук его и, пришпорив лошадь, разъехалась с пиратом на узкой дорожке:

— Связать решил? — бросила через плечо с ехидцей и отстегнула от рукава некромантскую отраву. — Или предложение сделать, не слезая с коня?

— Ари... ты не поняла, — начал увещевать он. И голос изменил, и выражение лица.

— Знаете, я не так себе представляла ни эту поездку, ни предложение сердца и руки.

Объехать на резко сузившейся тропке он меня уже не мог, разве что если слезет с лошади. А этого он не сделает, со скалы упасть побоится. Осталось ему только орать.

— Ари, вернись немедленно!

— Зачем? Чтобы я не знала, что ожидает меня за поворотом? Все и так ясно, — хмыкнула зло и отвернулась: — Там первая застава горных наемников...

— Нет!

На шипение его я внимания не обратила, пришпорила лошадь и понеслась.

— Стой!

Ни за что! И плевать на опасность, я либо сама свалюсь, либо он со злости вниз столкнет. Чтобы, я как и сумка, никому не досталась. Если въеду в поселение бесеков с ним, буду названа женой, уж таковы у них суровые законы. День или два пройдет, и он выбьет из меня не только дурь, что не по нраву, но и правду. Убьет сокола, как только тот от Дерека вернется, а меня бросит в подвал. Чтоб не могла и слова сказать об Увыре Хотском и группе его людей, что названы моими братьями. И все это на законном основании, никто не вступится, потому что муж вправе.

А въеду сама, сторожевые меня будут вынуждены выслушать, проверить истинность слов и вызвать будущего вожака бесекского племени. А с Увыром я найду, как сладить и договориться, уже ученая.

Через сотню метров тропа вильнула в сторону от обрыва и открылась широкой дорогой между скал, в дали сквозь ветки виднелась первая башня заставы. Захотелось горько рассмеяться, предчувствие меня не обмануло. Пират действительно вел меня в ловушку и дверца ее вот-вот хлопнется. А не бывать этому! Я заставу пересеку сама. И пришпорив лошадь, помчалась вперед.

Семьсот метров до башни, пятьсот, четыреста...

Как пират оказался в зоне видимости справа, я не заметила, потому что старалась не оглядываться и не реагировать на крики его, приправленные проклятьями. И вдруг удар по плечу и щеке, жесткий захват моего локтя и приказ остановиться. Это было последней каплей. Из-за слез я не видела, куда на Ыго попал мешочек с ядом, но руку он отдернул,

взревел, как раненный зверь, и теперь поносил меня словами чернее грязи. А мне все равно... Главное добраться до башни, самостоятельно пересечь линию ворот и потребовать встречи с Хотским.

Триста метров, двести... Еще чуть-чуть!

Дозорный махнул рукой и что-то крикнул. Слов его не разобрала, но свист выпущенной сзади стрелы быстро разъяснил его предостережение. Все-таки пират решился на отчаянный шаг, остановить меня, во что бы то ни стало, убить, дабы не досталась никому. И я прижалась к шее лошади и вспомнила, возможно, одну из самых старых пословиц, когда-либо произнесенных вслух отцом:

«Не бойся, стать к врагам своим спиной и пристальнее посмотреть на друга».

Я не побоялась и вот последствия: бeseки прикрывают мое бегство от якобы друга — Ыго. Прикрыли хорошо, пират остановился, но мой конь у самой башни все-таки сбросил наездницу на землю, еле увернулась из-под копыт и кинулась в открывающиеся ворота. Кричать: «Помогите!» сил не было, зато их почти хватило на то, чтобы сбить с ног бeseка, встретившего меня. А он устоял, удержал, попытался успокоить:

— Ариш, ты уже с нами, все хорошо. Слышишь, хорошо... — меня бережно погладили по плечу.

— Увыр! — в первые мгновенья я не поверила своим глазам и чуть ли не со слезами кинулась ему на шею: — Хотский, как же я тебе рада!

В повисшем безмолвии были слышны мои всхлипы, а затем и тихие слова наемника:

— Снимаю шляпу перед Белым варваром. Его пронизательности можно позавидовать...

Судорожно выдохнула:

— Ба-барон здесь?

— Нет, он бы не успел вас перехватить, приказал мне. Мы и сами только что с лошадей слезли, не расседлали толком, — и отдал приказ своим, — угган оей нахро, равс лип...

«...ошметок коровьей лепешки добить, лошадей привести...» — перевела я.

Воины его группы обошли нас, уверенно вынимая ножи из ножен и расправляя плети. Большого ума не надо, чтобы понять, кого лепешкой назвал будущий вождь и с ним решено сделать.

— Не надо...

— Что не надо? — не понял Увыр.

— У... уби-у-би-вать не ну-у-жно... — всхлипнул протяжно и вновь залилась слезами. — Эт-то ваш... один из-из ва-а-ших.

— Одним больше одним меньше, — хмыкнул мужчина, припомнив слова варвара, — к тому же лучше мы, чем барон...

— Увы-ыр, — всхлип остальное договорить не смогла, горло сдавило.

— Понял, жалеешь, — и громко бросил своим, — агган оей нирхи ранн!

«Побейте хорошенько, но так чтоб не издох»

— Теперь довольна? — спросил он и повел меня в сторону дома с каменными столбами на крыльце.

— Да... — я слезы вытерла дрожащей рукой. — У меня про-росьба есть...

— Еды, воды, ванну и новую одежду? — прищурился горный.

Промолчала не зная с чего начать, а он дальше предлагает:

— И, наверное, еще кровать в прохладной комнате и пару человек на двери. Лекарь нужен? Ты скажи, я привезу.

— Можно и это, а лекаря не на-адо... я, — вдох и протяжный выдох, чтобы успокоиться, и отрешенное почти, — я су-умку потеряла... внизу.

— Найдем, скажи, где именно?

— В лесу пы-пылающем... там на повороте где-то она...уп-пала.

— Он выкинул? — проницательно заметил Увыр. Я не стала отнекиваться, подтвердила кивком. — Сестренка-сестренка, лес внизу горит вторые сутки. Вряд ли от твоих вещей хоть что-то осталось.

— Она уп-пала под большим деревом, крю-крючко-ватым. Висельником, в на-народе зовут. Мне нужна книга, и инструменты лек-а-арские, если уцелели.

— С ними понятно, — фыркнул горный, — а книга, что из стали?

— Из библиотеки Тар-де-мма... — прошептала я и ощутила, как дрогнул будущий вождь горного племени.

Он шумно выдохнул, помолчал немного и наконец-то произнес:

— Понял.

— И у про-пров-водника этого... мой нож остался. Кивс заха зовется.

Он неодобрительно покачал головой, по плечу похлопал, приободряя, и пообещал их найти.

Проснувшись на следующий день ближе к обеду, поздоровалась с Хотским, поела и опять ушла в забытье, на этот раз до утра. Никто не тревожил, никто не будил и не разговаривал громко. Тишина и спокойствие наконец-то позволили полноценно набраться сил и перечеркнуть все произошедшее двойной сплошной чертой, черной и в какой-то мере траурной.

Проснувшись, я оделась и долго стояла у окна, смотрела на скалистые склоны и тонкую полоску долины, за которой находится Берит. Далеко, очень далеко. Не удержала печального вздоха и повторила про себя: «Не было, ничего не было». Не было ни Ыго, ни смертей, ни моей доверчивой глупости. Все пустое и все в прошлом, даже вспоминать не хочу и не буду. Не нужно это...

В дверь постучали и с моего разрешения вошли: Увыр со свертком и косынкой и седовласый мужчина с подносом заставленным едой.

— Выспалась?

— Да.

Будущий вождь бесеков указал, куда поставить поднос, и выпроводил помощника за дверь.

— А мы твои вещицы нашли.

— Как? Лес же, два дня горит или горел... — я села на кровать и подтянула ноги.

— Он уже догорает, — кивнул мужчина, — но внизу, там, где ты указала, бьет родник. Мы спустились по скале, облили водой достаточный участок и добрались до висельника. — И посмотрев на меня пристально, сообщил: — На книге ни пылинки.

— Открывал?

— Нет, но знаю, лучше бы она горела синим пламенем! — голос его дрогнул, но талмуд он вручил мне уверенно. Затем без слов отдал нож-заклинателя, а горку металлических предметов в сером платке он опустил на сундук возле кровати. — Инструменты твои жаль, не уцелели. И не понять, зачем они тебе такими?

— Чтобы по ним кузнец сделал новые. У меня и эскизов не осталось никаких, сгорели с тетрадь. А объяснять долго, к тому же я рисовать не мастерица.

— Теперь понятно, — он потер висок и чуть-чуть скривился.

— А я думала, что ты избавился от этой привычки, — улыбнулась, указав на его руку, — как твоя голова?

— Болит.

— Как так? Настой уже закончился?!

— Да, нет... это я не правильно выразился. Голова болит, но не по этой причине. К слову, за что спасибо тебе.

— Я пришлю потом еще. Сейчас бы сделала, но... — отмахнулась, решила же, не вспоминать. Вот и не буду. — Так от чего болит?

— Брат мой месяца так... полтора назад женился.

— Поздравляю!

— А нечего поздравлять, — посуровел он, — в нашем доме вместе с невесткой теща поселилась. Матушка ее наглая. Вот и голова болит от дум.

— Каких дум? — насторожилась я. Увыр хоть и добр ко мне, а все же бесек. Человек лютый, жесткий, такой сварливую тещу брата рассчитывает убить наверняка.

Глянул он на меня и по глазам понял, о чем думаю. Усмехнулся:

— Да не пугайся ты! Жива она, живой и будет. Думаем, кого на ней женить из ближних поселений.

— Почему из ближних? У вас что же, все женатые?

— Нет, все ученые и Агафью брат не хотят... Знают, что баба дрянь, да и ты ее знать должна. Она была торговкой у вас в деревне.

Я недоверчиво прищурилась:

— Агафья и дочь ее Ароки с вами? — он утвердительно махнул рукой. — Но... Откуда они? Как... почему они у вас?

— Барон выгнал, так они нигде прижиться не сумели, и к нам подались. — Ухмыльнулся горный, и продолжил серьезным тоном: — Дочь еще ничего, лепится как глина. А мать настоящее отребье. На правду не обижаются, — и ответил на мой взгляд укоряющий и без перехода сообщил: — Окно открой. К тебе сокол прилетел, он нам в руки не дается.

— Хорошо.

— И вот еще, тебя в родную деревеньку сопровождать буду я и двое моих людей. — Он к двери подошел, спросил: — Не струхнешь?

— Нет. А вам зачем спускаться? Я и сама могу...

— Это приказ барона.

Он ушел, а я поспешила открыть окно. Бросив клич птице, распаковала несгоревшие свои пожитки. Увыр оказался прав, талмуд был целехоньким и чистеньким не в пример инструментам, которыми меня снабдил кузнец Берита. Сгоревшее придется восстанавливать, но это меньшее из зол, главное я жива и не попала в рабство. Остальное сделаю. Нужно лишь составить список и план по работе с дневником некроманта, и, если получится, то найти подарки для родных, редкие, удобные и полезные. Интересно, а у бесек, что можно приобрести, помимо охотничьего оружия для дяди? Думая об этом, я сокрушенно покачала головой и неосознанно погладила корешок книги. И вдруг под моими пальцами что-то щелкнуло и отстегнулось. От неожиданности вскрикнув, я уронила дневник и с ногами забралась на кровать.

Боже мой! Что еще таит в себе эта опасная книга? Ранее в его обложке ничего такого не

было, а теперь... Что это? Присмотрелась и прикрыла рот ладонью. Даю руку на отсечение я где-то уже видела схожую по форме деталь.

— Не может быть, — простонала я испуганно.

— Ариш, у тебя все в порядке? — из коридора спросил Хотский.

— Да, все хорошо, — и чтобы он не спешил ломиться в двери, бодро сообщила, — собирайтесь, выезжаем через час.

— Понял, — отозвался он, но далеко не ушел. Усмехнулся, отвечая кому-то: — Испугалась.

И гулкий коридор дома донес ко мне слова другого:

— Видимо, письмо от барона весьма в почтительной манере написано.

— Возможно, — не менее простодушно откликнулся Увыр, приказав, — пошли. Сборы.

Любопытство стубило не одну кошку, ну а меня оно привело в священный ужас. Тщательно ощупав тетрадь некроманта, я выудила на свет шестнадцать металлических деталей, а затем с замиранием сердца собрала их в черный клинок с красным камнем в эфесе. Руки дрогнули.

Боже правый! Еще одна реликвия... Еще один клинок... Оружие, призванное подчинять стаи оборотней, и на этот раз из клана черных. Зажмурилась, прикусив губу, как же мне опять повезло. Просто невысказанно! Разобрав реликвию, с улыбкой подумала, что после такого открытия, письмо от Дерика мне не покажется страшным.

И словно бы, в подтверждение моих слов пернатый посланник мягко спланировал на подоконник.

Тери...

Барон смотрел на своего нежного ангела и не мог сказать, зачем вот уже час сидит в ее доме на окраине города Сибо, пьет чай, слушает рассуждения о погоде и дорогах, не вникает в них и думает о другом. Стафорд помнил свое тайное и неумное желание увидеть ее, обнять, что таить поцеловать, если позволит, поговорить, расставить точки над i... Но стоило ступить на порог ее дома, и он с удивлением отметил, что многолетняя жажда встречи поутихла.

Всему виной сообщение от Датога Суро, которое сокол принес перед отъездом Белого варвара в Сибо. И ситуация с путешествием Ариши получалась омерзительная, в которой ни кареглазку, ни семью градоправителя винить нельзя, разве что барона за его проклятую идею.

Суровый действительно познакомил девушку с пиратом и предложил его в виде провожатого, но сказал об этом только ей. О том, чтобы через месяц отправить кареглазую с Ыго и речи не было. Пирату так, вообще, две недели дали, чтоб из города убрался. Ведь за возвращение похищенного сына градоправитель многолетним укрывательством ему уж все долги оплатил, надумал избавиться от наглого прихлебателя. Решение верное, да не вовремя принятое.

Отказ в тайном гостеприимстве потомку горных пришлась не по вкусу, отыграться захотел. Подгадал момент, когда из дома на три дня хозяева уедут и от имени Суро направил записку кареглазой. Попал, падла. Не в бровь, а в глаз, написал что-то о путешествии и достойном провожатом. И Аришка, памятуя о прошлом разговоре, за считанные минуты собралась. Когда возница привез ее на место встречи, энтузиазм девушки поутих, а этот..., чтоб его, быстро понял свой промах. И посмел, заявить, что он явился, чтобы скрасить

ожидание. Надо отдать, должное, козлу, «достойного провожатого» они не дождались и поехали сами, а Орбас в Берит не вернулся ни в тот же день, ни на следующий. Его нашли избитым через трое суток в придорожной канаве на другой стороне поселка, словом там, где искать и не додумались бы.

Сокол к оборотням был направлен в тот же день, но время уже было потрачено.

Еле живой возница с многочисленными переломами, с трудом рассказал, где и с кем встретила Аришка и что произошло. К сожалению, сведения, которые поведал мужчина, были ложными бесекский ублюдок и это предусмотрел.

Итого, три дня потеряны, четвертый израсходован на попытку перехвата там, где проклятого пирата и в помине не было. Суро посчитал, что пират за выкупом в Берит явится. Но барон нутром чуял, что это самый неправдоподобный ход. Поступок идиота. Осталось дожидаться сообщения от горных наемников. А Стафорд не сомневался, что девушку и эту, падаль, они найдут вблизи первого бесекского перевала. Почему там? Да потому что малышка слишком ценная добыча, чтобы отпустить ее. Во-первых: как лекарь — врачевать наемников в горных поселениях некому, во-вторых: как приемная дочь Датога Суро — деньгами будут снабжать исправно, лишь бы ее не убил, в-третьих: эта паскуда, быстро поймет, что нужна она барону. И не рискнет торговаться с регентом.

А впрочем, размышлять об этом не стоит, фыркнул барон и размял, зачесавшиеся руки. Увыр уже должен быть на границе своих владений, должен увидеть кареглазую и ее спасти.

— Ты напряжен, — заметила Тери, не без улыбки наблюдая за варваром, — королевские дела?

— Да, — ответил жестко и сухо.

Он смотрел на нежное создание из своего прошлого и удивлялся холодности собственных суждений. Изменилась. Повзрослела. Все еще нежная и до боли красивая она утратила свое сияние. Взгляд ее покрылся мученической поволокой, какой-то безвольной старостью, погасла улыбка и тепло, исходящее когда-то из глубины открытого миру сердца, будто бы развеялось.

Интересно. Согласись она остаться со мной, сейчас была бы так же несчастлива? Нет. А если, да? Ведь все это результат бездумной жертвенности, которую от нее ждали, но не ценили. Десять лет, прожитых в угоду близких, не прошли бесследно.

И он тихо хмыкнул про себя. Циник.

— Сложно с принцем?

Тихий голос, отстраненно заметил барон. Тихий и уже не мелодичный. А ведь раньше он был звенящим и радостным.

— Нет.

Улыбка все так же скупая и зажатая.

— Ты стал немногословен...

— Да, стал, — он обвел гостиную безразличным взглядом, встал. — Прости, мне пора.

— По-видимому, да, — согласилась она, не тая ненужной печали. — Спасибо за приглашение.

— Я был рад его передать.

— А я увидеть тебя, — легкое прикосновение пальцев к его скуле и тихое тепетное, — очень.

Оторвав ее ладошку от щеки, он коротко приник к тонкому запястью губами и ушел, не обернувшись. Незачем старое бередить и ворошить. И вообще, приезжать не стоило. Чего он

хотел добиться своим появлением, барон отчасти понимал и принимал, и сам над собой смеялся.

Хотел узнать, почему освободившись от герцога Равии, она не обратилась за помощью к нему? потому что слишком гордая, независимая? Отчаявшаяся, погрязшая в своих проблемах? Или напрочь позабывшая о нем, Стафорде? Но все оказалось проще — он для нее чужой. Просто... оборотень, которому удалось занять место регента при Его Высочестве. Ни чувств, ни эмоций, легкое недоумение, приправленное досадой, и всего-то.

Барон расправил плечи, вскинул голову. Что ж, теперь он с чистой совестью использует сыворотку истины на ней и в кои-то веки услышит правду. Неприятную, это и так уже ясно, но полезную. Нынче он готов ее услышать.

А через два дня, как и ожидалось, от Хотского прибыло послание:

«Вор схвачен. Талисман барона хранится на первой заставе. Какие будут приказания?»

Талисман — Аришка?

Стафорд с заминкой вспомнил, почему бесек так ее назвал. Улыбнулся. Приятно знать, что Увыр не забыл первую встречу с бароном и урок даром не прошел, а значит, побережется горный от неправильных действий. Перечитав строчки еще раз, варвар досадливо хмыкнул, если вор не убит, выходит, кареглазка опять заступилась за сущее ничтожество. Нравится же ей всякое отребье жалеть и защищать. Уж лучше бы сердце барона поберегла и осталась в Берите. Из-за ее путешествий поседеть можно раньше срока, и в треклятом волнении понять — живешь.

Он с улыбкой вспомнил письма от девушки к Дереку. Точных географических данных Ариша не давала, при этом в каждом послании оставляла метку, будь это редкий вид блюда, ягоды или домашней скотины, чья шерсть высоко ценится на местном рынке. Кареглазая хотела попасть домой вопреки волчьим наставлениям, и в то же время боялась бесследно исчезнуть. Осторожная человеческая хитрюга.

И барон Увыру ответил так:

«Пусть вор доживет до ноября. Талисману место в шкатулке. А возвращая его, проследите, чтобы не потерялся».

Отправлять навстречу волков, Белый варвар не рискнул. Малышка перед черными и так засветилась давно, неразумно повторно привлекать к ней внимание. Будет лучше, если сестра бесеков прибудет в родную деревню с новоявленными братьями, а затем с ними же вернется в Берит. Должен же быть хоть какой-то толк от наемников, с которых даже налоги не берут. К слову, данное упущение министра финансов стоит пересмотреть — торговля на горных склонах развернулась нешуточная.

Улей разряженных пчел, райских бабочек и противных гусениц. Обводя взглядом зал, Стафорд никак не мог отделать от ощущения, что все привилегированные персоны, присутствующие здесь не более, чем насекомые, собравшиеся у медовой лужи. Медовой ли? Ведь среди кузнечиков и жуков в разноцветных фраках встречались и мухи.

В праздничной зале прозвучали первые аккорды вальса, а к барону подошел вечно счастливый Лис. Похлопав варвара по плечу, он с театральной возвышенностью произнес:

— Сложно тебе сегодня придется...

— Почему?

— Дважды вдова ищет третьего мужа, — Дерек указал на Тересию, которая выискивала кого-то взглядом. — А черная любовница не знает на ком бы сорвать свою злость. — Тут оборотень кивнул вправо, где, стоящая подле своего избранника, Валери кусала губы и белела, как полотно.

— Знаешь, — доверительным тоном начал Лис, — я до сих пор теряюсь в догадках, какую постельную игру Валери предложила Табиру. Старик крепким был, как скала, и то не выдержал...

Варвар хмыкнул:

— Меня больше интересует, почему Гаро оставил бывшей невесте титул? Не выгнал из королевства и даже права на земли не лишил?

— Возможно, чтобы сегодня у тебя была возможность с ней переговорить. Принц в меру отчаянный и в то же время продуманный.

Барон скривился, и Лис, верно понявший его, весело заметил:

— Ну да, если не брать в расчет историю с леди Домини. Глупая молодость, — отмахнулся он. — Ты лучше скажи, с кого начнешь допросы?

Барон отодвинулся от перил и в первый раз за вечер широко улыбнулся:

— А знаешь, я решил разделить свои обязанности.

Светлоголовый оборотень удивленно вскинул брови:

— Доверишь одну из них мне?

— Именно. Думаю в твоем возрасте самое время начинать общаться с женщинами.

— Почему только общаться?

— Потому что лапать их в процессе лечения, ты уже умеешь.

— Аришку припомнил, — ухмыльнулся Дерек. — А не поздновато ли ты мстить вознамерился?

— Я все выжидал подходящего случая, дружище! — Белый варвар хлопнул Лиса по плечу: — Герцогиня Валери Осорская на тебе. Как раз узнаешь, что за игры она предложила почившему королю.

— А сам я после этого в живых останусь?

— В сравнении с Табиром, ты сильнее, — глядя на друга, барон неожиданно рассмеялся, — Только сам смотри, девушку не загрызи!

— Она не в моем вкусе.

— Это ты узнаешь лишь с первым поцелуем, — с улыбкой заявил глава стаи и, вручив другу склянку с крохотной капелькой сыворотки, ушел вниз.

Его тянуло выйти на воздух, покинуть разноцветное сборище и погрузиться в ночь. Ее

звуки, ее осеннее дыхание, ее звездную красоту, свежую высь и черный простор. Он как наяву видел себя бегущим, несущимся на всех парах сквозь темноту в сторону гор, слышал свист ветра, ощущал холод камней под лапами и мокрую после дождя траву. Внутренний волк рвался наружу, желая плюнуть на обязательства перед принцем, стаей и мертвым королем, умчаться туда, где среди скал стоит серый замок, и маленькая деревушка прячется в его тени; туда, где замерев, словно хищник, притаился охотничий домик, и кареглазка согревает мягкой улыбкой своих родных...

Но он вопреки вою зверя шел к Тери, подавляя неумное желание сбежать, а не топтаться на балу, время от времени повторяя слова Аришки из письма к Дереку: «Передай ему, что я искренне благодарю, благодарю, благодарю... И если шею не свернет, поцелуй барона за меня». Глупышка. Взглянув на свои художества вдоль девичьей спины, барон зарекся действовать грубо даже со своими приближенными. К тому же за помощь, пусть и удаленную, он для расчета не возьмет такой поцелуй. Придется кареглазой при встрече в ноябре, раскошелиться на большее.

А впереди еще два месяца...

Барон на мгновение закрыл глаза и заставил себя остановиться, чтобы мысленно пообещать себе — дождусь. Уж кто-кто, а я дождусь и получу награду. И он расправив плечи и затаив на губах полуулыбку через весь зал прошел к бывшей своей... Нет, не любви. К своему наваждению, к источнику недостающей нежности и тишины, к женщине, мысли о которой скрашивали его службу при короле.

— Тери...

— Стафорд?!

Барон невольно улыбнулся ее неприкрытому удивлению. Не ожидала, хотя именно его искала в толпе.

— Могу я пригласить тебя...

— Да!

Легкий шаг, и вот уже прохладная рука в его руке и взгляд, исполненный надежды, вызывает раздраженно недоумение. Улыбка, томный вздох? Что это? Неделю назад в своем доме она смотрела с грустью, а теперь с восхищением. К чему эти чувства?

— Замечательный вечер, — заметила она шепотом, — и мне повезло с партнером. Ты прекрасно ведешь.

— Рад слышать.

Улыбнулась, незаметно прикоснувшись к его затылку, она на мгновение прикусила губу и произнесла с чувственным взглядом:

— Я думала о тебе... все эти дни. О нас, о прошлых нас, и той необыкновенной встрече. — Рукой провела по его плечу и прошептала: — Мне очень жаль, что все так... получилось.

— Я тоже сожалел об этом.

— А сейчас? — спросила с едва уловимым отчаянием, и взгляд ее стал таким же темно-зеленым под цвет платья расшитого золотом. Истинная красавица, но Стафорду уже нет дела до этой красоты. Отгорело.

— Сейчас, — Белый варвар крутанул ее резче, чем следовало, и, притянув к себе, тихо сообщил, — я думаю, что нам несказанно повезло встретиться еще раз.

— Да? — радостная чуть заискивающая интонация, улыбка-соблазнительница.

— Да. И в эти минуты я предлагаю не говорить о прошлом.

Она помедлила с вопросом и в нежном голосе затаилась обида:

— А начать сначала... будет сложно?

Варвар хмыкнул про себя. Нет, не сложно, но стоит ли? Он не ответил на вопрос, предложил пройтись по саду. А выходя из зала, глава белой стаи взял два бокала с игристым вином и незаметно добавил новый ингредиент в один из них.

В этот раз говорила без остановки она и в основном о детях. Оборотень был бы рад послушать, да вот только о своих, а потому сократив прогулку до минимума, он завернул Тери к террасе со словами: «Надо бы согреться. Предлагаю пройти в кабинет», а про себя добавал: «Надо бы поговорить».

— Еще вина?

Учтивый жест хозяина, радушная улыбка.

— Нет, спасибо. Я и так уже слегка... пьяна.

Намек или констатация факта? Уже важно. Стафорд так и не прикоснулся к своему бокалу и, прокручивая его в руках, думал с чего начать запоздалый разговор. В попытках вопросы можно задавать в лоб и не задумываться над сложными формулировками. И как поступить сейчас, когда она под действием сыворотки? Ведь все что он спросит и все что ответит Тери, останется в ее памяти. Друзьями им, конечно, уже не быть, но не хотелось и штат врагов пополнить новым именем. А впрочем, зря он размышлял на эту тему, леди Сивер решила взять быка за рога, как в прямом, так и в переносном смысле.

— Ты предложил не говорить о прошлом, — она медленно приблизилась к барону и, отобрав бокал, поставила его на столик: — Может... поговорим о настоящем?

— Только, если на чистоту, — ответил глава белой стаи, с интересом наблюдая за тем, как красавица медленно поднимает лицо. Улыбнулась, впервые искренне без тени. Почти тепло, почти...

— Я согласна, — скольжение изящных рук по темно-синему сюртуку и пальчики ее словно бы стряхивают пылинку с варвара.

Он вскинул бровь, ожидая следующего чисто женского хода в игре под названием «Флирт». И дождался.

— Ходят слухи, что ты узами брака ни с кем не связан, — томный вздох и взгляд из-под опущенных ресниц норовит проникнуть в душу. — Все еще ищешь... подходящую?

— Нет. Но, как и ты, в последние полгода я тщательно присматриваюсь.

Ответил честно и не без удовольствия заметил, как дрогнуло ее лицо, а зеленый взгляд чаровницы потерял поволоку. Растеряна. Надеялась на другой ответ? Жаль расстраивать, но другого быть не может.

Что ж, подумал барон отстраненно, откладывая разговор и далее бессмысленно, пора к нему приступить. Он сжал ее руки в своих и спросил с нескрываемым любопытством:

— Скажи, почему вы с Густавом Огюро расстались?

— Я не знаю.

Отчаяние, мелькнувшее в глазах, и растерянность в голосе были неподдельными. Стафорд нахмурился. Выходит, герцог держал ее в неведении и вышвырнул, как только надоела? Что-то тут не так.

— И это никак не связано с его делами? — решил он зайти с другой стороны.

— И это мне тоже неизвестно...

Голос Тери дрогнул, и на глазах проступили слезы. Отстранившись от барона, она украдкой их стерла. Отчаяние отвергнутой и боль влюбленной читались в каждом ее

движении, жесте, взгляде, вздохе. Влюблена? Все еще... и в кого?! В равийского ублюдка... Проклятье! А он наивно полагал, что статус любовницы, пусть и самого герцога Равии, будет неприятен ей. Надеялся, одумается, вспомнит о нем...

Усмехнулся и покачал головой. Когда-то для него это было важно, когда-то, но не сейчас. Но видя ее слезы, глава белой стаи, скрипит зубами. Он не хотел причинять Тери боль, и в то же время был обязан, ковырнуть незажившие раны. Ведь с кем, как не с любовницей, Огюро говорил о делах насущных, о короле не желавшем стинуть и принце посмевавшем сбежать.

— Тери, вы совсем не разговаривали?

Молчит, продолжая сжимать лацкан его сюртука.

— Или ваши встречи были столько короткими, что общение сводилось к словам приветствия?

Отступила, резко выдернула руки из его ладоней и отвернулась, чтобы скрыть покрасневшее лицо. Раздражена и негодует. Горит в бессильной злобе, но все еще удерживается от резких выпадов и заявлений. Боится нагрубить?

Что ж самое время нечестного хода, решил барон и раздраженно заметил:

— Сдается мне, Густав был не состоятелен в данном вопросе... — многозначительная пауза, и когда Тери вскидывает злые глаза, варвар уточнил: — в вопросе общения.

Всего лишь мягкий укол с подоплекой, холодная улыбка, прищуренный взгляд, но их хватило, чтобы терпение Тери окончательно лопнуло.

— Ты не понимаешь! — вскрикнула она, отступив. — Даже представить... не можешь, через что я прошла! Он был..., он был груб, импульсивен, глух к моим словам! Никакой нежности, никакого взаимопонимания!

Глава белой стаи легко уловил и злость на себя, бесчувственного варвара, и ее жалость к себе. О, да, это прекрасный чувственный букет, который она подала в изящной обертке слез откровения, смотрелся уместно и искренне. На последнем слове голос ее сорвался, и она сипло завершила сказанное:

— Он не ты, Стафорд...

Сердце оборотня неприятно кольнуло. Она верила в каждое произнесенное слово. Каждое. И всей тирадой кляла отнюдь не себя и собственный выбор, а судьбу, сведшую ее с безучастным герцогом. Какой пассаж, какой удар, какая несправедливость.

— И все равно ты к нему... привязалась, — с его губ сорвался смешок, исполненный горечи, а следом почти равнодушный вопрос прозревшего слепца: — Скажи, с ним стало проще играть в жертву?

Красавица дернулась, как от удара. Сверкнули потемневшие глаза, поджалась нежные губы, и рука в кружевной перчатке прикоснулась ко лбу в болезненном жесте:

— Не понимаю о чем ты... — прошептала Тери, не забыв поморщиться от якобы «разыгравшейся мигрени».

Белый варвар усмехнулся, подойдя ближе. Обнял, не претендуя на близость, рукой взял за подбородок, заставил посмотреть в глаза.

— Понимаешь и тогда и сейчас. Прекрасно понимаешь... Ведь ты и ныне ищешь нового бога, чтобы принести себя в дар.

— В дар?

— Да, — он наклонился ближе и, поглаживая ее скулу, почти в губы прошептал: — видишь ли, за долгие годы и к роли несчастной можно пристраститься... — и так и не

поцеловав призывно раскрытые губы, оборотень с издевкой заметил. — Но игра не стоит свеч, если нет подходящего герцога. Не так ли, леди Сивер?

Удивленное недоумение, запоздалое осознание сказанного и вслед за изумлением, почти слепящая вспышка гнева:

— А ты хотел, чтобы я пришла к тебе? — она вырвалась из его рук, зло рассмеявшись: — Не так ли! — Барон не ответил, да этого и не потребовалось, Тери на откровения не просто потянуло, понесло. — Чтобы жила с тобой в разрушенном замке среди лесов? В кругу твоих волчар, собратьев в шкурах...

Волчар?

Ее корректность переходит все границы. Стафорд не сдержал глухого рыка, чему она не придала никакого значения, приводя новые факты о невыгодности партии с бароном-оборотнем, пусть и с самим Белым варваром.

— В глубинке? Нет! В глуши! Вдали от высокого общества... Там, где я бы не смогла удержать братьев в узде и проследить за сестренками... Где они бы не устроились! Не смогли выйти в свет, ощутить вкус жизни! Побывать на балах и представлениях, состязаниях, игрищах...

В казино, домах терпимости, бойцовских сборищах, клубах для любителей дурмана и коркри, оргиях с путанами... мысленно откорректировал он ее слова и спросил:

— Так ты говоришь о них или о себе?

— О них. Мне ничего...! — молодая женщина в запале обернулась к оборотню и неуверенно замолчала.

— Что? — спросил он, продолжая смотреть с иронией. — Все аспекты убогого существования со мной уже исчерпаны?

Сглотнула, попросила тихо:

— Не смотри на меня так...

— Как, так? — он сделал шаг, по направлению к столу.

— Не осуждай! — прошипела леди Сивер, сжимая кулачки.

— Так мне пожалеть? Ты же так привыкла к тому, что все и вся тебя жалеют. Стараются помочь...

— Помочь? Меня никто не поддерживал! — желчно оборвала Тери. — Никто... Ты не можешь даже представить себе, с какими трудностями мне пришлось столкнуться, как уговаривать мужей!

— И они помогали? — доверчиво спросил он, стараясь скрыть снисходительную улыбку. Уперевшись о сто, сложил руки на могучей груди.

— Я... — красавица потупилась и отвернулась, чтобы не видеть холодной усмешки Стафорда, его спокойствия и незаинтересованности. Не так она представляла себе эту встречу. Совсем не так.

— Скажи, они помогали?

— В скором времени любые проблемы разрешались... — вот и все что она смогла сказать, прежде чем обессилено опуститься на кушетку и спрятать бледное лицо в поддрагивающих руках.

— Разрешались, — кивнул оборотень. — И ты до сих пор так и не поняла благодаря кому. — Он оторвался от стола, обошел его выудил из тайного ящика пачку старых писем. Затем незаметно подлил противоядие в бокал вина и приблизился к Тери. — Жаль тебя разочаровывать, но все долговые обязательства, кредиторские задолженности и карточные

проигрыши твоих братьев выкупал я.

После этих слов свидетельства неумной жажды жизни дорогих родственников, перекочевали на ее колени леди. Молодая женщина удивленно застыла, не веря в услышанное и не желая прикоснуться к потемневшей бумаге со знакомым росчерком.

— Не говоря уже о прикрытии многочисленных романов твоих сестриц, — здесь барон сделал уточнение, — которыми они грешили до свадеб... Остальные прикрыть я был уже не в силах. Да и стоило ли? — Он улыбнулся. — А что до приданного, женихи твоих младших получили больше, чем было прописано в брачных договорах. Небольшая перестраховка на тот случай, чтобы не возникло желания разорвать предварительные договоренности.

Прикусив губу, Тери все же просмотрела письма, прочитала лишь некоторые из имен и изумленно посмотрела на Белого варвара.

— Твои волнения излишни, — оборотень оборвал ее движением руки, — их молчаливое согласие стоило недорого.

— Стаф, я..., я... — судорожно сжимая пачку писем в руке, она поднялась.

— Ты и предположить не могла, что своей решительной жертвенностью все это время держала на привязи меня. Не так ли? — он оценил растерянность на ее лице и протянул ей бокал. — Не пугайся, эти откровения не причинят тебе вреда. Я не герцог.

Она выпила все до дна залпом, почему-то, зажмурившись. А стоило ей сделать последний глоток, как дверь с грохотом открылась, и в кабинет без стука ворвался Дерек:

— Простите! Мой барон, леди, я надеюсь, не поме... — увидев знакомые бумаги в руках Тери, Лис замолчал на полуслове и остановился. Не веря, посмотрел на бледную Тери, а затем на варвара.

— Что-то срочное?

Лис понял, все по взглядам: его уверенному, ее стыдливо-затравленному, и несказанно обрадовался, ответив: «Да!», а после вспомнил о цели визита и произнес сдержанно:

— Произошло кое-что..., вас ждут внизу, мой барон.

— Иду.

Глава белой стаи галантно поклонился леди Север, поцеловал прохладную руку, не глядя в ее потрясенные глаза, и широкими шагами пересек комнату. Выходя за дверь, он не оглянулся.

— Стаф?! — окликнула она в пустой надежде. Но это был голос прошлого, варвар на его зов не обернулся.

— Прощай, Тери.

Двери закрылись, окончательно разрывая все связи между ними. Не будь Стафорд волком-оборотнем, он с уверенностью сказал бы, что сейчас за спиной раскрылись два крыла, огромные и серые, созданные для ураганного ветра.

— Извини, — неожиданно тихо произнес Дерек в гулком темном коридоре его голос терялся, но в то же время слышался хорошо, — я думал, вы уже все обсудили...

— Ты вовремя, — отрубил барон, закрывая эту тему навеки. — Теперь скажи, что случилось?

— Не могу найти Валери, — торопливо ответил оборотень. — Она исчезла не оставив и следа.

— А жених, что?

— Все еще здесь. Сказал, что видел ее несколько минут назад.

— Исчезла... и без запаха, — протянул барон, стараясь целиком и полностью

сосредоточиться на новой неприятности. Он сделал лишь несколько шагов, как вдруг, остановился от неожиданной догадки и резко обернулся к другу: — Лис, она с кем-то из наших!

— Что?

— Суди сам, она сейчас в контакте с кем-то из наших. Близко стоит и настойка ирда скрывает не только волка, но и... Проклятье!

— Выходит, не все потеряно, — светлоголовый оборотень вздохнул с облегчением. — Мы его на нюх не найдем, зато ты, как глава стаи, должен чувствовать, кто из наших крайне возбужден и где сейчас находится. — Он ухмыльнулся. — Ведь близкое общение с красоткой не проходит бесследно.

— Чувствую, — Стафорд медленно кивнул и раздраженно рыкнул, призывая Тарона и братьев близнецов в синюю спальню наверху.

— Все так плохо? — забеспокоился Лис. — Что ж там за игры?

Варвар сорвался на бег и исчез где-то на верхних этажах, зато его еле слышимый рык пояснил: «Это не игра, волк с трудом дышит...». Треск выламываемых наверху дверей и женский визг дополнили последующий упрек барона:

— Аго, я же сказал, в рот ничего не брать!

Дерек, прибежавший следом, с удивлением обнаружил в спальне барона, который легко разнял страстную парочку, и теперь держал за шеи в разных руках.

— Мы всего лишь целовались... — прохрипел молодой. Он опомнился раньше леди, которая даже повиснув, старалась шнуровку на платье собрать.

Варвар оглядел разорванный жакет парня, его распахнутую рубашку и расстегнутый ремень с нескрываемым скепсисом. Потому что его больше всего настораживали странно синеющие губы оборотня и чрезмерно блестящие глаза. Такие признаки трудно приписать к отголоскам только что вспыхнувшей страсти. Отравлен.

— Вижу я твое «всего лишь», — ехидно ответил он. И пристальное внимание главы к оборотню Осорская поспешила перевести на себя. Она бросила шнуровку и дернулась в захвате, прошипев:

— Барон, немедленно отпустите меня... Я не потерплю, чтобы...!

— Потерпишь! — рявкнул Стафорд и, встряхнув ее, вновь повернулся к младшему собрату, к медленно звереющему Аго, который неестественно и жутко выгибается в его руке.

Переворот? Лишение ипостаси? Потеря контроля над внутренним волком? Что это? Он смотрел на изменения, происходящие в оборотне, и не мог вспомнить схожих случаев. Проклятье! А дрянь, повисшая в другой его руке, все не успокоится, думает криками на него повлиять. Как же, заблуждается.

— Вы..., тупое животное! Я сказала...

В следующее мгновение от легкого нажатия на шею отравленный оборотень безвольно повис в руке Стафорда, и кулем упал на пол, его «последний» сдавленный вдох наполнил комнату протяжным стоном. Хорошо упал, как мертвец, и девчонка испуганно затихла.

— Ну, — глава белой стаи с улыбкой наблюдал, за тем как в его руке от страха белеет бывшая невеста Гаро. Улыбнулся про себя, сухо спросил: — И что важного ты хотела мне сказать?

— Что... — захрипела она, не веря своим глазам, — что! Что вы сде-сделали, что вы... сделали?! Вы!

— Всего лишь убрал вашу новую игрушку, — ухмыльнулся барон и оборотням,

застывшим в дверях, отдал приказ. — Унесите... тело.

И те с едва заметным сожалением на лицах принялись его выполнять.

— Что?! — просипела герцогиня, когда в спальню медленно вошли Ирт, Лер и Тарон. Увидев, как братья грубо поднимают «усопшего», а третий оборачивает его в простыню, она заверещала с удвоенной силой: — Он убил его!

— О-он уб-и-ил...! Его! У-убии...

Убивать молодого оборотня за допущенную им глупость варвар и не думал. Просто усыпил. И все присутствующие здесь оборотни прекрасно понимали это, как и то, что Стафорд обстоятельно поговорит с Аго, как только тот очнется. И быть может, происходить это будет на тренировочном мате, чтобы в память молодого волка навечно врезалось простое правило — прямые приказы игнорировать нельзя. И глава стаи с большим удовольствием отработает на нем не только свое красноречие, но и новые удары. Но это все потом, когда очнется неуч. А для начала барон тщательно расспросит Валери обо всем произошедшем здесь и сейчас, и не только.

Помедлив для общей драматичности момента, Стафорд чуть сильнее сжал женскую шею. Крики Валери прекратились мгновенно, зато слезы полились в два ручья. Глядя на такие страдания можно было всерьез подумать, что герцогиню и оборотня связывало нечто большее, чем пара-тройка отравленных поцелуев. Но нет, прожженного волка не обманешь, ею обуревал отнюдь не страх за парня или за себя, скорее ужас перед провалившимся заданием. И когда братья близнецы вынесли Аго, она перестала беззвучно плакать и нешуточно разозлилась, заскрипела зубами.

Белый варвар отнюдь не мягко стер платком отравленную помаду с ее губ и с кривой улыбкой предложил выпить:

— Может... вина?

Инсценировка со смертью Аго пришлась как нельзя кстати, несмотря на злость, герцогиня была настолько напугана, что мгновенно осушила предложенный ей бокал с капелькой сыворотки и сев на кровать временно пребывала в забытии. Она молчала, пока барон затягивал шнуровку на корсаже ее платья, попутно обследуя оное на наличие тайников. Не возражала, пока он освобождал от женских мелочей ее затейливо украшенный ридикюль. И даже не смотрела в сторону Стафорда, когда оборотень с недоумением пролистывал бальную книжечку красоты.

Та была пуста.

Посмотрев на Валери с прищуром, глава белой стаи тихо обратился к одному из оборотней:

— Тарон, спустись вниз и передай виконту Этьену Пьюри, что его невеста неважно себя чувствует. — Услышав это заявление, одна из самых красивых женщин королевства и бровью не повела. А варвар улыбнулся, добавив: — Передай так же, что сегодня она более не спустится в зал.

Сказав это, Стафорд с нетерпением и азартом вскрыл серебряную ручку для записей герцогини. Ее слишком широкое перо, было покрыто прозрачными маслянистыми чернилами, чей запах прямо говорил — яд. Обернув находку в уже использованный платок, барон передал ее Лису.

— Отправить? — спросил тот.

— При первой же возможности.

Вот тут варвар вспомнил о Тери и рыком остановил друга в дверях:

— Дерек, не спеши. Вполне возможно леди Сивер все еще в кабинете.

Светлоголовый оборотень покосился на, выпавшую из реальности, Валери с прищуром. Думал с минуту спросить или нет, а затем все же поддался искушающему любопытству:

— Наконец-то Тери знакомится с твоим неугасающим альтруизмом?

— С его последствиями, — горькая усмешка над самим собой далась легко. Даже удивительно, а ведь он столько лет слепо защищал честь этой женщины. Любое упоминание о ней дарило боль, а вот теперь — ничего.

— То есть... все? — не поверил Дерек и, прикрыв двери в коридор, подошел ближе. — На этом истории конец?

— Да.

Вот тут Лис коварно прищурился. И хлопнув варвара по плечу, он кивком указал на кровать, предлагая разыграть новую партию допроса:

— И что же ты узнал?

— Ничего нового, даже обидно, — задумчиво протянул барон. Он встал из кресла и отошел от ядовитой красавицы все еще пребывающей в забытьи.

— То есть как — ничего нового? — удивленно прошипел оборотень-хитрюга. — Совсем?

— Она ничего не знает, — произнеся это, Белый варвар кинул быстрый взгляд на леди Осорскую и отошел к окну, подав другу молчаливый знак. Валери прислушивалась к их беседе, даже дыхание изменила, проявляя к теме разговора живой интерес, а злость ее неожиданно приобрела новый оттенок, ревности. Интересное обстоятельство.

Лис понял и с привычной непосредственностью, воскликнул:

— Так они же три года...! — и пощелкав пальцами светлоголовый оборотень не нашел красивых слов для обличения правды и оставил мысль недосказанной.

— По-видимому, Густав Огюро отличается завидной сдержанностью в пос..., хм, в процессе... — озвучил Стафорд единственное оправдание, пришедшее на ум. И говоря об этом он придал особую пикантность голосу и не прогадал. Едкий смешок выплывшей из забытья леди Осорской, оборвал барона на полуслове.

— Сдержанностью?! — он прыснула в кулачок. — Если бы! Язык как помело... — вспомнив что-то, она в голос расхохоталась. А затем, утирая пьяные слезы, сквозь смех произнесла. — А Сивер ничего знать не может, потому что дура!

Белый варвар медленно обернулся:

— Повтори.

— Пустоголовая дура, в которой все вы неизвестно какую прелесть находите! — выдохнув со злостью, красотка мастерски перекривила слова Стафорда: — Она ничего не знает... А никто и не сомневался! Откуда этой рохле знать о герцогских планах? Все что она может это хлопать глазами и наивно полагать, что все образумится. Причем, самым невероятным образом образумится!

Поток ее несдержанных кривляний и пустых выпадов варвар оборвал вопросом:

— А ты, выходит, все-все знаешь?

— Еще бы... — ее горькую усмешку, сменила едкая ирония, — десять лет назад я была среди претенденток обязанных увлечь одного определенного барона...

Посмотрев на окаменевшего лицом Стафорда и удивленного Лиса, она расплылась в насмешливой улыбке:

— Собственно, зачем говорить в третьем лице! Речь идет о твоём расположении,

Стальной барон. О твоей шкуре, варвар!

— Как? — удивленно спросил Дерек, переводя взгляд с главы белой стаи на истерично хохочущую девушку, которая, словно помешанная повторяет глумливо: «Не знал..., не знал, ..., не знал!»

— Успокойся, — потребовал оборотень, угрожающе нависнув над нею.

Дрогнула в испуге, но процедила:

— Я спокойна...

Помедлив, барон отстранился, а затем и вовсе на шаг отошел, позволяя ей перевести дух, расслабиться и полноценно поехидничать. Расчет оказался верным.

Выпрямив спину и стрельнув глазами из-под ресниц, леди Осорская вновь начала желчно скалиться.

— Спокойна... я спокойна. А ты, волк, не знал, совсем-совсем не знал, что на твою шкуру еще тогда, в нашу первую встречу, велась охота.

— Зря приманивали, — отмахнулся он, наигранно и легко, — я не был бароном.

— Бароном не был, но в сражениях с Ларвийскими войсками ты себя показал.

Проявил потенциал вожака, понял Стафорд. В те времена Дагд, прежний глава стаи, становился слабее день ото дня и искал преемника. И противникам проклятого короля не трудно было догадаться: на кого падет выбор старого волка, и кто возглавит стаю, преданную королевской семье.

— Лучше всего было бы убить... — рассуждая вслух, призналась Валери. И проведя тонким пальчиком по краю пустого бокала, наполнила комнату протяжным звоном. — В крайнем случае, удалить из дворца.

— И тем самым ослабить королевскую охрану, — поморщившись светлоголовый сын ночи забрал у нее «орудие ушных пыток».

— Лис, а ты оказывается умненький!

— Хитренький, — учтиво поправил он. Улыбнулся в своей манере и заговорщически подмигнул. — И долго вас под варвара подкладывали? К слову, какой по счету вы были?

— Разве это важно, — фыркнула она с презрением глядя на варвара, — если все свое внимание Стальной барон обратил на деревенскую клушу?

— Стафорд, — насмешливо изумился Дерек, — как ты мог пропустить леди и увязаться за...!

— Наивной идиоткой, которая искренне верила в твою любовь! — завершила за него Осорская и ядовито улыбнулась. — Представляешь, Лис, Сивер отказалась его опаивать!

Оборотни недоуменно переглянулись.

— «Он уже влюблен!» заявляла эта дура и отмахивалась от настоек но стоило выдать ее замуж, так никто не дождался от барона решительных действий!

Белый варвар, глядя на ее перекошенное злобой лицо, улыбался. Действия были и не одно, но все они тщательно скрывались. И слава Ночи-кудеснице, ему-то уже известно, почему Тери не желала вечной привязанности волка. Он был до обидного невыгодной партией, вот и все.

— Но, несмотря на эту глупость, герцог Равии оставил Тересию Сивер про запас, не вывел из игры, — ответил он, с усмешкой наблюдая за тем, как его слова отзываются в ядовитой прелестнице.

— Надеюсь, что со временем, ты дашь слабину, — словно бы выплюнула она.

— Приревнует? — не поверил Лис.

— Как-нибудь да подставлюсь, — пояснил ему барон и с воодушевлением, которого не было и в помине, поинтересовался у Валери: — А дальше что?

Годы мучений и метаний, припомнил глава белой стаи с горькой усмешкой над самим собой, годы уговоров и десятки безответных писем. Безответных и бессмысленных.

— Дальше? Пять долгих лет и от тебя ни звука! — подавляя истеричный хохот, первая красавица королевства ответила глумливо: — За это время был разработан новый план. Но, к сожалению, первый супруг леди Сивер умер, а клушу Сивер с выводком отдали второму. И опять ни-че-го!

Словосочетание «Новый план» в устах Осорской прозвучало настолько радостно, что варвар интуитивно спросил:

— Ее предлагали убить?

Красивое личико ядовитой прелестницы неприязненно сморщилось, и обида, прозвучавшая в ее голосе, граничила с ненавистью:

— Густав отказался.

— Пожалел? — спросил Лис.

— Приберег для себя! — выкрикнула она, вскочив с кровати. — Ведь решил подставить Стального барона, скинув на него три смерти.

— И все связанные с Тересией...

— Удивительно, да? — прошептала девушка, глядя на Лиса безумным взглядом: — И это помогло! Не прошло и полугода, варвара выдворили из дворца на окраины Дакартии.

Будто бы защищаясь, барон процедил сквозь зубы:

— Я оставил стражу.

— А я спала с двумя из них.

Дерек поймал взгляд барона и поспешил уточнить, с кем именно ей довелось контактировать:

— С начальником и замом, как я понимаю...

— И рядовым идиотом, — беззлобно отмахнулась она. Видимо, идиот, угодил или был настолько честен, что сломил холодную стену к сердцу красавицы.

— Который... — задумчиво продолжил сын ночи, — ради спасения прекрасной дамы свернет горы?

— Не горы, а шею своему начальству, — Валери блаженно улыбнулась, — и, усыпив в нужное время весь взвод, покончит с собой...

Внимательно глядя на ее довольное лицо и мечтательную улыбку, барон усмехнулся:

— Теперь понятно, почему за принцем в леса последовало тридцать семь солдат, вместо пятидесяти. Но... — он сделал театральную паузу и со стальными нотками в голосе ударил словами по гордой красавице, — ради тебя герцог Равии на подобное был не способен. А стоило Тери повторно овдоветь, как он...

Всего лишь невысказанное предположение, основанное на ее словах и эмоциях, зато какой ответ. Она подлетела к главе белой стаи, как фурия, желая выцарапать глаза и вырвать язык, но была поймана легко и безжалостно, в крепкие объятия, с трудом позволяющие дышать.

— Подонок! Мерзавец! Тварь...!

— Ну что ты, разве я тебя под всех подкладывал, унижал, бил? — произнес он укоризненно. — Я помню тебя еще той. Четырнадцать лет, искрящиеся синие глаза, длинные темные локоны и улыбка, достойная всеобщего восхищения. Юная статья. Уже тогда ты

кружила мужчинам головы и пользовалась своей красотой.

Она прекратила биться в его руках, замерла, чуть дыша.

— Да, семь лет связи с Огюро не прошли бесследно. Они заставили тебя повзреть. Мне очень жаль, малышка. — Произнес Стафорд с грустью и погладил ее по бледной щеке. — Но испортилась ты — сама... А это знаешь ли снижает цену даже самого обожаемого предмета.

Красотка дернулась, как от удара, зашипела:

— Свинья!

— Волк, — поправил он. — Если хочешь Белый варвар, ну или так полюбившееся дамам Стальной барон. — И спросил без предисловий перевел разговор из прошлого в настоящее: — А что тебе обещали в случае провала этой миссии?

Ядовитая красавица хотела промолчать, пыталась, но стоило сдавить ее сильнее, и в бессильной злобе она глухо прорычала:

— Свадьбу.

— В случае провала, Валери, — усмехнулся оборотень. — Не нужно рассказывать о радужном желании женской натуры.

— Свадьбу... — брезгливо скривилась она и хохотнула, — с тем уродом, который травит сейчас несостоявшегося короля!

— Странно этого пункта в развлечении на вечер запланировано не было... — барон лукаво улыбнулся, временами он и сам был рад от Гаро избавиться. Жаль статус стража не позволяет.

— И что совсем-совсем отравят? — невинно спросил Лис.

— На смерть.

— Кто же такой смелый? — барон отпустил гарпию, придерживав за локоток, чтобы не упала: — Неужели твой женишок Этьен Пьюри? Ему ума всегда не хватало.

Грациозно и величественно она ответила: «да». Улыбнулась нагло, иронично, пьяно. Но вопреки ее явным ожиданиям Стафорд остановил сорвавшегося с места Лиса словами:

— Дерек, не спеши поднимать тревогу. Рядом с Его Высочеством Лерф.

— Слава Ночи! — Дерек вернулся назад. — Это меняет дело.

— О... да, — Валери изящными движениями оправила рукава платья и саркастически поинтересовалась: — это тот покореженный волчара, которому теперь никакая реликвия не страшна? — смешок и едкое: — Нет его там!

— Откуда знаешь? — будничным тоном Стафорда изрядно ее позабавил, но взглянув на варвара, девушка озадаченно замерла.

— Он. Он... — сглотнула и, сжав кулаки, решительно ответила, — этот оборотень ошрамован, двигается с трудом и медленно.

Варвар улыбнулся, вспоминая, как молчаливый дал слово волка до конца дней своих защищать неизвестную ему Аришку. Он так и написал в отчете: «Не пожалею жизнь отдать за лекаря, создавшего настойку».

— Жаль разочаровывать, Валери, но его теперь не узнать.

Тихий ответ Стафорда совпал с утробным рыком Лерфа, который раскатом прокатившись по коридорам, проинформировал оборотней белой стаи о поимке трех крыс.

— Вот и все, — улыбнулся барон и вернувшись в спальню близнецам отдал указание на счет ядовитой прелестницы: — Закроете в отдельной камере. И вот что, братцы, ... воздержитесь от поцелуев на ночь.

Когда Ирт и Лер вывели безмолвную фурию, Дерек протяжно присвистнул:

— Н-да, оказывается, неординарных дамочек тебе подсовывали и не одну. Хорошо, что ты не повелся на нее.

— Сам рад, — усмешка и многозначительное замечание, — хотя видел бы ты остальных...

— Я рад, что не видел. Иначе не знаю, каким бы эпическим прозвищем меня наградили. — Лис выбросил ридикюль красавицы в камин, обернулся к варвару с улыбкой. — К слову, откуда взялся Стальной барон?

— Дали здесь же, во дворце, пока охранял Табира, — Стафорд небрежно отмахнулся, посылая в камин и пустую книжицу для записей герцогини.

— Ты не угодил какой-нибудь фрейлине? Не поддался ее очарованию?

— Представь себе, все было наоборот, — отозвался барон в шутливом тоне, — и поддался и угодил.

Уловив приближение молчаливого оборотня, он разрешил Лерфу войти.

— А он уже здесь? Я даже не... — искренне удивился Лис и дрогнул от лапищи молчаливого. — Все-все, хватит! Я уже понял, что ты здесь.

Ошрамованный в выражении «братской» любви не сдержался — испортил пятерней тщательно уложенную прическу оборотня и, увернувшись от его кулаков, отступил с довольным хмыком. Некогда неповоротливый с трудом передвигающийся оборотень, благодаря Аришкиной настойке стал неслышимым и невидимым даже для волков, словно бы парил над полом. Избавившись от сводящей с ума боли, Лерф начал высypаться, как следствие повеселел и подобрел, перестал брить голову и забыл о темном плаще с глубоким капюшоном. Одетый под стать дворцовой моде, он изящно скрывал шрамы под шарфами и перчатками и, блестя слепыми глазами, уже не смотрел безучастно в пространство, а косил глаза на источник звука. Ныне молчаливый все чаще утверждал в отчетах о своем состоянии, что иногда зрение, частично возвращается.

Стафорд смотрел на него с улыбкой, зрение — это хорошо, вот бы еще и голос восстановить.

— Так что ты нашел у непоседливых крыс? Донесения верны? Они привезли в столицу подложный Гессбойро?

Волк кивнул, выудил из рукава тонкий клинок с витиеватой резьбой на эфесе и передал его барону.

— Наконец-то вернули, — глава белой стаи легко подкинул оружие в руке, удовлетворенно сообщил, — с чистым сердцем восстановлю свою коллекцию.

— Коллекцию? Это единственное, о чем ты можешь думать?! — Лис стал серьезным и, сдернув с растрепанных волос ленту, сердито произнес. — Сдается мне, что неожиданно освободившаяся от любовника Тери и отравленный Аго это...

— Всего лишь попытка отвлечь внимание, — подтвердил его догадку Стафорд.

— Ты знал?

— Чего-то такого я ожидал... и если Огюро делал ставку на реликвию, то меня и Лерфа должен был опасаться вдвойне. — Белый варвар пожал плечами, якобы говоря элементарные вещи. — Вот они и устроили два отвлекающих маневра.

На этом молчаливый вытянул вперед руку и показал три пальца.

— Каким был третий?

Им оказался Саир... Едва восстановленный в звании министра культур, он с пробитым

горлом лежал на кушетке. И пока в бальной зале полным ходом шло празднование, в гостиной, примыкающей к большой танцевальной комнате проводился осмотр раненного. Шейный платок пропитался кровью, руки дрожат, глаза, словно бы окончательно выцвели, лицо бледное, восковое. Но, несмотря на это, мужчина все еще был жив.

Опустившись на пол рядом со стариком, Стафорд обхватил его руку и ободряюще сжал ее.

— Потерпите еще немного сейчас все пройдет.

Игла, которую молчаливый положил на серебряное блюдо, была тонкой и длинной, ее отобрали у стрелявшего. А вот вторая в процессе борьбы между оборотнем и нападающим, все-таки пробила горло Саира. На его счастье она не застряла в позвонках или хрящевине, а вышла с другой стороны на половину, так и не повредив гортань.

— Отравленная, — между делом отметил барон, — в ожидании лекаря мы попросту теряем время.

И ухватив острый кончик платком, потянул иглу на себя.

Министр удивленно захрипел, попытался вскочить, но ему не позволили:

— Потерпите. Сейчас Аришкиной настойкой зальем, и все пройдет. — Произнося это, глава белой стаи бросил окровавленную носительницу смерти на поднос и потянулся за склянкой, припрятанной на груди. Крышечка слетела с пузырька, и по комнате разнесся резкий запах трав.

— А-а-а-а... — захрипел министр.

— Рано вам на тот свет, дедуля. Пока принца не жените, вас не заберут, — сообщил барон, капая из склянки непосредственно на рану. — Примите это как данность.

Старец зашипел, выдираясь из захвата, и пусть сил прибавилось, а кожа начала терять оттенок мертвечины, его взгляд, посланный барону, не был исполнен благодарности.

— Ну... — ухмыльнулся барон, — судите сами, игла особо не повредила. Продырявила только. Яд на ней был, но вас на тот свет не отправил. — Закрыв склянку и спрятав ее на груди, он с нескрываемым интересом спросил у раненного: — Могу я узнать, в чем причина?

Медленно и очень аккуратно старец указал на платок, а затем попытался стянуть его с шеи.

— Дайте, — спохватился варвар и, сняв пропитавшийся кровью атрибут, удивлено замер. Запах. Полынный щедрый запах, запомнившийся ему по морозной поре, резко ударил в нос.

— Аришкина настойка?

— Противопростудная, — прохрипел Саир и опустился на подушки.

— И все?

Кивнул.

— Дерек, — глава белой стаи обернулся к только что подошедшему другу и протянул поднос с иглами, — Арише, напиши еще одно послание, на этот раз радостное.

— Как пожелает Стальной барон, — ухмыльнулся хитрюга.

Синеющие губы, странно блестящие глаза и ярость, вызванная болью... Эти слова я повторяла про себя, словно молитву, который день подряд. Первоначально еще и Аго жалела, затем оборотней, которым приходится его в забытьи держать, а вот теперь, пять дней спустя, я готова волком выть на луну, потому что Ёго сжег мою тетрадь, и нужные сведения в дневнике некроманта так просто не находятся. И было бы проще не отрывай меня никто, так нет же! Если дяде и Севуне я свою занятость хоть как-то да объяснила, то до Раты достучаться не смогла.

— Опять не ела... — она вошла в мою комнату на правах хозяйки дома и, придерживая живот, скорбно застыла надо столом, мной и собственно записями, от которых я с ночи не отрывалась.

— Спасибо, Рата, но есть не хочется.

— Болезная? — насупилась она.

Ей Богу только повод дай, опять из дядино дома погонит. Не нравлюсь я ей ни на грош.

— Занята, — в который раз ответила тихо и страницы талмуда прикрыла листками исписанными мной.

— Так занята, что третий день носа из дома не показываешь?

Упрек вроде, как мне на благо, да не верю я белошвейке. Моему приезду она рада не была, и себя осмотреть дала не сразу. То ли нос воротила, а то ли брезговала, что прикасаться ее будет лекарка — девка, поруганная с честью запятнанной. По ее личному мнению таких девок только бесеки себе и берут. А то, что сестрой их названа, так не велика заслуга, сегодня может и сестра, а завтра кому-нибудь из головорезов, глядишь, и уже подруга.

Рата смотрит на меня, словно не ее беременность стала причиной моей спешной поездки. Будто бы не она через дядю просила прибыть поскорее, волновалась за плод. Будь швея на десять лет младше, я бы настойку с соколом отправила и все на том, а так как не молодка, пришлось мне с визитом ехать. И видит Бог, не хотела я с пиратом отправляться в путь. До последнего откладывала, в надежде, что у Датога Суро другой сопровождающий найдется. Не нашлось. Что ж ради спокойствия новоявленной тети я поехала на свой страх и риск. Ибо, как из писем поняла, пока Захар-травник с охоты воротится, Рата от переживаний дважды поседет. А вышло, что чуть ли не поседела я сама.

— Ты вот, что... — после долгих раздумий женщина все же решилась рассказать о причине своего визита, — выйди из дома, с людьми поговори.

Я вспомнила деревенских людей с их ко мне отношением, мысленно перекрестилась, а вслух произнесла:

— С кем хотела, с теми уже встретила.

— Ты, может, упустила кого... — зашла она издалека.

— Рата, никого я не упустила.

— Выйди, — заискивающе протянула.

— Нет.

— Там свежо, — сделала еще один маленький шажок ко мне.

— Нет, холодно.

— Выйди, кому говорят! — стала над душой и за живот схватилась. Думает я из уважения к беременной, спорить постыжусь. Ошиблась.

Не вставая и глаз не поднимая, спросила сухо:

— И к кому вы меня посылаете?

— Да, просто...

— Кто там? — еще тверже спросила я.

— Варос, — призналась белошвейка нехотя и поспешила ничемную причину обосновать, — третьи сутки ждет тебя.

Не сдержалась, фыркнула глянув на нее снизу вверх:

— Откуда третьи, если он из запоя вышел сегодня сутра!

— Но ведь пить-то он из-за тебя начал? — и руки уперла в бока.

А я молчу, потому что, если что-то и будет сказано мною сейчас, то отнюдь слова не мирные. Она же мое молчание за капитуляцию приняла, настоять себе позволила:

— Выйди и поговори... — мой тяжелый вздох, свистящий сквозь зубы не заметила, как собственно и выдох, — ...дай душу излить, горемыке. Пожалей.

Жалеть? За что? За то, что его мать с сестрой у горных пристанище нашли? Или за то, что он в семье жены живет, как безвольный пахарь? А ведь это мне пришлось несладко, это я уехала из родного селения и живу теперь в чужом доме!

В глазах потемнело. Нет, не от боли, злость полыхнула так, что уж подумала, сердце сейчас остановится. Как с места встала, как книгами хлопнула, не знаю, но Рата от стола моего скоренько отошла, испуганно за живот схватившись.

— Ариша, что ты...?

— Я понять не могу, о чем с ним говорить. Унизил, опозорил, бросил он меня, а теперь я его выслушать должна?!

— Так он же... несчастный, — промямлила тихо.

— Как только о себе, хорошем, думал, так и продолжает! И в горестях своих винит всех почем зря. Не я ему стакан в руки дала, не я пить заставила. А хотел бы мать с сестрой в деревне оставить, сам бы с бароном встретился.

Я протяжно выдохнула, злость отступила, прошел запал, отгромыхало:

— На худой конец, к бесекам поехал бы, повидал...

А она стоит, не шелохнется, в глазах обида, губы поджала сердито, хмурится. Знает упертая, что я права, да от своего не отступится.

— Ариша, совести у тебя нет. Что люди скажут? Парень пьет, не просыхая, а ты...

— Совесть есть, из-за нее я сейчас приехала, — говорю, а самой не верится. Раньше бы смолчала, и слушала потупившись, а сейчас... Не позволю, винить себя не позволю. Потому что нет здесь моей вины, и никогда и не было.

— И чтобы не сказали люди, мне плевать...

— Да как ты можешь?! — вспыхнула негодованием, заломила руки. Вот-вот кинется супруга звать, чтоб он племянницу образумил, дал по шее.

— Могу и буду, — я прошла к двери и демонстративно ее открыла. — Для меня всех прочих важнее Севуня с дядей и дочка его от вас, а еще Ола и Захар. Остальные... по боку.

Мой кивок в сторону прохода, женщина поняла, вышла притихшая и уже из коридора спросила слезливо:

— А как же я? Я тебе никто?

Сказать хотелось многое, потому как застарелая обида во мне всколыхнулась, а до этого

еще и накипело, но я удержалась и почти пожалела беременную:

— Проживете с дядей 10 лет душа в душу, станете...

— Кем? — спросила настороженно.

— Там посмотрим, — я улыбнулась кротко и закрыла двери.

Горькие рыдания последовали незамедлительно. С всхлипами натужными и такими призывными, что дядя ее с улицы услышал, примчался в дом, а я из комнаты и не выглянула. Есть у Раты кому утешать, кому к груди прижать, по спинке погладить, поцеловать в волосы, есть... У меня нету, а все что было, либо наживы ради, либо из жалости или из сострадания к немощи несчастной, но никак не из любви.

Села за стол, а в голове туман. Плотный какой-то и я, как капелька росы, застыла. Не верилось, что я наконец-то молчать перестала, высказалась, и вроде как легче стало, а в тоже время и тяжело. Так бы в одну точку уставившись, и просидела до утра, да только через минуту ко мне Севуня заглянул. Ногами у входа постучал, точь-в-точь как отец, и, сняв шапку, с серьезным видом прошел к столу. Изменился мальчонка, за единый год повзрослел на два, смотрит на меня и даже не улыбнется. Что-то важное сказать хочет, слова подбирает. Думала, что выслушаю его, как взрослого, молча, да не смогла, сграбастала всего такого волевого, к себе прижала и слова сказать не в силах, потому что ком в горле. Вот-вот разревусь.

А он ручонками плечи мои гладил и шепчет:

— Не бери в голову, Аришка. Полчаса и Рата плакать перестанет. Перебесится. Папа ей сразу сказал, чтоб истерить не смела.

— По-почему?

— Так ты ж ради нее с бесеками породнилась! — сообщил он восхищенно.

— Севунь, я не ради... — всхлипнула со смешком, — так получилось...

— Все равно, пусть обязанной будет. Тогда слова против тебя сказать не посмеет, поостережется.

Отстранилась удивленно, посмотрела на братца и спросила:

— А что, она говорила обо мне, да?

— Говорила, — вздохнул, но тут же глянул упрямо, — так батя кулаком по столу и как рявкнет!

— Что, рявкнет?

— Чтоб порочить не смела. Так что не стеной и делай что надо. Она к тебе более не явится. — Посмотрел на меня весело, дождался ответной улыбки и спросил: — А-а-а-а теперь кровавую слезу захватчика покажи-и-и?

— А ты откуда знаешь?

— Ну, так Увыр бате рассказывал, что за твое благополучие он зря беспокоится. Мол с оружием девка и под защитой. — И по-детски восторженно спросил: — Покажешь?!

Мое благополучие? А причем тут оно до ножа?

Но спросила я другое:

— Севунь, горные у нас только на бесекском говорят. С ними из местных мало кто общается. Как же ты...

— Язык оружия един, — сообщил он веско и воскликнул: — Ну, не будь ты шурой! Дай посмотреть.

— Хорошо...

Вот за одно лишь его восклицание я была готова ему не только кровавую слезу показать,

но и реликвию черных. Щура бычьья, как же я раньше не вспомнила! Настойки Захара из этой травы способствовали успокоению, в то время как у некроманта действовали наоборот, возбуждающе. Растение само по себе очень необычное, редкое и растет на горных кручинах близ воды, серенькое, невзрачное, ползет по каменным глыбам и от лишайников не отличается ничем. Рядом пройдешь и не заметишь, но стоит траву эту задеть или наступить на нее, так она краснеет и вздувается, грозно шипя.

Вот с чего мои поиски начинать нужно было! Не с посинения губ и не с блеска глаз, а с ярости, вызванной болью. Через час отправив восторженного Севуню спать, я просидела за книгами до утра и только лишь в пятом часу оторвалась от работы. Противоядие для Аго было почти готово, дымилось в глиняном черпачке, ожидая, когда его в склянку перельют, но ему не хватало лишь серой скальной пыли. Как говорилось в дневнике, собрать ее нужно серым утром, до росы. Воодушевленная своей удачей и стечением обстоятельств, я не сказав родным и слова, выскочила на улицу. И к чему будить, если я всего-то на минутку отойду, ведь дом дяди стоит на отшибе, как раз под скалами. Кто дороги к ним не знает, тому лучше не идти, но я-то здесь родилась. А потому легко поднялась на первые два уступа, набрала пыли, и только решила спрыгнуть вниз, как остолбенела. Варос, собственной персоной за мной пожаловал.

Стоит внизу ноги на ширине плеч, чтоб не упасть, руки на груди сложены, чтоб они не дрожали, голова чуть наклонена, взгляд больной мутный. От угара прошлых дней качает его из стороны в сторону, но он уперто стоит, меня дожидается.

Как ни смотри, самое время звать бесеков на помощь или дядю, уж он охотник знатный, с пьянью этой справится. Но я, отринув страхи, решительно спрыгнула вниз. Эка невидаль, знакомый остолоп дорогу заступил, грозным видом напугать пытается. Да надеется зря, уж если я Рате отпор дала то, что мне этот требователь.

— Доброе утро, — поздоровалась весело, чем немало его озадачила.

— Доброе... — ответил чуть погодя. — Я к тебе...

— И чего хотел?

— Поговорить...

— Варос, нам говорить не о чем.

— Ошибаешься, — зубами проскрежетал и сделал первый шаг в мою сторону. Покачнулся.

Год прошел, а изменился так, что видеть горько. И в кого ж я раньше была влюблена? В это безобразие? Вылезла его дрянная натура наружу, показала скверну в лице оплывшем, глазах помутневших, в животе, что не от тяжелого труда нарастает. Не полысел еще, волос все так же черен, спина все также пряма и широка, ноги крепкие, руки не отвалились да все не то. Нет в нем тепла ни на грамм, только злоба, и вылить ее он решил на меня.

— Ты, падла, жизнь мне сгубила, ты... мать мою опорочила, на сестру венец безбрачия навела...

Он ко мне идет, а я стою, нож-заклинателя в руке сжимая, а самой смешно.

— Так ты поговорить хотел или обвинить во всех грехах?

— Что с тобой разговаривать... — ухмыльнулся, показав два отсутствующих зуба. — Я все решил...

— Когда?

— Вчера, пока ждал тебя. Вот и удавку приготовил. — И с умным видом веревку мне продемонстрировал. Гнилую, тонкую, какую у нас для подвязки плетущихся роз берут.

Случаем, не с дядиноного ли палисадника ее сдернул? Вернусь к дому, проверю, не поломал ли чего, детина, когда бечевку с кустов сдергивал.

— Понятно, — не дожидаясь, пока он ко мне спустится, сама подошла. Встала напротив, кровожадно ему улыбнувшись, прошептала: — Я тоже тебя ждала. Вот нож и приготовила. — Кивс заха блеснул в предрассветной серости, заставив Вароса оступиться. — А еще вместилище нашла для тебя, — вот тут продемонстрировала мешочек со скальной пылью.

— Как, вместилище? — он окинул себя взглядом, затем скептически посмотрел на предмет в моей руке. Определил несоответствие размеров, задался насущным вопросом. — Как помещусь? Я же...

— Пепелком, Варос, жженым, перемолотым. Спасибо за напоминание, мне как раз материал нужен для очередного венца безбрачия.

И шаг делаю к нему, медленный, выжидающий. Кинется, ножом полосну, не кинется, камнем вслед метну, да так, чтоб более рядом не появлялся и имени моего не вспоминал. А он дрогнул, выронив гнилую бечевку, пошатнулся, хватаясь за грудь.

— А-ар-ри-ш-ша!

— Что, милоч, боишься? Не надо бояться... — хмыкнула громко и заверила клятвенно, — Когда тело твое языки пламени лизать будут, ты ничего уж не почувствуешь.

Побледнел, задрожал.

— И пальцы твои отрежу уж, когда в беспомощности будешь.

Услышав такое, пьяный мститель толстые пальцы в кулаки спрятал. И стоит не шелохнется и задышал тяжело, через раз. Так я его движение за намек приняла, проговорила:

— А вот с сердцем... С сердцем сложнее придется. — По руке его ножом провела и на нужную область указала. — Наживую из груди твоей вырежу, пока оно лихорадочно бьется.

Сплотнул, закашлялся, и в животе у него что-то громко булькнуло. Не иначе икота занимается.

— Во... — протянула я, — вот как сейчас бьется. — В глаза заглянула влюблено, как кот, взирающий на мышку, пролепетала: — А может, не будем откладывать до ночи и сейчас все... решим?

Как он убежать начал я и не заметила. Вроде тут был, а вроде уже и там за пригорком сверкает пятками. Со страха сапоги потерял, да за ними не вернулся.

— Смотри, быстрый какой, и не догнать! — подле меня со скалы спрыгнул Увыр, а затем из-за дерева тенью шагнул брат его Эрхо.

— Зачем догонять? — удивился он, плюнув под ноги. — Это жены моей родственничек, чтоб его!

— Если так, то сам с ним разберешься. Детали разъяснишь доходчиво. А я с сестренкой нашей поговорю.

Младший Хотский спорить не стал, бесшумно в лесу исчез, а вот старший из братьев остался. За локоток меня взял, вывел на дорожку и требует:

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — не поняла я. Все же появления их совсем не ожидала. Ух, шустрые наемники, подкрались неслышно, объявились неожиданно, как духи. Против таких в бой лучше не ходить.

— Рассказывай, зачем тебя на природу с утра пораньше потянуло, — повторил он размеренно, как для глупой.

— Так я... Ой, я! — вспомнила о противоядии, которое в глиняном черпачке дымится, и за голову схватилась: — Боже, мой Боже! Увыр я все объясню...

— Сейчас, — настоять попытался, даже локоть мой сильнее сжал.

— Позже!

Вырвалась из его рук и, как Варос минуту назад, сломя голову, помчалась к охотничьему дому.

Это ж надо — забыла, совсем о спасении Аго забыла из-за какой-то мелочи. А бывшего своего я теперь за человека и не считаю. Мелочь он, и все на том.

Стафорд тщательно смывал грязь с рук, и Дерек, наблюдавший за этим, с нескрываемым интересом спросил:

— Ну как?

— Ничего нового, — оборачиваясь к другу, оборотень сдернул с плеч окровавленную рубашку и отбросил ее в корзину с прочей испорченной одеждой. — Сдается мне, Гаро был прав, ограничив список подозреваемых до пятнадцати человек. Он и повод нашел для того, чтобы поселить их в одном месте...

— Ну и что? А ты вот выслеживаешь всех подозреваемых и куда эффективнее собираешь сведения, — попытался взбодрить его друг.

— Очень эффективно, — он сдернул с себя сапоги и отшвырнул их к корзине, — сэра Кристиана Гамильтона только что затоптала собственная лошадь. Я не успел его спасти. Графа Равского загрыз раненный медведь. Баронессу Ладомит отравил молодой любовник, а Сафьяни удачно упала с лестницы и проломила себе голову...

— Ты хотел сказать: «неудачно», — тихо заметил Лис, вспомнив вероломную горничную леди Валери Осорской.

— Да, нет... Как раз наоборот. Ей повезло, что мы не встретились, — прорычал барон. — Болезнь Валери ее рук дело, а подобное я спускать не хотел.

— Но герцогиня осталась жива, — возмутился светлоголовый оборотень, — к чему такие страсти?

— Жива. Но надолго ли.

Стафорд злился на себя, на своих волков и проклятую девчонку горничную, скончавшуюся так внезапно. С ее гибелью нить расследования оборвалась, так и не приведя оборотней к посреднику между исполнителями и Равийским ублюдком. К человеку, в чьей власти были средства способные незаметно шантажировать конюха лорда, отправить графа на опасную охоту, и сделать из молодого поэта любителя коркри, готового убить за порошок не только любовницу, но и родную мать. Что до горничной леди Осорской, именно Сафьяни была той мелкой пешкой, которая видела посредника лично и не только в этот раз. В день смерти Табира IV, коего Валери принимала в своих покоях, именно эта девушка прислуживала ей и именно она принесла бокал с отравленным вином. Прочие участники того заговора, как мелкие сошки, так и весомые фигуры были удалены с поля боя в первую же неделю после провала. И пока Гаро метался по деревьям и лесам, скрываясь от преследования и теряя верных солдат, кто-то тщательно подтирал следы королевского убийства. Почему в живых осталась Осорская предположить не сложно, герцог благоволил бывшей любовнице. Использовал, как приманку и, не особо распространяясь при ней о заговоре, уберег от смерти. Но в счет каких заслуг в живых осталась горничная Сафьяни?

— Лис, а герцогиня в себя еще не пришла?

— Ариша написала, что это произойдет лишь через неделю. Настояй бротада был слишком крепким.

Стафорд с подозрением воззрился на друга:

— Она прислала сокола?

— Да, только что получил, — светлоголовый оборотень выудил из-за пазухи многократно сложенный листок и помахал им.

— И что у нее нового?

— Ничего нового за последний месяц. Никто больше не злословит за спиной и обидеть не пытается. Тихо. Кстати, количество молодых мужчин в очереди к ней значительно уменьшилось.

Белый варвар кровожадно усмехнулся.

— Ну да, еще бы им не выздороветь, — согласился Дерек с хитрым прищуром, — после твоего письма к Увыру, всех страждущих встречают бесеки, а затем уже Ариша.

— Что еще было в ее письме? — набирая пригоршнями воду, барон смыл грязь с лица и груди, потянулся за полотенцем.

— Она хотела бы принять роды у Раты, второй жены ее дяди, но в этом случае...

— Что?

— Она не успеет до зимней Тосы привезти тебе подарок.

— Мне? Подарок... — полотенце в руках варвара застыло на полпути к его лицу, так и не стерев с себя воду глава белой стаи хрипло спросил: — Зачем?

— Она не написала.

— Тогда о каком подарке идет речь?

— Здесь не написано... — вздохнул светлоголовый, потрясая посланием. — Даже намека нет.

— Дай сюда, — получив листок, барон перечитал все дважды. И о том, что Морат привез красивые лисьи шкуры Рате, о том, как повзрослел и в то же время распоясался Севуня в свои неполные девять лет. Об Оле и уже замужней дочери ее Огейке. О том, как староста деревеньки кареглазую золотом отблагодарил за излечение старой хвори, а горные наемники договорились о новом рынке сбыта своих товаров.

— И словом не обмолвилась, — сердито буркнул оборотень и поднял тяжелый взгляд черных глаз на улыбчивого друга. Тот уже сел на сундук близ кровати и нагло потянулся к позднему завтраку Стафорда. — Перестань скалиться и объедать меня, свяжись с бесеками...

— Уже, — с ухмылкой ответил Лис, забирая себе самый прожаренный кусок мяса с тмином. — Ариша еще в прошлом письме, прочитав о наших злключениях, подумала, что тебе без чего-то там не обойтись.

— Злключениях... Ты ей писал о происходящем здесь?

Порыв придушить наглеца, барон сдержал, но полотенце с устрашающей скоростью полетело в Дерек.

— Баш на ба-ш-ш-ш, — Лис отфыркиваясь, снял с лица ткань, брезгливо отбросил ее двумя пальцами и спросил с улыбкой: — Не думаешь же ты, что малышке интересно делиться подробностями собственной жизни ничего не получая взамен?

На самом деле так и думал, но посвящать наглеца в свои чаяния не хотел. А потому он лишь отмахнулся, сердито прошипев:

— Лучше скажи, что ответил Хотский.

— М-м-м-м..., - наслаждаясь мясом, протянул Дерек и, проглотив кусок, оскалился: — Они тоже не в курсе. Малышка не рассказала.

— Проклятье! — Стафорд широкими шагами пересек комнату, выдернув из второго сундука новую одежду, начал переодеваться. — С каких пор наемники интересуются, будет ли она рассказывать? Давным-давно могли бы уже проверить!

— Да? — светлоголовый оборотень аж закашлялся от такой перспективы. Запил комок, ставший поперек горла, и спросил: — И ты был бы не против, начни они копать в ее вещах?

Ответ прозвучал глухо: «Нет», и хитрюга оскалился:

— Рад, что наши мнения совпадают.

Они совпадают, но от этого не легче. И спасаясь от внезапной тесноты, глава белой стаи рванул горло только что застегнутой рубашки. В раздражении взглянул на оставшийся в руках клочок ткани и пуговицы, что разлетелись, весело звеня. Дерек проследил за их полетом, а затем посмотрел на главу с сочувствующим пониманием.

— Ты что решил?

— Встречу ее на полпути, — ответил барон, и раздраженно добавил: — А что еще я могу решить?

— Послушай, мне понятно твое желание ее увидеть, я и сам рад буду обнять малышку и по-человечески расспросить о ее делах. Но... не думаешь же, ты, что твой искренний порыв останется незамеченным? — помедлив оборотень, продолжил: — В Оранту черные пришли за тобой.

— И чуть было не узнали об Арише... — выдохнул барон сокрушенно. — Да, придется ее встречу кому-нибудь перепоручить.

— И перехватить ее на пол-пути. В крепости Тардош, например...

— Или во втором логове белого братства, — увереннее протянул Стафорд. На мгновение задумался и постановил: — Решено, пошлю к ней Лерфа.

— Зачем молчаливого? — насторожился Лис. — Не лучше ли отправить известных ей волков: братьев близнецов или Тарона? Им она хотя бы доверяет.

— А я доверяю Лерфу, — Белый варвар быстро стянул через голову испорченную рубашку и, поведя плечами, ухмыльнулся: — Во-первых: пусть лично узнает, за кого обещал жизнь отдать, а во-вторых: нужно, чтобы он помог старому Вастару в делах. Волк ищет приемника на свое место.

— И хорошо бы молчаливому взять управление в свои руки, — понял подоплеку Дерек. Он прошелся по комнате, загадочно улыбаясь, и похвалил. — Хороший выбор. Ни над тобой, ни над ним реликвия белых не властна.

— Отличный выбор. Над ним уже ничто не властно.

— Кроме Ариши, — ввернул свое слово хитрюга, — ведь настойка от нее.

— Она слишком добросердечна и не пойдет на шантаж. — Сев за стол, разломив булку хлеба, барон с урчанием придвинул к себе блюдо. — Так что... если ранее обожженный волк мог наложить на себя руки, то теперь нет. Он обрел цель своей жизни.

— Ага, — Лис хитро прищурился, процитировав клятву сына ночи: — «Не пожалею жизнь отдать за лекаря, создавшего настойку».

— Именно.

— Но Стаф, он и предположить не может, что лекарем является человек, к тому же девушка.

Барон с ухмылкой вцепился зубами в сочный кусок мяса. Промолчал, обстоятельно пережевывая и только лишь проглотив, ответил:

— А это третья причина, почему я посылаю Лерфа, а не Тарона или братьев близнецов. Пусть наш аскет учится доверять людям.

— Н-да, и учителя ты ему выбрал хорошенького, хотя молчаливый мало что увидит... — вздохнул светлоголовый оборотень с ехидцей заявив: — К слову, это тоже отличный предлог. Четвертый по счету?

Проследив за сменой выражений на лице главы стаи, Дерек удовлетворенно хмыкнул:

— Что ж предупрежу Увыра об изменениях в их пути следования.

Дверь за ним закрылась, и с той стороны в нее с грохотом ударилось нечто тяжелое, разлетевшееся от удара на куски.

— Минус сундук, — ухмыльнулся Дерек, со шкодливой улыбкой. — То ли еще будет?!

Вот уже получас мы наблюдали за тем, как на постоянный двор при дешевой таверне, медленно и величественно въезжает вереница карет с невестами Гаро.

Дивные красавицы прибыли из Ларвии, Рогорда и Валфсеи, чтобы быть представленными будущему королю Дакартии. В надежде объединить королевства узами брака между венценосными семьями, невест снаряди в путь не парой сумок, а сундуками набитыми добром. Но к несчастью для путешественниц и их провожатых, именно поклажа привела их в захудалый городишко на границу долины Нариви. Из-за бури Ларвийские корабли так и не смогли причалить к берегу в больших портовых городах, спустились ниже и на лодках приплыли в сущую глушь. Красавицы из Рогорда оценили вязкость местных дорог в осенний период. А верноподданные Валфсеи, познакомились со степными и их склонностью к воровству. Едва унеся ноги от бурь, непогоды и разбойников все девушки оказались здесь, в далеком городке Танири, где об удобствах для коронованных персон жители слыхом не слыхивали.

Представив себе запросы новоявленных постояльцев, хозяин таверны попытался спровадить их со двора, но был вовремя пойман юрким распорядителем.

— Уважаемый, пощадите горемычных!

Взмолился он горестно и в красочных деталях поведал о несчастьях, обрушившихся на девушек и их прислугу. Он рассказывал о невзгодах и неудачах юных прелестниц с такой страстью и отчаянием, что невольно вызывал улыбку. Добившись от главного слушателя рассеянного кивка, распорядитель поспешил заверить мужчину в скромности желаний новых постояльцев:

— Богом клянусь, нас устроит даже то малое, что есть! Вы и не заметите нашего пребывания...

Дождавшись очередного нерешительного кивка господина Вилля, юркий проныра, вручил ему мешочек с золотыми и решил на уточнение:

— Вот только кое-что, — он приложил руку к груди и хлопнул ресницами, — совершенно незаменимое, нам все же понадобится...

После озвученных требований, я бы золото вернула и предложила красавицам поспать под открытым небом. Но господин Вилль уже ощутил вес вознаграждения и с ответом замешкался. Чем не без радости воспользовался временный «опекун» красавиц.

— Так вы согласны?! — распорядитель в зеленом фраке, неожиданно кузнечиком подпрыгнул, чуть ли не коснувшись навеса головой. — Благодарю вас, прекраснейший из людей! Вы не пожалеете!

— Пожалее и крупно, — хмыкнул бесек, сидящий рядом со мной. Остальные поддержали его смешками.

Сидя в таверне у окна, мы завтракали, развлекаясь наблюдением за новоявленными привилегированными постояльцами.

— Увыр, главное, чтобы нас не выселили сейчас в угоду девушкам. Сундуков с ними может и стало меньше, но желание простора осталось прежним.

— Королевским.

— Нас не выселят, — будущий вождь племени покачал головой. — Побоятся.

На что я скептически прищурилась:

— Что правда, то правда... После того, что вы учудили на площади, тронуть вас побоятся.

— Вот, сестренка, верно говоришь, — поддержал Эрхо, младший из братьев Хотских, — на то мы и горные, чтобы нас бояться.

— На то вы и беда, — сказала, как отрезала. — Из-за вашей драки с бугаями местными нас теперь все жители городишка в лицо знают.

— И что с того? — не понял третий мой провожатый.

Авер с виду хлюпенький мужчина лет пятидесяти, ветер дунет не устоит. Одного глаза нет, правая рука не сгибается, но даже таким он мог поспорить с молодыми силачами и в скорости удара, и стремительности атак. Кто в бою его не видел, не поверит, что горный один за минуту четверых здоровяков в болото повалил. А пятого заставил танцевать вокруг себя, пока не сжалился над незадачливым бойцом, выдав ему оглушающее звонкую оплеуху. Будь его воля, кулаки чесал бы постоянно.

— Десятый день в пути, — продолжил он уверенно, — уж и не бесекон себя чувствуешь. Мы драчливы по природе.

Нахмурилась, тихо сетуя:

— Раз уж вы о природе своей вспомнили, то стоило и о секретности не забывать. Теперь-то все знают, что вы к Белому варвару едите, талисман отдать. Варварский.

— Так я ж о тебе говорил, Аришка.

— Молчи уже, — сердито прищикнул на него Увыр. Он-то догадывался о возможных последствиях, видел не только нож-заклинателя, но и талмуд. Знает, что я не просто так спешу к барону.

Глядя на нахмурившегося Авера, я расстроено покачала головой. Знал бы наемник, сколько у меня «талисманов» для Стафорда, молчал бы в тряпочку, и лишнего внимания к нашей четверке не привлекал. Но что уж там... Слово не воробей, вылетит, не поймаешь.

— Теперь другой вопрос решить надобно — как из города уезжать будем?

— На лошадях, ясное дело.

— А если тайно и врозь? — спросила я, с прищуром наблюдая за тем, как измученные высокородные красавицы выбираются из карет, как крутятся вокруг них фрейлины и гувернантки, матроны и горничные и как распорядитель с довольной улыбкой вытирает вспотевший лоб.

— Почему врозь? — не понял Эрхо, так похожий на молчавшего сейчас брата. — Врозь нельзя, иначе Белый варвар нас сам при...

— Придется, — шепнула я, — вы в охрану подадитесь, я в лекари. Нанимайтесь к разным невестам, в крепость все равно вместе попадем.

— Это плохая идея, — отрубил Увыр.

— Хорошая, — упрямо ответила я.

— Плохая.

— Нет...

— Да.

— А я говорю, нет, — грозный взгляд подняла на будущего вождя племени, а он своего не отводит и смотрит с укором.

— Сестренка твоя безопасность, моя забота. Поэтому — нет.

— Братец, что ж вы о моей безопасности не думали, когда вы с местными сцепились? Когда хвастались победой и обмолвились целью поездки. Ну?

— Они первые... — обиженно протянул Авер.

— А вы старше, — не осталась я в долгу. Посмотрела на хмурых бесеков и уверенно заявила: — Уезжаем с невестами.

Думала. разговор окончен и тема закрыта, но Увыр подал соплеменникам какой-то знак, и мужчины поднялись из-за стола, и с тарелками пересели за соседний. Некоторое время бесек выжидал прежде чем сообщить мне о своем желании посмотреть, как барон-оборотень с Ыго встретится.

— И кто помешает? — недоуменно спросила я. — До ноября еще время есть. Успеешь и вернуться и посмотреть на их встречу.

— В том то и дело, что он отложит свидание с пиратом, ради встречи со мной, Эрхо и Авером, — пояснил Увыр многозначительным тоном, — и вряд ли мы это событие переживем.

— Лучше думай о том, как дотянуть до этого события.

— О чем ты? — насторожился Хотский.

Всего на мгновение зажмурилась, чтобы признаться:

— Те волки, что кружили в лесу и осматривали обозы на переправе, искали... — я демонстративно подняла ладошку вверх и прошептала, — меня. Черным явно донесли о возвращении лекарки, которую оберегал Белый варвар. Войти в деревню они не имели права, поэтому устроили облаву в лесу на ближайших перевалах и переправе, и поэтому мы пошли забытой тропой к равнине...

— Оберегал? — Увыр оборвал мое признание веселым хмыком. — Ариш, вся деревня уверилась давно, что ты в Весеннюю Тосу сбежала от притязаний барона. А еще все они убеждены, что бегство твое варвар простить не смог и из ревности морду Варосу набил...

— Что?

— То! — короткая усмешка. — И Агафью оборотень выдворил из селения, чтобы твоему бывшему указать его неказистое место. А тот якобы попросил мать найти тебя и... приютить. И раз уж они к нам подались в горы, то и тебя потянули за собой. Вот почему тебя горные зовут сестрицей.

— Я..., я... — на мгновенье в глазах потемнело, и в груди стало тесно, — ме-меня!

— Ты и тебя. Так что, донесли черным о возвращении волчьей подстилки, а никак не лекарки.

— Боже правый! Да как язык только повернулся! Сказать такое, подумать... Как?

— А так и повернулся, — он наполнил чашу яблочным соком и подвинул в мою сторону, ехидно процитировав кого-то: — В родную деревню девка подалась в отсутствие Белого варвара... Да еще с треклятыми бесеками, под защитой.

По интонации узнала, кому слова эти принадлежат, нахмурилась пуще прежнего. Это Налима говорила — заклятая подруга торговки. Как и прежде, защищает Агафью, во что бы то ни стало. И я долго могла бы возмущаться страстью деревенских к романтическим сплетням, но поразмыслив, уловила главное в его словах:

— То есть... ты не будешь против, податься в охрану?

— После твоих слов, мне деться некуда, — ухмыльнулся он. — Но наниматься пойдем к одной и той же красотке.

— Все?

— Нет, — он подумал и легонько хлопнул рукой по столу, — так и быть я и ты к одной, парни к другим. Так будет лучше.

— А еще талисман варвара, надо как-нибудь потерять, — тихо прошептала, прежде чем пригубить сладкий сок.

— Смеешься? — улыбнулся горный. — И как Ты себе это представляешь?

— Просто. Когда Авер хвастал, что вы с волчьей ценностью в глубь королевства направляетесь, он не говорил о человеке. А потому потеряете предмет и искать его будете по всему городу.

Подумала о том, как бы дело это обставить, и махнула рукой:

— Да, хоть тех же драчунов слегка потрясите, чтоб отдали «утерянное»... Или в краже обвините слуг, которые с принцессами едут. Или вот хозяина постоянного двора, уличите в попытке подмены волчьей ценности...

С его внимательным взглядом столкнулась и замолчала на полуслове, удивленно вскинув бровь. Что ж, он смотрит на меня, как на чудо невиданное? Лишнее сказала или объяснила не все? И вот тут я с опозданием вспомнила, что не с простым человеком говорю, а с кровожадным бесеком. И у горных на полумерах останавливаться не принято, и если поймали кого на краже то обязательно руки кровью омывают, чтоб неповадно было.

И я поспешила пояснить:

— То есть нам скандал устроить нужно, а не побоище.

— Так, чтоб правдоподобно было? — уточнил он, не сводя с меня пристального взгляда.

— Да.

И он неожиданно усмехнулся, хлопнув раскрытой ладонью по столу:

— Страшный ты человек, Ариша, продуманный.

Я пожалала плечами. На моем месте любой бы продуманным был, так что нет в этом ничего удивительного, лишь жаль, что я заранее не предусмотрела всего.

— Так мы договорились?

— Договорились.

Посидев немного в тишине, я с любопытством спросила:

— А Варосу действительно лицо набили?

— Не лицо, а морду, — поправил Увыр с усмешкой, — после бароновой оплеухи увалень трех зубов недосчитался.

— Не видела...

— Конечно, не видела. Он же только в одну сторону лыбу тянет!

Обговорив с ним детали, я со спокойной душой направилась к прислуге иноземной красавицы, которую заметила ранее — леди Таис. Излишняя бледность кожи и хрупкость девичьей фигуры для жительницы Валфсеи была болезненной. К тому же женщины, прислуживающие ей, говорили с едва различимым местным акцентом. Явно родившиеся здесь в Дакартии и уехавшие за мужьями в страну ветров, они и за десятилетия от нашего наречия не избавились. Именно к ним я подошла, и была принята, как родная. Потому что их собственные лекари и врачеватели по неизвестным причинам потерялись в пути.

— Давно потерялись? — спросила я.

— Уже три дня, — улыбнулась мне повариха, пышная брюнетка в идеально сидящем на ней сером платье. Вроде бы и ткань не из дорогих, покрой простой, но носит она его как наряд для вечерних прогулок.

— Сдается мне, они решили вернуть добро графини, — прошептала щуплая женщина с рыбьим взглядом. Старшая горничная, как ее мне представили. — Мы ж ради спасения сбросили сундуки с кареты и успели скрыться от преследователей, пока те разбирались с

добром.

— К чему им сундуки возвращать и со степняками связываться, Гота? — нахмурилась повариха. — Если они сразу в бой не пошли, то и опосля не сунутся.

— Тогда от чего же они сбежать решили? — спросила я недоумевая. — Вашей леди становится хуже день ото дня, где же их преданность и сострадание?

— Ясное дело, — отозвалась она, всплеснув полными руками, — оборотней испугались!

— Ка-ка-ких оборотней?

— Белых, — гордо заявила Гота. — Их варвар должен был самолично нас с отрядом встретить, да вот разминулись.

— Почему?

— Наши умники дорогу решили сократить. Решили, что степняки, от ветров скрываются в центре долины Нариви. Да просчитались. Не успели мы и трети пути преодолеть, племенные тут как тут.

— И все-то ты, Марьяна, знаешь, — перекривила ее слова Гота, накладывая на поднос чай и ароматные булочки для леди. — И про варвара-волчару, и про наивность охранников наших...

— А что мне не знать, если на моей груди плакался сам распорядитель, — хмыкнула брюнетка, чуток выпятив пышную грудь.

— Врешь!

— А ты завидуешь, — молвила женщина и подмигнула мне. — Ступай, за Готой наверх, она тебя представит госпоже и переведет что надо.

— Хорошо.

— А ты, — это она улыбнулась возмущенной горничной, — лучше за своим счастьем смотри, и чужого развезать не пытайся.

Та, прихватив поднос, лишь фыркнула, но отвечать не стала. Следуя за ней к леди Таис, я радовалась тому, что вручить подарок Стафорду, мне удастся намного раньше и незаметнее.

Заседая в тайном кабинете на совещании министров, глава белой стаи с кривой улыбкой на губах, разбирал свою корреспонденцию и краем уха отслеживал ход дискуссий и решений, принимаемых Гаро. Когда Ивен Нильский в десятый раз за месяц поднял вопрос о важности династического брака, барон читал донесения разведчиков. О приближении черных сыновей ночи к небольшому городку на границе долины Нариви сообщили сразу несколько оборотней.

Все-таки решились вылезти из нор и напасть, понял варвар. Задумчиво посмотрев на лучших мыслителей королевства, он задался вопросом. Что же привлекло черных в незаметном городке на окраине королевства?

Он поднял тяжелый взгляд на Нильского и оборвал докладчика на очередном слабом доводе в пользу брака.

— Позвольте, перебью?

Мужчина заторможено кивнул, а Стафорд уже обратился к министрам.

— Господа, скажите, есть ли в городе Танири какие-нибудь склады с королевскими сокровищами. Может быть, места разработки ценных металлов или лица политически важные для королевства?

Все нахмурились, вспоминая, один лишь Нильский побледнел:

— Простите, барон, не могли бы вы повторить название...

— Танири, — произнес он, и в застывшем ожидании волк четко определил двоих, чье дыхание резко изменилось. И пренебрегая правилами приличия варвар, хищно сощурившись и подавшись вперед, любопытствовал: — Ивен Нильский и Дорас Алича, вы хотите что-то мне сказать?

— По правде говоря... — начал помощник министра иностранных дел, но был некстати перебит самим Нильским.

— Не поверите, но ваш вопрос полностью совпадает с целью моей речи. Позвольте досказать?

— Не позволю, — рыкнул варвар, поднимаясь с места. — Коротко и ясно объясните мне, почему в направлении этого города стекается более сотни черных оборотней.

— Ско-ско-ль-ко-о?

— Вы меня слышали, — не без усмешки ответил барон, приближаясь к одновременно вскочившим мужчинам. — Кто или что, там будет или уже есть?

Руки барона опустились на плечи министра иностранных дел и его помощника, и если первый лишь дрогнул, то второй опасно покачнулся. Пришлось обоим усадить обратно в кресла.

Итак?

— Дело в том, что городок этот, это... — начал говорить Нильский, — э-это то место, где будут собраны невесты не успевшие добраться в Черхи.

— Какие невесты? — неодобрительно прищурился Гаро.

— Будущего правителя Дакартии, — отвечая принцу министр, не забыл о тоне наставника даже в страхе.

— Мои? — Гаро неожиданно закричал голосом, кашлянул и потянулся за стаканом спасительной воды.

— Да, ваши.

После его опыта с Валери, к возможным невестам принца, если и тянуло, то лишь слегка. В дипломатических поездках парень сторонился иностранных красавиц, а привилегированных обходил десятой стороной, чтобы никоим образом не попасться в капкан компромата. И даже танцуя на балах и говоря о новой встрече, он сообщал, что будет рад такой удаче в будущем, далеком будущем. А тут...

Переглянувшись с испуганным королевским отпрыском старец, восстановленный в должности министр культуры, с укором спросил:

— Ивен, ты что, всех его невест созвал?

— Саир, я же объяснял причины... — вспыхнул мужчина, сложив руки на груди. Проклятый степняк приготовился к долгой и отчаянной дискуссии на эту тему, но ошибся. На этот раз все обошлось без разглагольствований.

— Интересно... — медленно протянул оборотень, стоящий за спиной Нильского, и от одной лишь вибрации его голоса все присутствующие напряглись. А Стафорд, глядя исключительно на просчитавшегося тактика династических браков, учтиво обратился к остальным министрам: — Господа, не могли бы вы оставить нас на несколько минут. В соседнем кабинете вас ожидает угощение, не стесняйтесь, проведите время с удовольствием.

И члены правительства слаженно поднялись и вышли. Когда двери за ними закрылись с легким щелчком, стойкий духом степняк, мелко задрожал, обращаясь исключительно к принцу:

— Простите Ваше Высочество, но Вы согласились встретить девушек, устроить им прогулки по Адару и...

— Всех? — удивленно переспросил Гаро. — Всех и сразу! Вы смерти моей хотите?

— Да! То есть..., нет! — Нильский зажмурился, собираясь с мыслями и затараторил: — Видите ли, в настоящее время наша внешняя политика не должна выделять одно определенное королевство... Мы были вынуждены пригласить всех.

— На когда? Какая дата указана в ваших приглашениях, Ивен? — прорычал еле сдерживающий себя оборотень.

— Дорас, — мужчина призвал к ответу своего помощника, — напомни...

Аличи прочистив горло, сказал заикаясь:

— На шест-на-а-дцатое ноя-бря этого года.

— Проклятье!

В глазах Белого варвара потемнело и только лишь обещание не калечить нужных людей, не дало ему свернуть голову этому иди... интригану. Стафорд с трудом разжал зубы, произнеся:

— То есть, чтобы добраться в Адар, они уже неделю должны быть в пути. А мы дабы их встретить, уже сегодня должны были бы находиться даже не в Черхи... А в проклятом Танири, чтобы оттуда направиться в три разные стороны.

— Почему? — не понял Ивен, он с удивление обернулся к барону.

— Потому что радушные хозяева обязаны встретить высокопоставленных господ на границе! — от рыка оборотня мужчина вскочил и споткнулся, но сын ночи упасть ему не дал, ухватив одной рукой за грудки, притянул к себе: — Или вы забыли, что у нас до сих пор управы нет на черных?!

— Но белые сильнее... — попытался оправдаться министр.

— Ивен, мы попросту не успеем встретить девушек!

— Но как же...?

И Саир качая головой, пояснил:

— Время, расстояние, непогода плюс противник: видимый и скрытый... Оборотни не успеют прийти им на помощь.

— А волки второго логова белых? — не сдался Нильский.

— Они не успеют к границам нашего королевства, — отрезал барон.

— К-как? Даже если я ошибся в расчетах, то все равно должны успеть. В прошлый раз вы бежали с весом... — вскинул брови единственный степняк, состоящий на службе короля. — И менее чем за ночь, преодолев пещеры близ города Черхи, успели достигнуть герцогства Равии.

Желание оторвать ему голову, нарастало в Белом варваре с каждым новым словом этого, казалось бы, умного, увальня. Неужели он так ничего и не понял?

— С весом или без, мы в тот раз бежали на пределе своих возможностей. Потому что знали, уйдя от преследования, избежим боя. А не нарвемся на него. И поверьте, если мои волки проделают этот же маневр сейчас, то по прибытию их попросту загрызут, как щенков!

Рык барона заставил зазвенеть стекла в тайном кабинете:

— Нильский, и о чем вы думали, составляя план встречи?!

— Я..., я...

— Вероятнее всего, о продолжении королевского рода и закреплении мирного договора, — в кабинет бесшумно вошел Дерек. Оценив напряженность момента, он с улыбкой обратился к варвару: — Опять безумствуешь?

— Нет, — министр иностранных дел тут же был им резко опущен на стул. Барон обернулся к другу: — Что у тебя?

— Письмо, адресованное Вашей Милости, — и он с поклоном протянул маленький листок.

«Ваш талисман спускается с гор», гласило послание от бесеков.

— Из сведений, присланных для меня, ясно, что завтра они посетят городок на границе долины Нариви. — Светлоголовый оборотень намекнул на развернутые письма от Ариши, и это было не лучшее известие. Только кареглазой там не хватало.

— Дай предположу, как он называется... Танири?

— Да, — заискрился довольством Лис, — как ты догадался?

— Потому что везет некоторым... на неприятности.

Барон бесшумно вышел из кабинета, дозволив виноватому министру и принцу самостоятельно разобраться между собой. Оставшись без поддержки, Ивен вряд ли выстоит против королевской упертости, а значит самолично встретит невест и озаботится их досугом. Главное, чтобы девушки доехали, а вот об этом уже подумает сам Стафорд.

Шагающий следом Дерек явно улыбался:

— Кажется, образ несведущего недотепы тебе удался хорошо.

— Да, — отрешенно согласился барон.

— Они и представить себе не могут, как давно ты в курсе сбора оборотней и приезда принцесс.

— Не могут.

— Так... и для кого ты оставил листки с донесениями на столе? Считаешь, что предатель Ивен или... его помощник.

— Второй, — варвар сказал, как выплюнул. — Валери призналась, что у ее горничной

был роман с кем-то из министерства иностранных дел. И поверь молодую милашку, вряд ли привлек бы Нильский.

— Ты не прав, — возмутился Лис, остановившись рядом. — Он может и старый хрыч, но девчонка же, не дура... зачем ей молодой бесперспективный? Ни статуса, ни денег.

— Потому что старый недолговечен и предвзят. А молодой напротив, раскрыт и верит в любовь светлую и чистую... То есть до сих пор верил. — Белый варвар толкнул дверь в свой кабинет и поманил друга за собой. — Осталось проверить, насколько сильно он верил и есть ли у Дораса Аличи связь с посредником.

В этом случае, прочитав донесения, он как верный идиот, постарается отомстить за смерть возлюбленной, повторно предав короля.

— И единственная неучтенная деталь — это Аришка, — Лис помедлил прежде чем произнести: — Стаф, а может ее не узнают, и не тронут...

— И узнают и тронут, — рыкнул барон. — Уповаю на то, что она и горные братцы попросту не успеют спуститься к городку.

Повисло тяжелое молчание, и все больше разъяряясь, глава стаи прошелся по кабинету.

— Хотя, старый Вастар уже должен быть на подступах, а Лерф уже должен страховать его с юга...

— Но... — незамедлительно добавил друг. Он уже угадал следующие слова и действия барона, а потому предусмотрительно отошел подальше от окна и стула, оставленного на середине комнаты.

— Но... Проклятье! Ее же тянет к опасностям. Готов голову дать на отсечение она окажется в эпицентре схватки...

Двинутый варваром стул вылетел в окно и застрял в кроне дерева, растущего в полусотне метров. Точнее там застряла большая его часть, остальное осыпалось вниз, вместе со сломанными ветками. Но композиционное расположение цветной седушки из бархата, барона не удовлетворило, он замахом руки дополнил его кожаным креслом и статуэткой медной лошади, которая повисла на ветке, раскачиваясь.

— Стафорд, с учетом ее везения волноваться не стоит. Ты же отдал Лерфу ленточку с ее запахом, — светлоголовый оборотень не подходил близко и старался говорить медленнее, — он признает в Арише свою лекарку и никого близко не подпустит к ней.

Черный взгляд оборотня горел в бессильной злобе, а сам он с трудом сдерживал рычание.

— Лис, ленточка ничего не значит, пока она с себя рубашку не снимает и не искупается. Она все это время свой запах глушит настойкой ирда...

— Дело дрянь.

— Не то слово, — прошипел барон. — Передай бесекам, чтобы в городок не совались. А если и сунулись, чтобы как можно скорее оттуда ушли.

— Разъяснения относительно... ммм деталей этого приказа давать?

— Не стоит. Во-первых: горные могут пожелать остаться. — И с горьким хмыком: — А когда еще им улыбнется удача заполучить сундуки высокородных девиц? А во-вторых: я не знаю, как поведет себя Хотский, услышав о сотне разъяренных волков.

— Думаешь, они могут малышку бросить?

— Или хуже... Откупиться ею, чтобы остаться в живых.

Композиция предметов на дереве дополнилась тумбой, но швырял ее отнюдь не барон.

— Зря, — заметил варвар с усмешкой, — там был коньяк.

И вслед за его словами по саду разлился пряный запах дорогого алкоголя. Тяжело дышащий Лис резко обернулся и произнес то, на что варвар решился, как только увидел донесение от бесеков:

— К бесам конспирацию и слежку за посредником! Стаф, ты обязан забрать ее оттуда.

— А как же мой подарок и сюрприз? — забавляясь ситуацией и соперечиванием друга, протянул барон. Он, вторя движениям самого Дерека, плавно занял оставшееся кресло и подбросил вверх мягкую подушку.

— Плевать на твой подарок! Забери ее.

— Или... что?

Светлоголовый дернулся, на лице проступила шерсть, измененные полуоборотом руки сжались в кулаки. Он еле-еле подавил желание огрызнуться, прищурился на затихшего, выжидающего барона и резко выдохнул.

— Что, что, ну... — расправил плечи, вскинул подбородок и ухмыльнулся нагло и почти дерзко: — Ни я, ни кто-либо из моей группы, к ней на помощь уже не успеем.

— Слабоваты, — кивнул глава стаи.

— Но ведь там будут и другие волки.

Молодые, смелые, матерые, именно такие оборотни и подчинялись Вастару. Стафорд это знал не хуже Дерека, а потому подушка в его руках покрылась многочисленными разрывами. И Лис, хитрая морда, заметив реакцию на свои слова, сделал значительную паузу, чтобы спросить с едва уловимой издевкой:

— И неужели в толпе перепуганных дурах они не заметят малышку, которая кинется если не спасать, то лечить? — хмыкнул. — Сомневаюсь.

Легкий полупоклон и он неспешно удаляется. И треск рвущейся ткани и облако белых перьев заполнило комнату до того, как светлоголовый оборотень достиг двери.

Голос главы стаи злой и сдавленный прорычал возле его уха:

— Тарона назначь главным по слежке, а сам от Гаро не отходи...

— Да, мой барон, — без тени улыбки откликнулся сын ночи, так и не поняв каким образом, альфа подошел к нему вплотную, а потом исчез, не потревожив ни перышка, опадающего на пол.

По потолку подобрался или по стене? В любом случае, вот это силища!

На работу к красавице из Велфсеи я устроилась очень просто и легко, потому как всего за час вернула госпоже аппетит, а жизнерадостность ей принес старший Хотский, нанявшийся в тот же день охранником. Появление высокого и прямого, как сосна, бесека приободрило ранее болезную девицу и вселило в ее душу страсть к долгим прогулкам. Вот и сейчас она собиралась для выхода на свежий воздух, время от времени бросая взгляды за приоткрытую дверь в коридор, где стояли Увыр и я.

Говорила она на велфсейском, быстро, немного возволновано, и пусть языка ее я не знаю, но по жестам и интонациям понимала прекрасно.

«Подайте мне перчатки! Нет не эти... Да, черные. И муфточку... из песьего меха. Шляпка не нужна».

«Там холодно!»

«Но так не будет видно моей прически» — упрямо ответила богатая наследница.

«Госпожа, — причитала старшая горничная, пряча шляпку в обратно сундук, — выходить небезопасно».

«А я хочу. И со мной... вот он пойдет», и изящный пальчик девицы из Валфсеи указал на удивленного Увыра.

Бесек поначалу поднял брови, а затем нахмурился. Он еще не понял, что стал дичью на чужой охоте, но уже чувствовал себя не в своей тарелке. На что леди Таис не обращала особого внимания, и вот уже третий день подряд требовала сопровождать себя прогулке. На причитания горничной о плохой погоде и слабом здоровье госпожи, она раздраженно фыркала и отвечала, что не намерена содержать ленивую охрану. Пусть хоть так отработывает.

— О чем они говорят? — не вынес неизвестности бесек.

— О прогулке, — я стояла подле Хотского и с улыбкой прислушивалась к сборам миниатюрной и очень капризной госпожи.

— Опять? — проскрипел он зубами. — Опять два часа будет стоять на месте, и тарашиться на склоны? Вспоминать свое детство? Рассказывать о нянюшках и матушке, не выпускавших ее из дома в парк? О брате, которому по шее дать не жалко, и о псе умершем от неповиновения?!

Он даже слова ее вспомнил с точной интонацией:

— Мой верный Ричард залес-с в лис-сюю нору и не пожелал выйти, как я его не с-свала... — прочистив горло, он хмыкнул: — Сдается мне, собака решила издохнуть в лапах зверя, лишь бы не слышать наставлений леди Таис.

Невольно улыбнулась, тихо спросив:

— Ты тоже думаешь, что она делает прямое сравнение тебя и этого пса?

— Что? — остолбенел мужчина. — Так это у нее что, подготовка для новобранца в мужья?

— Скорее в рыцари сердца. Верного, доблестного, упорно идущего к цели. — Я похлопала горного по плечу со словами: — В мужья ей пророчат принца Гаро.

— Жаль... — и плечи его ощутимо опустились.

— Повтори?

Неужели за три прогулки он привык к ее неразумному и непрерывному лепету о родне и прошлой жизни? Не может быть, и в тоже время, какая радость.

— Принца жаль, — совсем другим тоном ответил бесек и увереннее глянул на меня, — его тоже с собакой сравнивать будут.

Улыбнулась:

— Если тебе так надоело слушать чужие рассказы, поведай леди Таис об обычаях твоего рода и племени. Чтоб и у нее было с чем сравнить и о чем пожалеть.

— У нас нормально относятся к женщинам, — отчеканил он, но столкнувшись с моим укоризненным взглядом, он тихо добавил: — а будут еще лучше. Мы идем к этому.

— Вот и расскажи ей о своем племени и планах...

Я отступила от горного, едва ощутила на себе недовольный взгляд наконец-то собравшейся красавицы. И пожелав ему хорошей службы, медленно направилась к своей комнате. И трех шагов сделать не успела, я сзади уже слышится недоверчивый и то же время восхищенный голос иноземки, который тихо вопрошает:

— У вас-с ес-сть с-свое племя?

И мне не стоит оборачиваться, чтобы понять, что девушка уже вцепилась в плечо Увыра двумя руками и не отпустит его. И предлог для этого имеется, вначале крутизна лестницы, а затем уже и скользкость дорожек. Ведь сень принесла холода, и пусть ярко красные листья

все еще перемешаны с насыщенными желтыми, они уже опадают в подмерзлые лужи зыбкой равнины Нариви. До Зимней Тосы осталось лишь несколько недель, явно чувствуется запах снега и приближение холодных хлестких ветров. Севернее наших краев снегом землю уже заметает.

Выудив талмуд некроманта и новую тетрадь для записей, я взялась за повторный штурм чужих знаний с четкой установкой, записать бесценную информацию соответственно разделам и оглавлению. Клинок — реликвию черной стаи разобрала и соединила детали так, чтобы он мою руку тяжелым трехрядным браслетом украшал. Привыкла к нему не сразу, но в скором времени научилась не замечать. Подумаешь, на левой у меня до сих пор хранятся мешочки с ядовитым порошком и особо не отягощают. Правда, я стараюсь не задевать эту руку и не позволять другим хвататься за нее. А нож-заклинателя держу на поясе, том самом, что собран из деталей Гессбойро. Оценила я Кивс заху, уже ни за что не откажусь и по истечении нашего с бароном договора, Стафорду не верну!

Думая об этом, засела за записи, но и трех страниц не проработала над дневником некроманта, как меня отвлекли.

— Аришка... — тихий стук в дверь и Эрхо, заглянул в мою спальню: — Увыр у тебя?

— Нет, он сейчас на прогулке.

— Опять? — светлые брови мужчины иронично изогнулись.

— Да. А что ты хотел? — подошла к нему ближе.

— Тут сообщение для него от барона.

— И что в нем?

Не заметила сама, как схватила руку наемника и требовательно сжала ее. Стафорд мне ничего не присылал, только Дерек. И спасибо Лису благодаря его ответам, я хоть приблизительно знала, что происходит вокруг них в столице. Но последнее письмо от светлоголового оборотня запаздывало, и в душе моей уже затаились неприятные подозрения. Что-то должно случиться, или давно случилось.

— В нем... — бесек накрыл мои пальцы, ободряюще прошептав, — просьба покинуть Танири как можно скорее, а лучше всего в него не заглядывать.

— Просьба? — не поверила я.

— Ну, приказ.

— В жесткой форме? — сделала уточнение.

— Ариш, какая разница? — горный тихо усмехнулся. Облокотился о дверной косяк и ноги скрестил. — Мы отбыли оттуда вместе с вереницей карет трое суток назад. Приказ выполнен.

Да, отбыли, чтобы бесеки полноценно разыграли потерю талисмана. Поэтому я рассказала прислуге о более комфортном жилье в следующем городе Дахим. А распорядителю намекнула, что леди Таис и другим девам может стать плохо от произрастающей близ городка травы. К вечеру в надежде на комфорт, нежные красавицы потребовали у него переезда, и он их здоровья ради был вынужден согласиться. Ведь принц Гаро, да и родители девушек вряд ли будут рады их продолжительной болезни.

Да, вовремя отбыли, но все-таки что-то тут не так.

— Эрхо, я уехала с ними сразу, а вы только через шесть часов...

Оборвал на полуслове:

— Так правильно мы же потерю талисмана разыгрывали.

— Да-да, а скажи, ваша импровизация могла вызвать дополнительный интерес к

талисману или ко мне лично?

Он прищурился и чуть-чуть вздернул подбородок. В темной одежде с множеством застёжек, Эрхо выглядел как страж из книги: далекий, ироничный и насмехающийся. И ответил он, соответственно образу, с заминкой.

— Нет. И поверь, никто не проявит интереса к потере наемников и уж тем более к трупу, — взгляд, направленный на меня был красноречивее каких-либо слов.

— Не поняла. Вы меня...?

— Умертвили, — улыбнулся он, постукивая донесением от барона, по раскрытой ладони, — в лучших традициях бесекского племени,

— А ну-ка войди, — за руку ввела в свою комнату, и указав на кресло приказала: — Садись и рассказывай.

— А что рассказывать? — возмутился он, оставшись на ногах. — Ты хотела правдоподобной потери ценности, мы ее устроили. И надо отметить, сделали именно так, как того требует наш горный нрав. Вначале наши тех драчунов и...

Снова побили, поняла я его заминку.

— ...расспросили, — не моргнув, солгал мужчина. — Затем явились на постоянный двор, где ночевали и... — опять заминка, — осведомились у прислуги не находил ли кто маленькую побрякушку на цепочке. И ты только представь себе, они мигом нашли двадцать кулонов... — кривая усмешка осветила его лицо. — Однако быстрые.

Выходит не просто осведомились, а со скандалом.

— А после мы невзначай заметили, что ты исчезла. Увыр оставил нас сторожить прислугу, и отправился за тобой...

— Зачем сторожить? — не поняла я.

— Ну, мы ж пожалели хозяина и только нос ему сломали. Если бы руку или ногу, можно было бы верить. Ощущая боль от перелома, мало кто солжет. А так... — Эрхо посмотрел в мои перепуганные глаза и быстренько завершил рассказ. — Так, чтоб не калечить, пришлось не верить и оставить нас на стороже.

— А дальше? — попросила, даже не представляя, что он ответит.

— Да просто все! — отмахнулся бесек, — через час Увыр вернулся весь в крови и без царапин. И сбросив клочок волос с куртки, сказал, что у тебя талисмана не оказалось.

В комнате резко потемнело и похолодало, а мое сердце сдавило нешуточной болью.

— В-волосы от-откуда были?

— У одной девахи срезал, пока спала...

Мой вдох оборвался, а в голове забила оупляющая мысль: как срезал? Когда срезал? Куда забрался? Что еще натворил? Бесек, он же и есть бесек, горный, вождь племени... будущий. Что же он с девушкой сотворил?

Видимо, страх мой на лице отразился отчетливо. Эрхо тут же меня за локоток аккуратно взял, в кресло посадил.

— Ариш, он никуда за локоном не ломился... — посмотрел внимательно на меня, в чашу на столике воды плеснул и подал в мои дрожащие руки, — та деваха в его кровати спала, — взял еще одну паузу и добавил для моего успокоения, — и она сама пришла, по своей воле.

— А к-кр-о-овь?

— Заячья. Обратней в Танири не было, так что хватило только ее вида...

— Боже правый. А если бы волки были, у кого бы он кровь взял?

— Не думай об этом, — прошептал мужчина, прикоснувшись к моей руке. — Мы же сыграли естественно и без жертв... — и небольшая оговорка, которую можно было бы не заметить, — почти без.

— Что?

— Ну, заяц только.

— А... — и сижу. Руки уже не подрагивают, но мысли все не успокоятся. Если не мы привлекли в Танири опасность, от которой приказано было уйти, тогда кто?

И вот тут ответ на мой вопрос промчался по коридору, рассмеялся на улице, на чистом лорийском начал отчитывать горничную за стеной, поет внизу голосом прерий Рогорда и где-то сейчас тихо слушает Увыра и его планы на будущее. Высокородные девушки из трех государств и стали той самой опасностью. Не прямой угрозы, нет, конечно. Но все они из богатых, знатных семей и без надлежащей охраны, а это лакомый кусок для Гаровских противников.

Страшно предположить и все же, Дерек писал между строк, что утечка сведений идет из верхних слоев, и участники последнего покушения мрут, как мухи, не успев ничего рассказать. Стоит лишь, подобраться и в лапах остается скоротечно умирающий или холодный труп. Вот так свидетели прошлого сговора остаются безмолвны, а участники нового — невидимы.

— Эрхо, — я отложила чашу в сторону, — а как давно вы сообщили барону, что мы спустимся в городок на окраине равнины?

Он быстро просчитал в уме и ответил:

— Шесть дней назад.

— Получается, сокол летел три дня туда и три обратно... А распорядитель еще раньше писал во дворец о скором сборе невест в Танири.

И невесты в своих каретах едут навстречу белым оборотням, которые до сих пор опаздывают. Опаздывают ли? А может, их попросту не предупредили или сообщили о визите с опозданием? Уж лучше, если так, а не иначе...

Я подалась вперед и попросила испуганным шепотом:

— Немедленно найди Увыра!

Не прошло и десяти минут, а я уже сбивчиво рассказывала бесекам о том, что угрожает нам и невестам принца. Старалась не сгущать краски, но настаивала на срочном отъезде и использовании тайных проходов их племени. Сами же недавно хвастали, что в этой округе горные наемники прославили себя появлением из неоткуда и исчезновением в никуда.

Авер, слушая меня, зло сощурился и презрительно прохрипел:

— Ты что, хочешь, чтобы мы им свои секреты раскрыли?

— Чтобы спасли.

— А что с ними станется? — возмутился он. — Волки стражу перебьют, девок попортят.

Я не успела возмутиться, как Увыр грохнул кулаком о стол, так что карта в рулон свернулась.

— Женщин... — оборвал он тихо, но жестко. — Высокородных девушек, леди, но не девок.

Не вняв предупреждения, Авер покосился на будущего вождя племени, как на умалишенного:

— То есть, ты не против того, что с ними волки позабавятся... — скривился, наклонив

голову набок, протянул с издевательством, — с высокородными?

Как Хотсткий выхватил нож и вскочил, вздернув соплеменника за горло, я не заметила, лишь приглушенно вскрикнула, когда по коже горного потекли темные капли крови.

— Увыр, пусти его... пусти! — прошептала, чуть дыша, и обернулась к Эрхо за поддержкой. Он мой гневный взгляд понял не сразу и нехотя вступался.

— Действительно братец, — усмехнулся младший, откидываясь на стуле. — Его ж потом хоронить три часа, соответственно нашим законам, а времени и так в обрез. Решить надо, как выводить будем этих дево... гхम्म, девушек.

Станный аргумент, против скорой расправы, но при этом действенный. Хотский глухо чертыхнувшись, сел, но окровавленное оружие не спрятал и даже не вытер. Оставил на виду, как предостережение.

— Рогвы сур надо-р ко унгва ут, — об изгнании из племени он произнес вскользь, но Авер побледнел на глазах и безвольным кулем упал на стул.

Да, отступников у них хоронить не принято, за нарушение законов их выставляют распятыми на обозрение и пока тело не истлеет, семья бесека покрыта позором.

— Увыр, крайние меры здесь не нужны, — заявила я тихо. Ободряюще улыбнулась бледному горному, и передала ему платок, пропитанный моей настойкой. — Он прав в своем желании сохранить тайные дорожки. И в то же время ошибается...

— В чем? — сухо поинтересовался младший из братьев.

— Девушек вряд ли оставят в...

— Их убьют, — понял мой обреченный взгляд Увыр.

— Да, потому что это лучший способ завязать войну Дакартии с тремя государствами сразу, — пояснила я, прекрасно представляя себе, что в ослабленном государстве переворот произойдет быстрее. — И белые запаздывают неспроста. Вполне возможно, они уже столкнулись с черными в Танири... и победители..., - я так и не смогла сказать, что волков барона убили, произнесла иначе: — И черные направляются сейчас сюда в Даким.

Эрхо недоверчиво рассмеялся и решил наполнить вином наши чаши:

— Ариш, даже если так... если они и столкнулись, нам уходить не нужно. Один белый легко справится с тремя черными.

— А с двадцатью? — глухо спросила я. Все же в памяти еще остались воспоминания об огромной стае оборотней, которая ринулась вслед за принцем и дипломатической делегацией, скрывшейся в пещерах Черхи. — Представь, что черные в курсе не только расположения высокородных девиц, но и количества охраны направленной к ним. Что тогда?

Я обвела взглядом горных братьев, подмечая нахмуренные лбы, поджатые губы и желваки дергающиеся на скулах. Кувшин застыл в воздухе, и так и не проронивший ни капли душистого напитка, был отставлен бесеком в сторону, а чаши переложены на другой стол.

Эрхо прочистил горло:

— В таком случае, предлагаю тропу Слепца, — он придвинул карту ближе к себе и пальцем прочертил контур. — Что скажете?

— С каретами мы там не проедем, — прервал свое молчание Авер.

— Но без них добраться не успеем, — произнесла я торопливо и пояснила. — Слишком много людей и поклажи.

Увыр поднялся с места:

— В таком случае, будет лучше всего, если мы прислугу и охрану оставим здесь, а

девушек уведем.

Хорошее предложение, но жесткое по отношению к людям.

— Давайте иначе, — я взяла перо и на чистом листе прочертила несколько линий, в том числе и контур, отображенный Эрхо. — Уезжаем все. Прислуга отправится на каретах в Черхи, а мы с девушками сойдем у тайной тропы.

— Запах, — фыркнул Авер. — Будет много запаха... найдут, это же оборотни волки.

— Не будет. Я знаю, как его скрыть.

Мы не успели...

И дело не в том, что бесекам пришлось объяснять важность отъезда кулаками, а мне отпавать взвинченных и перепуганных девушек, дело было в распорядителе. После двух оплеух он согласился отбыть из Дакима со всеми, уверенно решив, что высокородных красавиц он не имеет права бросить без соответствующей стражи. На самом же деле мужчина собрал охрану и предложил изъять карту у зарвавшихся горных, чтобы самолично провести девушек по тайной тропе. Поэтому мы потеряли минуту на скандал, десять минут на драку и еще пять на размещение избитой охраны и бессознательного распорядителя в салонах карет. То есть на их привязывание к сидениям, чтобы желание геройствовать притупилось.

Когда мы начали подъем меж скал, уже стемнело, поднялся холодный ветер, на небе появились первые звезды, а вдалеке послышался затихающий вой.

— Оборотни! — Увыр грязно выругался на родном наречии и, бросив факел на землю, затоптал его. — Авер, Эрхо тушите факелы.

— А может вс-се же белые? — тихо предположила леди Таис. В крошечной тьме она уже не боялась повести себя не как леди, и повисла на руке мужчины, уверенно полагая — Хотский выведет.

— Вряд ли, — ответил он тихо и позвал меня. — Ариш, как хорошо ты нас спрятала от волчьего нюха?

— Полностью.

— Это радует, — бесек улыбнулся, — а теперь все присели и затаили дыхание.

Его приказ мужчины передали высокородным девушкам и все мы слаженно оказались на камнях. Сам Увыр помог сесть вельфсейской красавице на пологий камень и переместился ближе к острым скалам, скрывающим нас от дороги. И зачем?

Я последовала за ним и стала рядом.

— Уводите де... — договорить я не успела.

— Тихо! — Хотский сжал меня в объятиях и закрыл ладонью рот.

Тени черные, стремительные, устрашающе огромные приблизились к развилке, где мы сошли с карет, а потом еще заметали следы своего присутствия. Ведущий оборотень припал к земле, потянул носом воздух и, громко зарывав, завыл, отдавая приказ остальным. И стоя в несколько сотен сыновей ночи, не проронив и звука, понеслась дальше по дороге.

Боже! Они нагонят кареты через минуту, а может быть и две. Из-за испуга люди не сразу скажут, куда направились Гаровы невесты. Но и этого будет достаточно, для удачных поисков. Выходит, у нас от силы десять минут, на то чтобы преодолеть последнюю сотню метров до тайной тропы.

Прикинув все за и против, я отняла мужскую руку ото рта и прошептала:

— Нужно уходить!

В тусклом свете неба, еле-еле заметила, как он мотает головой. Не понимая Увырова упрямства, хотела сказать, что бояться нечего, как вновь оказалась с закрытым ртом. Он прижал меня к себе и, обхватив рукой под грудью, аккуратно поднял вверх.

Боже правый. Стоя вплотную к скале, я не видела еще пятерых оборотней, что застыли перед вожаком все там же, на развилке. Принюхиваются и не уходят. Чего они ждут? Неужели знака, подтверждения, что в каретах девушек нет. Или мы вовсе не скрыли следов от их глаза и нюха?

Судорожно выдохнула, и будущий вождь племени отпустил меня, погладил по волосам и подал бесекам какой-то знак.

Как наяву увидела, что они сейчас рискнут пойти против волков и попытаются увести оборотней подальше от нас. Но разве для шестерых сыновей ночи, трое бесеков помеха? Будь количественное преимущество на стороне людей еще можно было бы надеяться на чудо, а так... Их убьют и развлекутся, наблюдая за жизнью, ускользающей из горных вместе с кровью. Нож-заклинателя и мои мешочки с ядом, тоже не помогут. Всего лишь один ничтожный звук... рык охотника, вой победителя или скулеж раненного, и стая вернется за нами. Действовать нужно тихо. А потому я прошла мимо Эрхо и Авера, обнажающих оружие и Увыра, крепко обнимающего леди Таис, тихо приказав:

— Уходите все, немедленно.

Всего три шага успела сделать и старший Хотский, схватил меня за руку:

— С ума сошла? — прошипел он.

— Нет, у меня есть, чем спугнуть черных.

Увыр, привыкший все держать в своих руках, за шиворот потянул меня обратно:

— Дурой не будь, вдруг там не все черные, и...

но увидев, как я из браслета на ощупь собираю клинок, осекся на полуслове. Черное лезвие волчьей реликвии зазвенело, рассекая воздух, красные камни на эфесе кровожадно заискрились.

— Вот сейчас и проверю все или не все черные, — я выскользнула из его онемевших от удивления рук и приказала: — Уведете девушек к тропе и вернетесь за мной. Ясно?

Кивнул, мол ясно, но не послушался. Отдав приказ своим людям, пошел следом за мной еще и факел зажег, потому что, сияния клинка для освещения было недостаточно. Слыша шорох камней под его ногами, я и сама постепенно начала успокаиваться. Дрожь в моих руках отступила, и холод сковывающий до этого, вдруг сменился на жар.

Все получится, получится! Должно получиться.

Пусть я не читала ритуал вызова снова, но помню каждое проклятое слово подчинения. Жестокосердные Властители Тардема подавляли оборотней всецело, всего лишь закрепив за неповиновением боль, что приходит с выжиганием ипостаси. Они воспользовались диким страхом двуликих и приговорили их к безмолвному рабству и поклонению. Отец предполагал, что на оборотней попросту накинули ошейники, но я видела схемы некроманта и отображенную на них плотную магическую сеть, и обращенные вовнутрь острые шипы, что до основания входят в волчью шкуру.

Теперь понятно, откуда на молчаливых берутся рваные борозды шрамов, их создает вырываемая из шкуры сеть. Да, такой попытке противиться смогут лишь сильнейшие из сыновей ночи, и то с трудом. Это давало надежду на наше спасение, и я всего на мгновение воспряла духом.

Приближения волков я не увидела, наивно полагая, что они нас дождутся внизу.

Ошиблась. Увыр коснулся плеча в попытке остановить, а я неотрывно взирая на красный камень клинка, спустилась ниже. Очнулась, лишь когда оказалась стоящей нос к носу с огромным черным сыном ночи в полуобороте. От ужаса вздрогнула, но отойти не захотела.

— Вот это забава... — рыкнул он, обдав горячим дыханием. — Заблудилась, крошка?

Улыбнулась, ведь дорогу мне перекрыл вожак, и ответила в рифму:

— Есть немножко.

Краем глаз заметила тень за скальным хребтом, различила шорох, скрипящих под когтями камней. Двое окружают, двое других только что от главного получили приказ: проверить округу. И это плохо. Черные поговорить не захотят и время оттянуть не позволят, догадливые слишком. К тому же желтые глаза главного оборотня с недоверчивым прищуром смотрят на мои руки, и глухое рычание раздается в сумраке наступившей ночи. Ощущая потоки силы, исходящие от клинка, он признал реликвию, поморщился и протянул руку ко мне.

— Опасная игрушка.

— Только для тебя опасная...

Медлить более нельзя, поняла я и нажала на камень, венчающий эфес. Выскользнувший из рукояти шип, окропил клинок моей кровью, и всего мгновение он полыхнул не хуже десяти факелов, озаряя багряным светом все вокруг. И мир словно бы замедлиться: пространство застыло, движения кажутся неторопливыми, слова тягучими, время неспешным.

Вожак черной стаи был молод, истинного Тардема не видел никогда, но гласу памяти предков противиться не посмел. Он склонился передо мной, произнеся сквозь зубы:

— Слушаю, госпожа.

Усмехнулась. Он-то слушает, а сзади меня раздается ужасающий треск ткани, мужской сдавленный хрип, сквозь стон и редкое бесекское ругательство. С перепуга я выкрикнула, оставшимся здесь волкам:

— Замрите!

На несколько мгновений вокруг наступила мертвая тишина, оглушающая и тяжелая. Еле дыша, я вслушивалась в ночь и не могла различить человеческого дыхания. Увыр... Хоть бы он был жив. Боже, прошу тебя, пожалуйста! И в ответ на мои моления в напряженной тишине раздалось:

— Ч-то эт-то было?!

Ошеломленный глухой выдох бесека стал подтверждением его жизни. Я медленно распрямила окаменевшие от страха плечи и заставила себя дышать. Если он отвечает, значит убить не успели. Но как же страшно оборачиваться назад. А потому я настороженно спросила:

— Увыр, ты жив?

— Кажется, да, — прохрипел он в ответ.

Оглянулась и вскрикнула. Его вздернули за шею, отобрали факел и оружие, разбили губу и... И волки застыли в движении, где один удерживает бесека на весу, а второй вспарывает грудную клетку мужчины. Отсюда и звук... К горлу тут же подступила тошнота. Не знаю, как сам наемник, но я от одного лишь этого вида была готова Богу душу отдать.

Приказав волкам его отпустить, постаралась не сипеть слезливо:

— Аккуратно принесите пленника мне и станьте рядом с вожаком, — и чуть громче потребовала тоже самое от убежавшей по заданию троицы.

Кусая губы и стараясь не разреветься, осмотрела старшего Хотского и выудила из своей сумки несколько настоек и баночку с мазью. А слезы все не отступают и руки трясутся, потому что... опоздай я всего на мгновение, задержись с приказом, его бы убили. Изверги. Паршивцы жестокие. Безжалостные звери. Мы не оказывали сопротивления, но они заранее решили нанести удар. Сволочи!

А через минуту я была готова кричать в голос матом и реветь навзрыд одновременно. Та троица, что убежала проверить округу, вернулась не с пустыми «руками». Они приволокли, окровавленных Авера и Эрхо, зажав их в пастях, а поравнявшись со мной, попросту сплюнули добычу...

Свет вокруг и так был красным, но теперь алое марево заволочло глаза. Мои горные братья не шевелились и, кажется, не дышали. Даже дыхания не слышалось, не то что стоны. Подползла к ним на коленях, аккуратно перевернула Авера и от увиденного не сдержала обуревавшей меня злости:

— Безжалостные бестолочи...

А в ответ усмешка:

— Еще какие, госпожа. Это же бeseки! Оставлять их живыми непозволительная глупость, — хмыкнул вожак группы и остальные волки поддержали его глумливым, рычащим смехом.

— Заткнитесь! — с трудом нащупала сердцебиение и судорожно выдохнула: — Живы. Просто в бессознательном состоянии.

И Увыр, осмотрев собратьев, обрадовал меня и сам вздохнул свободно:

— И пусть потрепаны, но целы. Правда, очнутся не скоро.

— Ошибаешься, — я протянула ему маленькую баночку, — дай им подышать.

А сама поднялась медленно и, подняв высоко голову и расправив плече, отступила к смолкнувшим оборотням. Настороженные, ждут подвоха, ждут мести. Зря, я не они, убивать не буду.

— Ты, — указала на вожака и отдала приказ, — отзови стаю.

— Когда будет угодно, госпоже?

— Немедленно.

Оскалился, но голову поднял и завыл. В ответ издали послышался ответный вой. Возвращаются, проклятые.

— Они кого-нибудь убили?

Вопрос дался мне с трудом, руки дрожат, по спине скользит холод. Оборотень ответил с заминкой:

— Н-нет. Там не с кем было биться, охрана оказалась связанной.

— Хорошо, — обернулась к очнувшимся бeseкам и позволила себе улыбку.

Едва горные открыли глаза и увидели черных, они подскочили и раненного Увыра резко подняли на ноги. Живы, идти смогут, поняла я и, отдала последний приказ волкам:

— Вернете стаю в леса оборотней... и забудете об этой встрече. Двух дней хватит на легкую прогулку домой.

Оборотни вжали головы в плечи, с ненавистью глядя на меня. А Хотский старший тихо поинтересовался:

— Уверена, что они успеют? Путь не близкий.

— Пусть считают это наказанием за самонадеянность.

В этот момент в зоне видимости на дороге появились первые тени оборотней,

отозванных назад. Сразу стало понятно, пора отпустить и этих:

— Исполняйте, — приказала я.

Клинок погас, и волки беззвучно скрылись за скалами.

Затаив дыхание я и горные мои братья, ждали результата... И с тревогой услышали недовольный фырк оборотней на жесткий приказ вожака. Они повинуются. Должны, потому что я приказ о возврате дала не одному, а шестерым ведущим волкам. Они должны отстоять это решение, должны... Но секунда ползет за секундой, и жар злости отступает перед холодом неуверенности и страха. Неужели я допустила ошибку, и черные посмеют ослушаться? Riskнут шкурами ради неповиновения или найдут лазейку в моих словах? Боже правый, только не это! А ведь я клинок уже разобрала и, скрепив его по новой браслетом надела на руку.

Не знаю, как Увыр ощутил мою панику, но он вдруг оказался рядом, приобнял. С другой стороны подошел Эрхо, чтобы аккуратно взять мою ладошку, а стоящий сзади Авер легонько погладил мое плечо. И каждый своим прикосновением, словно бы говорил: «Что бы ни случилось, мы рядом с тобой. Справимся». И страх отступил, а вместе с ним и стая оборотней, огромная и беспощадная. Волки не скоро скрылись, черными тенями проносясь по дороге, но стоило последним теням раствориться в ночной мгле, все мы облегченно выдохнули.

Жаль, нет времени на передышку, иначе бы я тут так и стояла, наслаждаясь тревожащим душу ветром свободы. Обернувшись к бесекам спросила:

— Где девушки?

И пусть сияния звезд, было не достаточно для того чтобы видеть выражения их лиц, я точно знаю они улыбаются, кривовато, но все же.

— Мы успели их направить к тропе, — одновременно ответили Эрхо и Авер.

— Думаю, ушли не далеко, и мы вскоре их нагоним.

— Да, — неуверенно ответил Увыр, поворачивая голову так, словно бы к чему-то прислушивается.

А вокруг ночь угольно черная, осенняя и от того тихая. Сверчки молчат, птицы не поют темной красавице балладу и только ветер колышет высокие сухие травы, проросшие среди скал. Шорох камней и тихий едва уловимый скрежет, меня не насторожил, зато бесеков заставил напрячься. Закрыв меня спинами, они стали по кругу, вооружившись от нападения еще невидимого врага, кто чем: потухшим факелом, ножом Увыра и камнем.

— Что происходит?

— Нас окружили, — шепнул Эрхо.

И Авер тихо добавил:

— Боюсь, от этой стаи у тебя нет яркой красной свечи.

Хорошо, что он так понял сияние волчьей реликвии, было последней моей мыслью, а дальше темень...

Стук в двери прервал зыбкий сон варвара. Стафорд с трудом открыл глаза и оторвал голову от ковра. Уснул одетым на полу в небольшом пространстве между кроватью и осыпавшимся в щелки сундуком, а потому правая рука онемела, шея налилась свинцом и головы теперь не повернуть нормально, тянет. Да и не особо хотелось поворачивать, даже интересоваться, кто явился в его покои, не хотелось совсем.

— Барон вы здесь? — неуверенно спросил молодой Сивро, младший сын Вастара едва достигший тринадцати лет. Он толкнул незапертую дверь и та противно закрипела, открывшись лишь наполовину. Увидев разгром, волчонок неуверенно остановился на пороге, боясь войти и уйти одновременно. — Мо-о-ожет это не его покои? — тихо спросил он у кого-то еще.

— Его, — послышалось раздраженное в ответ.

— Но я не вижу Стафорда.

— Отец сказал пятая дверь от лестницы. Барона только здесь и размещают. — Ответил второй сын Вастара, Эвен и предложил посторониться. — Дай сам гляну.

Дверь распахнулась шире, и молодой оборотень уверенно вошел в покои, чтобы застыть, едва потянув носом.

— Хм... барон здесь, а помимо него еще и Телия, Ливи и... Леди Ресси? — сделал маленький шагок, чтобы убедиться в верности предположения. Хмыкнул, едко заметив: — Точно она. — Судя по звуку, поскреб макушку, пробормотав: — Неожиданно как-то..., чтоб и она...

— Кто-кто там? — не поверил младший, подходя ближе. — Что, и наша Ледышка к нему подалась?

— Тихо ты! — старший схватил братца за шкуру и вытолкнул его в коридор. — Пасть закрой и ступай вниз.

— Но...

— Я передам что надо, — и, не слушая обиженных возмущений, дверь прикрыл. Постоял несколько мгновений в тишине, и, не давая уснуть барону, позвал: — Ваша милость, Стафорд Серый, вы здесь?

Сомнение и уважение в одном флаконе, давно он не слышал подобных интонаций. Даже приятно стало. Хотя чему удивляться, сын ночи видел сейчас, почти то же самое, что и барон два часа назад: огромную кровать, просевшую на ножках, и трех полуобнаженных волчиц на ней. Правда, есть отличия: ранее комната не была разгромлена, а оборотницы пребывали в сознании. Это сейчас они спят и не пытаются втянуть гостя в развратную игру на четверых. Забаву, в которой ни словом, ни рыком остановить красоток невозможно. Где даже грубое сопротивление воспринимается, как пьяный лепет и сумасбродство, которые легко заглушить поцелуями и ласками в три руки.

Мальчишке повезло, а уставшему барону — нет. Но не на того напали, вожаки просто так не сдаются. И если сказано: «отстаньте», значит — оставьте в покое, а не — заставьте меня передумать. Вспомнив о наглых, когтистых ручках умелых волчиц, глава белой стаи раздраженно фыркнул и махнул рукой, обозначая свое местоположение.

— Да... здесь я, здесь.

— Простите, что потревожил, — растеряно произнес молодой оборотень, узрев

местоположение главы, — но вас просят в общий зал...

— Не пойду, — рыкнул волк глухо и подтянул к себе подушку, упавшую с кровати.

Пить с сыновьями ночи за здоровье спасшихся иноземных красавиц, Стафорд уже не мог даже через силу, да и последние трое суток были не из легких...

Вначале он без продыху мчался в сторону маленького городка Танири, мечтая лишь об одном — успеть. Успеть защитить кареглазку от новых потрясений, спрятать за крепостными стенами и уберечь... Для чего беречь, сам еще не понял, но хотел, чтобы хранительница реликвий была жива и невредима. И вот в первый день его настигает сокол и сообщение от Лерфа о том, что в Танири нет никого из искомым, а черные скрылись в направлении города Даким. Затем прилетела весточка от Дерека, который с радостью пишет, что все невесты Гаро проживают в бесовом Дакиме и намерены задержаться в нем до прибытия белых. Видите ли, там комфортнее в разы.

Рыча про себя, он посылает приказ своим волкам, мчаться ко второму городку и быть готовыми к кровопролитной битве. А сам, проклиная все на свете, свернул к крепости Тардош. Ведь, если спуститься по левому рукаву подземной реки, можно выйти к тайной тропе бесков и, преодолев путь под скалами оказаться всего лишь в двадцатке километров от города гостеприимно принявшего высокородных особ.

Он ворвался во владения Вастара к полудню и, не успев дать команду к сборам, получил с соколом новое письмо. На этот раз от Увыра Хотского: «Нашли в степи драгоценности иных земель, освободив их от тряпья, намерены этой ночью доставить клад в малую шкатулку». И дата — первое ноября. Сегодня.

Стафорд впервые смог, присесть и перевести дух.

Да, назвать идиотами новообретенных братцев Аришки уже не получалось. Сами ли догадались или кареглазая подсказала уже не важно. Главное, голова на плечах у наемников есть. И исходя из сообщения, они от прислуги и барахла избавятся, чтобы налегке провести высокородных девиц той самой тайной тропой. И если они утром из Дакима выехали, и кареты послали далее по намеченному для невест пути, то как раз к ночи из пещер должны выйти. Хорошо бы, чтоб добрались без проблем и без преследователей. Потому что встретить горных со всеми драгоценностями очень хочется, а биться с черными — нет.

Он направил последнее распоряжение Лерфу и Вастару, собрал отряд и выступил навстречу девицам по левому рукаву подземной реки, что ведет к началу тайной тропы бесков. И каково же было его удивление, когда барон нашел в пещерных глубинах лишь двадцать перепуганных Гаровых невест. Девицы, заметив гостей, с камней подскочили и сбились в кучку.

— Где остальные? — прохрипел глава белой стаи, явственно ощущая страх, еле сдерживаемые слезы и чью-то воинственную злость. Ему не пришлось долго гадать, кто тут храбрится, подавляя испуг, она самостоятельно вышла навстречу и гордо расправила плечи.

— Вначале представьтесь, — потребовала чернявая из Валфсеи.

— Я Стафорд Серый глава белой стаи оборотней.

Направляя на него бесекский кинжал из тонкой стали, она заявила:

— И покажите с-свой оборот!

— В другой раз похвастаюсь шкурой.

— Нет, с-сейчас-с...

Надо же настаивает и не боится, но зря тратить свои силы он не намерен.

— Ясно: живы, здоровы и напористости не поубавилось, — прокомментировал он, приближаясь к ней вплотную. Легко ушел от двух колющих ударов, улыбнулся и забрал кинжал из дрожащих рук: — И с бесеками знакомы не понаслышке.

Дочь знатного рода нахмурилась, но не отступила:

— Чего вы хотите?

— Узнать, куда запропастился Увыр Хотский?

— Он отс-стал, — прошептала она, — потом и двое других отс-стали, чтобы... — высокородная плаксиво скривилась, хоть и пыталась отчаянно сдержаться. — Чтобы спугнуть черных.

— А девушка? — глухо зарычал оборотень и его руки против воли увеличились и покрылись белой шерстью. — С ними была девушка, кареглазая шатенка Ариша, где она?

— Мо-я ле-лекарка ос-сталась там...

Волна еле сдерживаемой злости, накрыла Стафорда с головой, полуоборот произошел мгновенно, зверь исступленно рвался на волю, желая только одного — убивать. Рвать на куски, давить и душить ничтожных горных и волков, посмеявших подвергнуть опасности кареглазую глупышку.

— Убью! — рык огласил просторы пещеры, многократно отразившись от стен.

Вот теперь и жительница Велфсеи испугалась до дрожи. Глядя на изменения перекроившие тело барона, задышала поверхностно и быстро, отступила на шаг, прикрывая горло руками.

— Как вас зовут? — гроыхнул Стаф голосом.

— Ле-е-еди Ви-и-льма Таис-с, — заикаясь, представилась она.

— Очень приятно, — кивнул глава белой стаи. Стал на все четыре лапы и обратился к старшему сыну Вастара: — Эвен, когда проведете девушек в логово, проследи, чтобы их устроили с комфортом.

— А вы...?

Огромный белый волк уже исчез из вида, а его рычащий ответ все еще бы слышен:

— Вер-р-рнуть.

Он и вернулся через три часа, после того, как основательно поплутал по пещере, а выйдя на поверхность, понял — опоздал. Следы крови рассказали о том, что черные уже потрепали бесеков, но, к сожалению, не убили. Было бы на пару-тройку наемников меньше, да и повод порвать не один десяток клыкастых наглецов. Но оборотни ушли, оставив раненных белым, а те не побрезговали горной болячкой и забрали их с собой.

Одно настораживает, коротким путем по пещерам они не пошли. То ли Увыр не смог или не пожелал тайну раскрывать, то ли ему рта раскрыть не дали. А может, решили по пути забрать и кареты невест иноземок? Заодно прислугу сопроводить, чтоб не потерялись на просторах Дакартии с дорогим барахлом за пазухой. Если так, то булые сыновья ночи в логово другим путем вернутся через семь часов, плюс минус время на уговоры строптивых. И стоит ли догонять их, если сил уже нет и любое маломальское столкновение с противником может вогнать в гроб? К тому же кареглазую вряд ли обрадует его немощный вид и злобное рычание о человеческой глупости. Нет, он чувствует, что сейчас с ней все хорошо. Отступила тревога разъедающая душу, и сердце более не сковывает лед.

Вот он и вернулся в логово, точнее доплелся еле-еле по собственным следам. А там столы и пир по случаю спасения иноземных красавиц. И пусть спасенные не ими лично давно уж спят в кроватях, оборотни беспечно пили и рассказывали байки прошлых лет. Уйти

к себе Стаффорду не дали, ни через пять минут, ни через тридцать. Пришлось согласно положению главы отсидеть час за столом, пить не чувствуя хмеля, и есть через силу, чтоб не захмелеть, иначе уснет здесь же.

Знал бы, что в комнате его ожидают волчицы, не рвался бы к постели, и так за столом почти уснул. Но нет, поднялся, пришел. И началось...

— Стальной барон! — стройная брюнетка встретила его у двери. Синие глаза полыхнули жаждой, руки потянулись к его шее.

— Белый варвар... — прошептала рыжая пышногрудая волчица и соскользнула с кровати. Она забрала у заснувшей в кресле шатенки кувшин и чашу ступила ближе, — наш славный и почетный гость.

— Пришел? — очнулась соня и в мгновение ока, растолкав соучастниц, оказалась на его груди. — Наконец-то. Я жаждалась вас, глава белой стаи!

Он покачнулся, но выстоял. Разнял руки местной Ледышки леди Ресси, отвернулся от ищущих губ Телии и забрал кувшин и чашу у Ливи. Отложил посуду в сторону, зло прищурился на свой ночной подарок «триптих». По одной в другое время и под другое настроение еще, куда ни шло. Быть может и согласился бы.

Быть может... Хотя скорее нет.

Но сразу трое?

— Дамы, прошу простить, но с вами спать я не намерен, — и на возмущенные взгляды пояснил, — слишком малая кровать.

И только сейчас увидел, что на кровать наговаривает зря, для четверых там места более чем достаточно. Видимо к этому же выводу пришли и оборотницы, призывно оскалившись в ответ.

— Кто-нибудь да останется в обиде, — глянув на ковер, быстро сориентировался, — так и быть, кровать оставляю за вами, себе беру пол.

Но красотки на его безмерно щедрое предложение не согласились, и вновь потянулись к Стаффорду. Он зарычал. Восприняли, как дозволение, стали липнуть, обвивая руками. И то, что шкаф раскололся под его кулаком, ничуть волчиц не насторожило, наоборот распалило. Дочери ночи с восторгом оценили и разбитое креслом окно, и кровать, от удара просевшую на ножках, даже сундуки, рассыпавшиеся в щепки от его пинка.

— Отстаньте! — почти прорычал барон, вырываясь из наглых ручек.

— Глава, я сделаю все, чтобы вы расслабились... — Телия припала к его губам.

— Я помогу успокоиться! — Ливи схватилась за ремень на штанах.

— А мне вы можете доверить все свои сокровенные желания, — жарко выдохнула, так называемая Ледышка, голой грудью прижавшись к его спине и обвив ногами пояс.

В следующее мгновение его рубашка треснула, штаны поползли вниз, а терпение иссякло. Стаффорд с грозным рыком стряхнул с себя девиц, крутанулся, и собрал их в охапку. Они радостно оскалились своей добычей, а он с коварной улыбкой отправил трио спать легким нажатием на основания изящных шей. Тихо пискнув, красотки обмякли. На самом деле шеи хотелось свернуть, за тупую наглость, глухую любвеобильность и скудоумие. Еще хотелось выставить самонадеянных дурех за дверь. В почти раздетом виде они бы там сказочно смотрелись. Но сил хватило лишь на то, чтобы сгрузить их на кровать, привязать за руки к изголовью, на случай раннего пробуждения, и растянуться на ковре, не раздеваясь. А то, вдруг освободятся раньше времени...

И вот, когда долгожданные тишина и спокойствие наконец-то наступили, его вновь

будят и требуют в общий зал. Проклятье!

— Ваша милость, — Эвен все не уходил. Мялся, стоя посередине комнаты, не зная, куда руки деть: на ноги спящей Ледышки или на столбик кровати.

— Я понимаю, как вы устали... — протяжно произнес молодой оборотень, неправильно истолковав искусную вязь веревок на руках оборотниц, — но отец немедленно требует вас.

— Вастар уже вернулся? — Стафорд поднялся на локтях, а затем медленно сел, согнув ноги в коленях.

— Да.

— И Лерф с ним? — оборотень аккуратно повернул голову вначале вправо, затем влево. Неприятное покалывание прошлошь вдоль позвоночника, но он терпеливо повторил движения и «свинец» сковывающий шею, почти отступил. Осталась тягучая боль, а впрочем, к ней он вскоре привыкнет.

— Да, — парень все же решился погладить стройные ножки приглянувшейся волчицы, пока барон не видел. Видеть не видел, но по звуку догадался. — И задержавшийся отряд молчаливого так же... собственно из-за него вас и вызывают. — Уже куда веселее, даже счастливее сообщил сын ночи.

— Что они натворили?

— Пока еще ничего, — ухмыльнулся молодой, глядя на ничем неприкрытую грудь леди Тесси.

— В смысле? — требовательный голос барона оторвал его от созерцания красот, а пристальный взгляд не позволил до них дотянуться.

— Пока ничего, но очень хотят свернуть шеи трем бесекам.

Белый варвар вскочил так, словно бы и не он только что перепроверял подвижность собственной шеи. Резко, мгновенно, легко.

— Кому? — прорычал он глухо.

— Горным, — охотно пояснил Эвен. — По словам Лерфа эти мрази потеряли ваш талисман и прирезали девчонку, которая приехала с ними в Танири... А потом еще увели с собой и лекарку леди Таис ...

Последнее он уже не слышал, пролетел по коридору, срывая факелы со стен, сдвигая тяжеловесную мебель и гобелены, какими волчица Вастара привыкла украшать свое жилище. Не оборачиваясь на звуки лопающегося стекла и дребезжание щитов на стенах, он ворвался в общий зал.

Собравшиеся здесь оборотни повернули головы в его сторону и наострили уши. Дверь за Стафордом громынула, сын ночи ошетинился:

— Бесеков мне, живо!

— А вот и наш дорогой Стальной барон Белый варвар. Рад приветствовать вас, Ваша Милость. — Чуть ли не пропел Вастар и, побряхывая, поднялся ему навстречу.

Вслед за вожакom с пола, кресел и лавок встали остальные оборотни, окровавленные, уставшие, раненные. Все они участвовали в облаве на черных и, судя по спокойствию окружавшему оборотней, вернулись тоже все. Без потерь.

Удивительно, но на этом он позже заострит внимание. Сейчас важно другое.

— Рад без меры, — сорвав с плеча, зацепившийся гобелен барон отпихнул его ногой к стене. — Где они? Куда вы запихнули горных и почему я не чувствую их сейчас?

— Они в нижних камерах подвалов, под хорошей защитой...

— Под защитой?! — глухой рык главы белой стаи заставил содрогнуться всех присутствующих и отрезветь тех, кто лишь недавно отошел от стола. Насторожились, притихли, подавляемые гневом альфы. Вастар давненько не позволял себе подобных вспышек, а барон срывался столь редко, но так отчаянно, что попасть под горячую руку оборотня не хотелось никому.

— Видите ли...! — начал говорить старый волк, но отметив реакцию братьев, прыснул в кулак и от каркающего смеха закашлялся. Успокоив дыхание, он указал на дверь справа: — Думаю, волкам стоит отдохнуть без вожakov.

Никто спорить с ним не стал. Оборотни медленно развернулись и вышли из общей, оставив разъяренного варвара наедине с Вастаром.

Ощущая помимо запаха крови, тягучую патоку сивухи, крепкое вино и сладкий сидр, Стафорд брезгливо скривился:

— Не успели раны залечить, нажрались!

— Это от счастья. От того что живы стались...

— И что могло их так напугать? Ночь?

— Четыре сотни черных, вместо одной.

Барон устало опустился на скамью и недоверчиво прищурился, а старый волк опять закашлялся, прикрывая рот рукой:

— Знаю-знаю, звучит неправдоподобно. Я и сам не верил, пока их со своим отрядом не повстречал. Со мной пятьдесят, с Лерфом сотня, а их четыре...

— Но как...?

— Сдается мне, о вашей предусмотрительности в герцогстве Равии знали. Представьте только, — он размахнулся руками, прорисовывая в воздухе невидимую карту сражения с черными, и указал на первую точку. — Мы не успели дать бой той сотне, что залегла в Танири, а они уже в Даких сломя голову понеслись. — Вот он отмечает вторую точку и произносит отрешенно: — Словно бы не мы, а они вашу команду получили.

— Перехватили сообщение? — напряженно спросил барон.

— Чего не знаю, того не знаю, Ваша Милость, — старый оборотень потер багровую шею и чуть-чуть ссутулился. — Но мы приказ получили, спешим выполнить... Бежим следом. Под Даких настигаем, берем в окружение, вступаем в схватку...

Замолчал, пустым взглядом смотрит на каменные плиты пола и лишь губы шевелятся.

— И? Что дальше?

— И шерсть дыбом, а кровь стынет, — хрипит волк и тянется за полным кубком, что стоит на столе, — потому что вслед за этой шайкой пришла стая. Молодые все, как на подбор. Пахнут кровью до рези в глазах. Мы сами того не подозревая попали в спланированную засаду. И видит ночь, мало кто оттуда ушел бы на лапах своих, но...

— Это не повод для побега, — жестко ответил барон.

— Не повод... — согласился оборотень и в один поток осушил кубок, — не повод, мы так же решили. И вдруг сквозь пелену боли и крови слышится вой. Призывный, мощный и далекий. Вожак позвал их за собой. — Усмехнулся Вастар и тяжело опустился на скамью подле варвара.

— Представьте только, была стая, был безжалостный противник, и вдруг нет его.

— Ушли?

— Да. Лерф сориентировался быстро, я же отстал. А когда поднялись на пригорок увидели лишь, как черные не видя ни Лерфов отряд, ни моих волков, ни меня самого,

пронеслись мимо, словно тени, не останавливаясь, на пределе всех возможных сил.

На несколько мгновений он замолчал и добавил глуше:

— Помню, что мы так из Тардема убегали...

— А они неслись от дорожной развилки? — уточнил Стафорд.

— Хм..., - Вастар опять потер шею, — они убегали от горных, Ваша Милость. Для начала, скажу, что ваш молчаливый желал наемников разорвать на куски, а те в свою очередь не жалея шкуры кинулись защищать малохольную девицу. — И потирая ноющую грудь, признался: — Поверьте, не будь среди ее вещей вашего Кивс-заха ни ее, ни горных в живых не было бы...

— Это еще почему?

— Девчонка последовательница некроманта, — старый волк поднял из груди тряпья потертую дорожную сумку и, развязав горловину, вытряхнул на стол ее содержимое, а сверху добавил ремень с деталями Гессбойро, нож-заклинателя и металлический браслет точь-в-точь такой же, какой женщины Черхи носят на запястьях.

— Судите сами...

Сон был страшен.

Черная мгла, холодная как надгробный камень и такая же твердая, сковала меня с ног до головы. Сменяя плотные оттенки черного до пепельно-серого, тьма раскрыла предо мной просторы подземного грота, по большей части затопленного водой. Детально прорисовала движение воды и трон из камня, возвышающийся на россыпи белесых костей, которые когда-то принадлежали людям. Неподвижная я стояла на коленях перед черепами и не смела, отвести взгляда от того, кто восседал вверху, на троне. Укрытый в рваную мантию он подпирал голову левой рукой и задумчиво тарабанил по подлокотнику иссохшими пальцами правой. В нем чувствовалась сила, уверенность в своем величии и непоколебимая правота, несомненно, передо мной правитель, наделенный высшей властью. Лицо хозяина грота скрывал капюшон, ноги прятали сапоги, но глядя на пальцы, униженные тяжелыми перстнями, я могла поклясться, что он давно не живой.

«Ну... — протянул мертвец глумливо, — значит, это ты, ничтожный человечиска, посмел активировать мой клинок?»

Дернулась, чтобы вскочить и чуть в голос не застонала от боли. Его клинок...! Не может быть. Неужели это и есть тот самый некромант, дневник которого мне доверил барон? Но как я оказалась тут, почему?

Мое замешательство, он воспринял, как отпор, сжал руку в кулак, и тьма, повинувшись приказу, подтащила меня ближе к костяной насыпи.

«Отвечай, тварь!»

«Я...»

«Зачем?» — он махнул рукой, и призрачные оковы сжали меня сильнее.

«Для защиты! Там... волки хотели нас растерзать. И... я просто вернула их домой, — и почти задыхаясь, прошептала: — Прошу вас, распусстите тьму!»

Он не спешил исполнить просьбу, прислушивался к моим сдавленным хрипам, словно бы размышляя согласиться или нет.

«Странный у тебя голос, — заметил мертвец, прикоснувшись пальцами к острому подбородку. И продолжил рассуждения вслух, сам с собой разговаривая: — Слишком нежный для молодца. Ты, что кастрат?»

«Нет».

«Может, молод слишком? — спросил сам у себя задумчиво и, лениво закинув ногу на ногу, поинтересовался: — Сколько тебе лет?»

«Двадцать один год».

«Женщина? — мертвец растерял всю свою величественную статью, вскочил сгорбленный и гнутый, и замер, нерешительно сжимая и разжимая костлявые кулаки. — Ты женщина?»

От движения с головы хозяина грота соскользнул капюшон, и я от ужаса подавилась ответом. Его лицо из туго натянутых жил и белой кожи смотрело глазами слепца, и губы кривились в застывшей гримасе боли. Один из Правителей Тардема, долгожитель, сам Иуерлит Наз Завай — высший некромант!

«Чего молчишь? Подтверди мою догадку!» — взмолился он, воздев руки к небу.

«Да, женщина».

Ослабился и медленно, боком, придерживаясь за выступающие кости, вниз сошел.

Остановился в двух шагах от меня, вайебб наступив при этом одной ногой на человеческий череп, руки сжал в молитвенном жесте и спросил почти мирно:

«Раз так, то ты в платье, верно? Какое оно?»

«Черное...» — прошептала, потупившись, потому что смотреть на лицо изуродованное временем и проклятьем было выше моих сил.

«Ты в трауре?»

«Нет, это платье лекарки».

Леди Таис лично его выбирала на скудном рынке города Танири. Она жаловалась на качество ткани, мне же больше всего не нравился покрой, неудобный, некрасиво перекроивший фигуру. И сейчас мои прошлые мысли вспоминались с грустью. Если я здесь, выходит, умерла, так и не встретившись с бароном и не вернув ему два клинка и дневник некроманта. Как жаль... И как глупо было когда-то расстраиваться из-за платья, которое мне не шло и было не удобным.

«Ты лекарка, — голос мертвеца, звучащий сейчас по старчески надтреснутым, вырвал меня из размышлений о былом: — Ты та, что лечит, да? Или лекарка одолжила это платье тебе?»

«Я лекарем была...»

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Не дослушал, произнес неуверенно с болью:

«Молодая женщина лекарка, милосердная чистая душа, которая воспользовалась реликвией волков для спасения себя и... — мягко, ненавящево спросил: — Кого еще? Ты же не одна там была?»

«Троих бесеков и девушек...»

«Еще и горной гнили жизнь спасла?!»

«Они не гниль».

«Кому как... — не стал он спорить, медленно осел на кости, подпер голову рукой и на меня уставился. — И как к тебе попал клинок черной стаи? Дневника моего ты в глаза не видела, иначе бы им воспользовалась. Уж я-то знаю... — некромант вновь заговорил сам с собой, с ехидцей и торопливо. — Я бы знал. Да-да, знал бы, от меня такого не утаишь. Да и кто удержится от мести? Месть сладка, она как патока вязкая и приторно сладкая. А тебе, — усмехнулся ехидно, — есть за что мстить. Уверен, хлебнула горя сполна и еще хлебнешь... Ты же лекарка излишне самоотверженная».

Я промолчала. Станный разговор получается, словно бы не мертва и все у меня еще только будет. Он же задумался, начал тарабанить пальцами по черепу, набивая заунывный мотив похоронной колыбели.

«А клинок сама собрала или рассказал кто? И как ты получила его? Отвечай».

«Сама. Из дневника освободила и...»

Мертвец заинтересованно подался вперед.

«Что-что?»

«Принцип сборки прост, если запомнить, уже не сложно будет. Гессбойро собирается так же. Я их с некоторых пор и с закрытыми глазами собрать могу. То есть могла...»

«Ты... — он схватил меня за подбородок, заставил запрокинуть голову, — ты..., ты та самая Ариша, о которой Саир говорил? Ты новый хранитель Проклятого короля!»

«Гаро не проклятый. И он еще принц».

«Будь я проклят! — всплеснул он руками, вскочил, заметался, разбрасывая кости,

наступая в черную воду. — Будь я проклят!»

«Вы уже...»

Остановился, сглотнул как-то громко и зубами с досады клацнул.

Странный некромант, словно бы вспомнил о своем былом величии и нынешнем непотребном виде, о поведении глупца, устыдился, лысую голову склонил, сжал костлявые руки. А ведь ему Правителю Тардема должно быть все равно. Выпрямился как смог, мантик отряхнул и, вспомнив о капюшоне, надел его.

Обидела. Я это поняла сразу и поспешила извиниться.

«Пустое» — отмахнулся и вновь бочком подошел ко мне, руку протянул. Как не хотелось прикасаться к костлявым пальцам, все ж взялась. Он помог встать, отряхнул от песка подол платья и неожиданно опустился на колено предо мной.

Я дрогнула. А грот и каменный трон, возвышающийся на костях, растворились во мгле, будто не бывало. Чернь расцвела красками, заискрилась, как весенняя капель и создала новое пространство. Вокруг нас раскинулась рыжая степь, августовское пронзительно синее небо засияло над головами, а под ногами появился ковер, расшитый нитями из золота. Красиво, хоть и не чувствуется в этом души.

Сжав мою руку, чтобы привлечь внимание к себе, некромант прохрипел:

«Освободи...»

Предо мною был уже не живой мертвец, а красивый гордый мужчина шестидесяти с лишним лет одетый в серую отороченную мехом мантию и черный костюм охотника. Седой, с синими, как небо глазами, смуглой кожей и плотно сжатым ртом. Красивый разлет бровей, нос с горбинкой и массивный подбородок — сразу видно человеком он был упрямым и в то же время чересчур прямым. Такой не привык подчиняться, только командовать, повелевать, крушить. И вот теперь он, стоя предо мной на одном колене, просит?

«Простите?» — решила, что ослышалась.

Сглотнул, потупился, скрывая потемневший взгляд, и повторил:

«Я Иуерлит Наз Завай умоляю, освободи меня, Ариша!»

«Но...»

«Знаю, — он раздраженно повел плечом, — свыше пятидесяти лет назад я совершил ошибку. Всего один крошечный недочет и эксперимент, сулящий годы безмятежности, провалился. — Он до боли сжал мою руку и заговорил, выплевывая каждое слово: — Пожар в лаборатории разорвал магические цепи, ослабил защиту всей империи и каждого дома в столице... И поутихшее восстание вновь поднялось, — прорычал мертвец сквозь зубы. — А треклятые волки с ним не справились, потому что были скованы... из-за той самой ошибки!»

«Пустите...» — взмолилась, безуспешно стараясь высвободить свою руку.

Но он не слышал:

«Я знаю, что натворил, не отрекаюсь. Но свое наказание я испил до дна. Слышишь? Дс самой последней капли, Ариша... Посмотри на меня».

Голос его вновь приобрел старческие ноты, а лицо и руки стали изменяться, показывая, какая боль и страдания выпали на его долю. Сотни глубоких порезов, гнойные нарывы, вспоротая кожа, ожоги, все это проступало на его лице и руках сплошной чередой, не останавливаясь, не зарубцовываясь, не исчезая.

Закусив губу, я отвернулась.

«Сочувствуешь? — горькая усмешка прозвучала в старческом голосе: — Не стоит...»

«Не буду, — сглотнула ком ставший в горле и приказала сухо: — Отпустите мои руки и

встаньте, наконец!»

Поднялся медленно, взглянул белесыми глазами слепца, прищурился сердито. Недоволен.

«Верните себе здоровый образ, и на давите на жалость...»

Некромант и это исполнил, чтобы угрюмо уставился, прожигая синим взглядом. Ослабился, будто бы шутя, а в глазах неприязнь:

«Поговорим как равные люди?» — предложил он.

Ясное дело, старается увести меня от темы. А не дамся!

«Вот уж вряд ли, — горько усмехнулась: — Вы никогда не считали простых людей равными себе».

«Еще и умная. Хорошее сочетание качеств... для лекарки. — Иронично заметил мужчина и надменно прищурился. — Тогда ты должна понять, где был я, — слова сопровождал изящным взмахом руки, — и где были они, — показательно надавил ногой на череп, и тот с треском рассыпался на мелкие куски. Некромант глянул вниз с наигранным прискорбием и ухмыльнулся шире. — Такие различия сложно сравнить, не находишь?»

«Нет. Положение не делает вас выше, вы были рождены человеком».

«У меня был дар. Благодаря нему я избавился от человеческой немощи... — брезгливо скривился он и указал на меня».

«Именно! Был... и вы его сделали проклятым, — не осталась я в долгу. Кто бы еще указывал на мою хрупкость, уж точно не мертвец долгожитель. — А ведь ваш дар мог быть святым, целительным. Вы не захотели. И даже сейчас, пройдя сквозь испытания и моля о свободе... упомянули лишь об одной ошибке прошлых лет. А ведь все ваше правление в Тардеме — это нескончаемый парад жестоких опытов и экспериментов, над людьми, над сынами ночи, над демонами...»

Ослабился горделиво.

«Наконец-то хоть кто-то вдумчиво читал мой дневник, — довольный этим сообщением он прошелся из стороны в сторону. Застыл на краю цветастого ковра, спросил с неприкрытым интересом: — Дошла до ритуалов призыва?»

«Я прочитала все. Дважды. И знаю: то, что сделали с вами обезумевшие от свободы люди, не сравнимо с тем, что в свое время позволяли вы себе».

«От корки до корки!»

Он радостно потер руки и обернулся ко мне, помедлил, а затем пошел навстречу с кривой ухмылкой. Вслед за его шагом краски степи начали гаснуть и темнеть, не столько пугая, сколько предвещая новый виток разговора. Он не заставил ждать.

«Ариша, нет ни одного правителя, чьим правлением был бы доволен весь народ».

«Да, но Тардем оказался единственной империей, все население которой решилось на побег...»

Взмахом руки оборвал на полуслове, прошипел:

«Они не сбежали! О нет-нет-нет, — подошел вплотную, схватил за плечи, чтобы до боли их сжать: — Они начали убивать, крушить, сжигать! Они вырезали всю мою семью. Слышишь?!»

Дрогнула, но глаз не отвела. У этой истории, как и у медали, есть две стороны и вторую тоже я знаю.

«Иуерлит Наз Завай, не забывайтесь. Когда они убивали сами себя, вы поднимали их из могил. Когда они сбежали за пределы Тардема их возвращали волки. Единственным

спасением была смерть дарованная оборотнем».

«И откуда только знает?» — вновь спросил сам у себя. Ослабился.

«Из библиотек. В городе мудрецов есть книги о том, как ваш народ поднимал бунт за бунтом, чтобы в схватке с сынами ночи получить «свободу»

Его пальцы ослабли, и я аккуратно освободилась из рук сердито сопящего некроманта.

«Поэтому говорите начистоту, что нужно вам, я сообщу, что смогу сделать, и обсудим, что вы отдадите в обмен на помощь».

Страшно. До икоты, до дрожи, до смерти, но я стою, прожигаемая синим взглядом и глаз не отвожу. Нельзя. Если уж сам некромант ко мне с просьбой подался, просто так отпускать его глупо. Саир говорил, что дух проклятого долгожителя его не тревожил, почему же Наз Завайя так заинтересовала я?

«Ты подходишь, — произнес он сухо и поморщился. — В следующую ночь, призову снова, а сейчас ступай. Тебя заждались...»

Пробуждение мое было особенным, под ледяной водой, льющейся, как из ведра. А сверху слышится:

— Идиотка безмозглая, дуреха бесстрашная...

Горячи руки стерли с моего лица холодную влагу, пригладили волосы и прикоснулись к щеке, проверяя жива ли. Барон, кажется его голос. Белый варвар? Нет, его тут быть не может. Он в Адаре с принцем и вряд ли бы успел сюда в предместье Дакима.

— Ар-р-риша... Ар-ришка. Очнись, ну же... — и отчаяние в каждом слове, хорошо скрыто сердитым рыком, очень знакомым.

Но зачем главе белой стаи спешить сюда? Ведь Увыр в прошлом письме ясно дал понять — сами доберемся и иноземных невест приведем.

— Немошь человеческая. Я слышу, ты уже тут. Открывай глаза, живо!

Легкая пощечина заставила очнуться и распахнуть глаза. Свет факелов ослепил, зажмурилась на несколько мгновений, спросила хрипло:

— Ста-ста-форд! Это вы?

— Я.

— А без рукоприкладства нельзя было? Опять проступят синяки.

— Прости... — ответил барон тихо и по щеке погладил чуть шершавыми пальцами.

И меня так к теплу потянуло, к силе волчьей, к его каменному спокойствию, что я не заметила, как подскочила и как на нем повисла. Очнулась, когда он обнял меня, крепко к себе прижимая, зашептал с улыбкой в голосе:

— Тише-тише... я тоже рад, что ты очнулась, спустя каких-то семь часов.

Семь часов! Зажмурилась, прижалась теснее.

— Уже все хорошо, не бойся, — заверил он шепотом. — Ну же, успокойся, — теплые руки погладили мою спину, — и хватку ослабь, а то удушишь.

Я что ли? Как же я его удушить могу? Я же всего лишь... Отстранилась, удивленно замерла. А и впрямь за шею его обняла, сжала с силой. Со стыда чуть не сторела, руки отдернула, залепетала сбивчиво:

— Прос-сти-те. Я не-не хотела. Просто...

— Испугалась? — спросил вкрадчиво.

— Обрадовалась...

— Я тоже.

Все так же прижимая меня к себе, он поднялся с колен. И я только сейчас осмотрелась. Огромная комната, каменные стены, тусклый свет раннего утра пробивается сквозь узкие окна-бойницы, зависшие под потолком. Узкие железные койки на цепях вдоль длинных стен и ведро, из которого на меня вылили воду.

Сердце ойкнуло.

— Где мы?

— Во втором логове белых оборотней, под крепостью Тардош.

— А где мои братья? — он улыбался, в раздумьях качая головой. А мне же не до веселья, страшно. — Ответьте, пожалуйста, где Увыр, Эрхо и Авер?

— Прохлаждаются этажом ниже.

— Под землей? — дернулась в его объятиях, попыталась вырваться. — Они мертвы... Пустите! Немедленно уберите руки. Как вы могли, как вы...

— Не я их туда определил... — произнес барон забавляясь моей реакцией. — И не волнуйся ты так, они живы. Я с ними уже переговорил.

— Их что,... жи-живыми под землю?! — взор мой заволкло кровавым туманом, страшно стало от того, что с ними оборотни сотворили. Ведь волки ненавидят горных, считают их заразой, болячкой, которую нужно искоренить, вырезать поголовно. В ярости схватила варвара за грудки, воскликнула: — Живыми?! Отвечай...

— В какой-то мере, можно и так сказать, — ответил задумчиво, поглядывая на мои руки.

— Откопайте их... пожалуйста! — не зная как до него еще можно достучаться, кроме как кулаками по груди, застучала и потребовала: — Немедленно! Откопайте...

А он смеется в ответ:

— Откопаем, честное слово откопаем, — и, как куклу, легко отцепил от себя. Пискнуть не успела, оказалась у него на руках с перехваченными кулачками. — Сдались тебе эти наемники.

— Сдались...

— Почему?

Стафорд вышел из камеры, и начал подниматься в непроглядной черноте по крутой лестнице.

— Они спасли меня от Ыго, не дали никому обидеть в деревне и... от Вароса уберегли и... И то, что я говорю сейчас с вами это целиком и полностью их заслуга.

— А они говорят — твоя.

— Не правда! Когда черные нас настигли...

— Т-ш-ш-ш, — он сжал меня сильнее, — помолчи секундочку. Сейчас ты мне все расскажешь.

Поднялся еще на один пролет. Света из окон бойниц сюда проходило больше, шахта лестницы уже не казалась непроглядно черной. И в ней проступали темные проходы в другие уровни и черные решетки, перекрывающие их. Возле одного такого Стафорд остановился, чтобы обратиться к кому-то стоящему в темноте:

— Как видите, девушка не одержима, — в ответ недовольный рык, но варвар лишь пожал плечами: — Лерф, я отдал приказ. Исполни.

Послышался шорох, а затем черная тень пролетела рядом с нами так, что я от страха сильнее прижалась к главе белой стаи.

— Эвен, — со вздохом, позвал барон кого-то еще. — Спустись следом, проследи за тем,

чтобы он отпустил горных. И... расположите их наверху.

Еще одна тень проскользнула мимо нас. Но от этого оборотня мне не хотелось сбежать, наоборот, я с улыбкой заметила, что он остановился на мгновение рядом, чтобы рассмотреть. Несомненно, волк молод и все еще любопытен.

— А с ней что? — спросил кто-то третий с усмешкой.

— Разберусь, — ответил глава белой стаи. — Остальное обсудим потом ...

— Днем?

— Вечером, — отрезал Стафорд и продолжил подниматься по лестнице.

Белый варвар принес меня в покои с зелеными тяжелыми занавесями, немногочисленной деревянной мебелью и зеркалом в тяжелой оправе. Поставил на пол и, придерживая за локоть, чтобы не упала, объяснил, что и где находится:

— Ванная комната за дверью справа, сменная одежда в шкафу, завтрак на столике...

— Ваша Ми..., — он глянул так, что я тут же вспомнила о нашей прежней договоренности, — Стафорд, где моя сумка?

— Сейчас принесу, а ты пока поешь. Выпитые силы восстановить надо.

— Барон, — воспротивилась, поймав его руку, — да, я слаба, но это еще не значит, что одержима...

— Ариш, — он медленно вздохнул, прежде чем ответить, — ты светишься. Глаза были открыты, волосы горели белым пламенем, а кожа пылала, как раскаленное железо. — Пошатнулась, и он поймал меня с мягким смешком. — Нет-нет, не падай. Я не видел одержимых ранее, только читал о них, но знаю точно, в том, что в контакт с тобой вошел потусторонний, твоей вины нет.

— Как он ко мне пришел?

— Обычно через рану с кровью. Помнишь, кто это был?

Помню, все помню до мельчайших подробностей, до мороза по коже и дрожи рук.

— Я... я... расскажу, все расскажу, как только вы принесете мне сумку.

— Сейчас сделаю, — ободряюще по спине провел рукой и подтолкнул к столику с завтраком, — и ты делом займись.

Он вернулся через пятнадцать минут, вручил мне сумку и сел напротив, с улыбкой изучая, словно бы давно не видел. За выделенное время я успела не только поесть, но и переодеться в просторную белую рубашу, жилетку черную и черные штаны. Их пришлось подкатать, слишком длинные. Волосы расчесала и оставила распущенными сохнуть. А вот сейчас под его черным взглядом, вдруг почувствовала себя неловко, в рубаше этой, да еще растрепанная.

— Что?

— Ммм, — протянул варвар, скользнув по мне прищуренным взглядом, — я тебя внимательно слушаю.

Для начала я собрала подарок — реликвию черного клана оборотней, а затем начала рассказывать о зловключениях с Ыго и том, почему у меня новая тетрадка. Оборотень сам заметил, что подарка от Дерека при мне уже нет. Странно. Неужели Лис хвастался покупкой той кожаной тетради? По мере рассказа барон вначале подался вперед и долго рассматривал клинок из черного металла, затем пересел на сундук у кровати, а после со вздохом заключил в объятия всхлипывающую меня.

— Испугалась?

— Я думала, что умерла... — и пересказала все только что сказанное по вехам. — А он

все не отстанет. Спрашивает: лекарка или нет, и как мне реликвия черных досталась, зачем использовала клинок, кого еще спасла, и почему бесеков...

— По-моему, это был самый важный вопрос, — Стафорд тихо рассмеялся, теплой рукой растирая мою спину. — И действительно, зачем ты спасла бесеков?

Зачем... Зачем? А ведь наш с ним долгий разговор начался именно с этого момента, и некромант озаботился этим вопросом. И на кой им горные сдались? Рассмешил до слез одной лишь фразой, а после хохочущую меня успокаивал, напоминая, что некоторые умирают от смеха.

— Уж лучше от него, — прошептала с улыбкой, и тут же скривилась от воспоминания, — а не страха опять увидеть во сне живого мертвеца.

— Боишься?

Спрашивает мягко, тихо, вкрадчиво, одним лишь голосом погружая в дрему, но мне все чудится мертвец и сонливость, как рукой снимает.

— Д-да, он же говорил, что вновь вызовет и предложит сделку...

Но Белый варвар договорить не дал, спросил:

— Уже решила, что попросишь в счет услуги? — невесомо поцеловал меня в висок, и толкнул на подушки. Кажется, что он со мной играет. — Ну-ка признавайся, чего желаешь? — и словно бы невзначай укрыл одеялом, подоткнул его с двух сторон.

Как с маленькой, ей Богу. И такое его отношение приятно и в то же время смущает, я же тут о серьезных вопросах говорю.

— Нет. Меня больше всего волнуют его ожидания, — прошептала, глядя в черные теплые глаза оборотня. — А вдруг он попросит... вернуть его с того света.

— Оживить?

— Да... Наз Завай все же, сверженный правитель Тардема... Может к власти хочет вернуться. Отомстить.

— Я так не думаю, — барон поднялся, защелкнул ставни и закрыл окно тяжелой шторой, чтобы дневной свет и звуки снаружи не проникали в комнату. — Для мести у него времени было достаточно и сил хватало. Не захотел.

— И он не мстил? — спросила недоверчиво. Все еще хорошо помню, что из всех своих ошибок мертвец признал лишь одну — фатальную.

— Да, он уже тогда искал покоя...

Фраза странно прозвучала из уст главы белой стаи, словно бы не о Правителе павшей империи говорит.

— Тогда, возможно, он хочет, чтобы я его упокоила, — с трудом произнесла слово из дневника некроманта. — Но ведь он и так уже мертв.

— Умертвим еще раз, если потребуется, — улыбнулся Стафорд и, нагнувшись, через кровать дотянулся до моей руки. — Не волнуйся, спи.

Тепло оборотня отступило вслед за хозяином, и я с ужасом поняла, что сейчас останусь сама, в этой холодной своей чуждостью комнате с высоким потолком и зашторенными окнами. Одна наедине с мертвецом, который замер на грани безумия и не скоро признается, что ему от меня нужно.

— Не уходите...

Не уходить?

Да, он с радостью останется рядом и до утра срадостью рядом проспит. Вот только

звуки наполнившие логово насторожили: кто-то из иноземных принцессок требует самого Белого варвара и никакие Вастары ее не удовлетворяют. Опять эта девица из Валфсеи о своих воинственных корнях вспомнила, то ли бесстрашная, то ли глухая и не слышит раздраженно рычащего Лерфа. Придется идти, разбираться. И Стафорд с сожалением сжал протянутую к нему ручку.

— Я всего на минуту отойду и вернусь. Нужно кое-что уладить.

— Можно я с вами? — испуганно пролепетала кареглазая и, смутившись своего порыва, пояснила: — Вдруг там моя помощь потребуется.

— Ариша, еще полчаса бдений и тебе самой потребуется лекарь. Я быстро.

— Я подожду, — кивнула она.

Скандал разразился из-за бесеков. Создается ощущение, что всех на горных наемниках переключило и не просто чуть-чуть, а основательно. Вот и леди Таис ведет себя, как фурия, в одной руке клинок с изогнутым лезвием, в другой плетъ, которую она сжимает дрожащей рукой.

— Я требую вс-стречи с-с варваром!

И сидящие в комнате оборотни слушают ее с усмешкой. Один лишь молчаливый стоит в непростительной близости, щурится и скалится, того гляди, замахнется лапой и сорвет дурную голову с ее красивых плеч. Любой другой на месте девицы поостерегся бы, а она стоит. Уверенно, уперто. Свое место в этом мире знает, до помощников Стафорда снизить не хочет, настаивает на встрече с самим главой стаи.

— Позовите его с-сюда, или отведите меня к нему...

— Я здесь, — он вышел из-за угла и быстро спустился по ступеням вниз.

— Докричалась, — хмыкнул Вастар, которого явно из постели выдернули. Он ту же затянул халат, оправил его на голой груди и отправился восвояси: — Сами разберетесь.

— Сами, — кивнул Стафорд и, отпустив волков из охраны, обратился к леди Таис: — Что вы желаете?

— За-зabрать Увыра и его людей...

— К себе?

— Да, — кивнула она, ловко сворачивая плетъ. — Я прос-сила об этом вашего заместителя... — девушка обернулась к сердитому Лерфу, — но он отказалс-ся. И... на вс-се вопрос-сы отвечал молчанием.

— Леди он не говорит, — с улыбкой пояснил барон.

— Но пишет, — ничуть не растерялась кроженка Велфсеи и посмотрела с укором на молчаливого, — и пес-сок у него вс-егда при с-себе должен быть... или бумага и пис-сьменные принадлежност-и. Не думайте, что я не знаю. Знаю. У меня учитель таким же был, и он не позволял с-себе игнорировать прос-сьбы...

Неожиданно ощущение тревоги возникло на пустом месте, как маленький огонек в высушенной степи, обещающий превратиться в бушующее пламя. И к словам недовольной красавицы оборотень уже не прислушивался, больше внимания уделяя тревоге, что масштабно растет внутри.

— Ясно, — варвар оборвал ее на полуслове и обратился к помощнику, своей левой руке: — Лерф, ты слышал ее просьбу, я тоже. Исполни.

В ответ рык и напоминание об одержимой.

— Да, чувствую.

Повернулся к невольно отступившей иноземке, пояснил:

— Леди Таис, он все сделает, — он учтиво склонил перед нею голову и поторопился наверх.

Чутье подсказывало дух пришел за кареглазой. Спешит, мерзавец, Наз Завай рассказать о своей прихоти. И куда торопится? Времени у него хоть отбавляй, чего не скажешь об Арише. Силы ее уже на нуле, еще немного и выгорит. К кому тогда стучаться будет, охламон бестелесный? Или он именно этого и добивается? Истощения и смерти добродетельной малышки...

Распахнув дверь в спальню, сын ночи остановился на пороге и обозрел душное пространство. Успел вовремя. Почти...

Она уже горела, глаза открыты светятся, в комнате жарко настолько, что вот-вот вспыхнут пламенем все тканые покровы. Не отрывая взгляда от девушки, барон взял кувшин с водой для умывания и маленькое полотенце, намочил его и присев на кровать, положил на нахмуренный лобик.

— Ариша... я здесь, уже вернулся. Слышишь?

Белый варвар откинул одеяло, прикоснулся мокрыми пальцами, вначале к ее рукам, затем к стопам.

— Там... твоего Увыра леди Таис заждалась. Потребовала аудиенции со мной и официального разрешения на его заселение в комнаты высокородной...

С улыбкой ощутил, как жар ее тела поутих и змейками, заструился от рук и ног обратно, к сердцу, а оттуда к голове, под полотенце, которое неожиданно быстро высохло.

— Уверен, Гаро лишился одной из кандидаток в невесты, — шутя, заметил Стафорд, вглядываясь в карие глазищи, постепенно приобретающие прежний цвет и ясность.

Секунда, вторая, третья, взмах ресниц.

— Хотский не мой, — просипела Ариша через несколько мгновений, нахмурилась: — Он свободный человек.

— Вряд ли. Вильма его не отпустит, — убрав полотенце, оборотень спросил: — Воды хочешь?

— Очень. А вы долго.

Вроде бы и не упрек, а констатация факта, и в то же время приятно знать, что ждала. Барон с нарочитой небрежностью наполнил чашу из кувшина, стоящего на прикроватном столике и протянул ей.

— Зато теперь смогу посторожить твой сон от начала и до конца...

— Сторожить? — водой она чуть не подавилась, взглянула удивленно: — Не надо. У вас дела..., а я со своими страхами вас от них отрываю.

— Подождут, — в отличие от Наз Завая, но вслух он этого не произнес. — У меня здесь дел немного, и самое главное из них, чтобы ты выпалась. — На еще один возмущенный взгляд Ариши, добавил для ее спокойствия: — И я с тобой тоже

Разулся, забрался на кровать поверх одеяла и, отобрав себе самую большую подушку, лег. Глаза закрыл, разыгрывая безмятежность, хотя чего таить, сам чуть крепко не уснул. Но даже в этом состоянии слышал, как она отложила чашку, натянула на себя одеяло и повернулась на бок, лицом к нему. Это почувствовал из-за взгляда, скользящего по нему. Кроме лица, нигде особенно не останавливалась, а рассмотрев, кажется, каждую черточку тихо вздохнула. Уснуть кареглазая так и не смогла, ни через минуту, ни через десять. Ворочалась долго, потом лежала тихо, пыталась медленнее дышать и все равно не засыпала.

Бойся.

Стафорд с сожалением вспомнил, что так и не спросил, видела ли она некроманта, когда барон ненадолго ушел. Сейчас спросить или потом? А может не стоит перед сном беречь душу? И так уже ворочается от страха перед новой встречей с мертвецом.

Подумав немного, он поступил, как с сестренкой когда-то давно. Повернулся на бок, поймал чуть дрожащую руку Аришки и сжал в своей ладони.

— Спи, я здесь.

Замерла. И оборотень был готов поспорить на сто золотых монет, что она от удивления прикусила губу. Смешная. Вздохнула, ложась на бок к нему лицом, но так, чтобы между ними было расстояние, начала сбивчиво лепетать:

— А если...?

— Он не придет, — заверил строго. — Я здесь.

И чтобы не было сомнений, второй рукой сын ночи приобнял ее и притянул к себе. Не возражала, хоть и была смущена. Жар ее щечек и груди он почувствовал собственной шкурой, хищно дернув носом, подумал, что кодовое имя Ариши «мой талисман», равнозначно слову «моя».

Тихое дыхание, согревающее грудь и шею, макушка, упирающаяся в подбородок, тонкий стан под боком и мягкая ладошка в его руке. Давно он не чувствовал себя так спокойно и уверенно. Очень... давно.

Секунды плавно начали перетекать в минуты, минуты в часы. И сон этот для обоих был глубоким и безмятежным до самой утренней зари.

Проснулся от тихого стука, думал в двери, оказалось, нет. Ариша уронила тяжелый талмуд некроманта. И когда выбралась из его объятий? Странно, что не почувствовал, ведь спала вплотную к нему.

— Ты что делаешь?

— Проснулись?! Из-звините, я не хотела...

Худенькая, растрепанная, с ярким румянцем на щеках и обнаженным плечом, на котором не удерживается просторная рубаха, она смотрелась сказочно, невинно. А взгляд обеспокоенный и смущенный, словно он поймал ее на месте преступления, и вынудил раскаяться в темных делах, попросту рассмешил.

Он с веселым хмыком откинулся обратно на подушки и потер лицо:

— Аришка...

— Я честно не хотела будить, — возопила она виновато, — даже из кровати полчаса выбиралась, чтобы не потревожить.

О, а это уже интересно. Белый варвар перевернулся на живот, вмиг растеряв сонную медлительность, спросил:

— И как тебе удалось ускользнуть?

— С трудом, — призналась с улыбкой, — зато вовремя. Вам принесли завтрак.

Барон, скользнув взглядом по заставленному тарелками подносу, заметил строго:

— Там два набора.

— Я есть не хочу, — с дневником в руках девушка забралась на кровать и принялась увлеченно листать потемневшие от времени страницы. — И, кажется, я могу найти интересные его данные до того, как Наз Завай о них заявит.

Кареглазка сейчас была живее всех живых, взвинченная и в то же время утомленная. Не иначе, почуяв силу, решила ее тут же истратить. Глупо, если некромант заявит в следующую ночь, от веселой малышки лишь глаза и останутся.

— Хочешь сделать упреждающий удар? — барон поднялся на локтях, затем медленно сел рядом с ней и ноги с кровати свесил.

— Нет не удар, а... — задумалась ненадолго и сморщила носик, — подготовиться. Чтобы знать, если он решит, хоть что-то утаить.

— Тогда тебе придется ближайшие дни провести в пути к Адару.

Ариша вопросительно вскинула бровь, и оборотень пояснил:

— В столице целый сундук его вещей. Книги, свитки, карты, даже письма есть.

— И мы туда поедем?

— Мы? — Стафорд ухмыльнулся, — почему это «мы»?

— Вы, невесты Гаро, я и бесеки, — терпеливо пояснила кареглазая и победно провозгласила: — Мы.

— Я, невесты Гаро, бесеки — да. А ты — нет... — варвар забавлялся ее недоумением от силы секунды три, а затем припечатал условием, — пока, есть не начнешь. По-нормальному.

— Барон! — возопила возмущенно, даже глазищи сощурила

— Сядь, поешь. И без возражений, я не приемлю их с утра.

— Если бы только утром, — прошептала она, огорченно закрывая дневник. — С вами сложно спорить.

— Вот и не спорь, — выдвинув стул для себя и нее, барон сел.

Завтракали в тишине и на этот раз не торопливо, что для главы белой стаи большая редкость. Стафорд не спешил, с удовольствием наслаждался ее компанией, пусть и молчаливой.

Глядя на барона, я в сотый раз подумала: И какой из него варвар? Скорее уж тиран обходительный. Потребовал, чтобы я съела все, что он на мою тарелку положил. Все съесть не получилось, да и не влезло бы в меня столько. И на этот мой ответ, оборотень заявил уперто:

— Хорошо, в обед съешь вдвое больше.

Спорить не начала, боясь, что он увеличит порцию втрое, ведь Дерек как-то писал, что Стафорд на такое способен. И он улыбнулся коварно, будто бы подтверждая мои мысли. Сам все убрал и ушел, закрыв меня в комнате со словами:

— Тебе есть чем заняться.

И кивок на талмуд некроманта. Спорить смысла опять не было, я сама с дневника поиски истины начать хотела, а потому именно с книгой и провела большую часть дня. За кропотливой работой время пролетело как мгновение, пока не раздался щелчок, открываемого замка, а затем стук в дверь:

— Обед, Ариша.

И Стафорд внес поднос с тарелками, явно не на одного рассчитанными, но прибор был всего один.

— Это все мне?

— Тебе в срочном порядке нужно восстановить силы. Ешь хорошо и отдыхай. — Барон окинул комнату придирчивым взглядом и остановился на зеркале. — Завтра с утра выезжаем в Адар.

Я просчитала время на самую быструю поездку и уточнила:

— Доберемся за семь дней, да?

Уверилась, что он положительно ответит, однако, варвар посмотрел на меня с внимательным прищуром и произнес:

— Нет, спешить не будем. Дней десять, не меньше. И ночи сторожить буду я, чтобы он тебя не трогал.

— О чем вы? — ладошки похолодели. — Что-то случилось?

— Да так, мелочи, — с этими словами глава белой стаи снял со стены огромное зеркало и вынес его в коридор. И уже оттуда сообщил со скромной улыбкой: — Вечером купаться пойдем, приготовь вещи.

Дверь закрылась, замок защелкнулся.

Странно. И что значила последняя фраза барона?

Он явился после десяти, а может и в половине одиннадцатого. Последняя свеча уже минут двадцать, как сгорела и я сидела в темноте, позевывая. Спать не ложилась, потому что страшно одной. И пусть простит меня некромант, но видеть его сегодня мне совсем не хотелось. Я сегодня вновь прочитала об обряде подчинения для оборотней, и о том, что часть реликвии закреплялась за альфой стаи и уже от него сеть с шипами, распределялась на всех собратьев волков. Часть... всего лишь часть реликвии. Выходит Клинок воздействует на весь клан, а его деталь лишь на стаю. Вспомнив об этом сейчас, я судорожно выдохнула. Какое счастье, что у меня были все части клинка черных, что нас нашли белые и все

остались живы. Это просто невыносимое везение. Одно удивляет, как нас белые нашли? Ведь запах мы с бесеками спрятали, следы скрыли, в темноте меж скал стояли неподвижно...

Мысль оборвал щелчок в замке.

— Еще не спишь? — поинтересовался барон, открывая двери.

Он был без зажженной свечи, но в темноте ориентировался отменно. Подошел ко мне, не задев ни коварно преграждающий путь угол стола, ни кровать, прикоснулся ко лбу горячей ладонью.

— Нет, ваша Ми...

Руку отдернул, спросил со смешком:.

— Кто-кто?

— Хм, — опять забыла о договоренности, — нет, Стафорд, еще не сплю.

— Это хорошо. Думал, не дождешься, когда все купели освободятся, — туманно произнес барон и посторонился, чтобы помочь мне встать.

— Зачем мне все? — опираясь на его руку, я соскочила с сундука, на котором сидела и скинула с плеч одеяло. — Одной хватило бы. Да и с девушками я не стеснительна.

Хмыкнул. Нет, не едко, а как-то тепло и таким же теплом в голосе ответил:

— Купаться будешь со мной.

— За-зачем?

— На то есть причины, — и, не говоря ни слова, сгреб одной рукой меня в охапку, другой поднял, приготовленные мною вещи. — Пошли.

— Стафорд... — он не остановился, вышел в коридор. — Ваша Ми... — сжал так, что договорить я не сумела. Потом ослабил хватку, и я все же возопила: — Барон!

— Хочешь достучаться, зови по имени, — с улыбкой в голосе заявил глава белой стаи. И хоть нес вертикально вверх головой, лица я его не видела, потому что логово лишилось все факелов в коридоре, но и так яснее некуда — издевается.

— Зачем вы мне там? — постаралась зайти с другой стороны, достучаться: — Стафорд, я сама со всем справлюсь. Быстро. Глазом моргнуть не успе...

— Ариш, давай без паники, — на мой тяжелый вздох, добавил: — Я поясню. Кровь, вода и пламя — это три пути для контакта потустороннего с меченым. А ты сейчас не в той форме, чтобы входить в длительный диалог с мертвецом.

— А свечи? — вспомнила я о тех огарках, что догорели в комнате.

— Они не в счет, огня должно быть много или же меченный должен быть чрезмерно слаб.

С этими словами он свернул в узкий коридор и, пройдя еще немного, толкнул третью дверь справа.

— Пришли. Это предбанник, — он положил мои сменные вещи на скамью, приказал: — Раздевайся.

Оказавшись на свободе, я лицом повернулась к барону. И пусть не зги не вижу, но точно знаю, оборотень смотрит на меня. Можно сказать, кожей чувствую, черный сосредоточенный взгляд.

— Стафорд, я отдохнула, хорошо ела весь день и силы тратила лишь на чтение.

— И? — протянул он, вопросительно.

— И это значит, что я к призыву по воде противостоять могу, — и, не зная, что еще сказать, чтобы он мне поверил, добавила: — У меня силы через край.

— Так и быть, не станем тратить твою лишнюю силу на раздевание, — усмехнулся

барон и за руку повел в следующее помещение. Гулкое, где капала и плескалась вода и, судя по ощущениям, клубы пара поднимались к потолку.

— Нам сюда, — сообщил Белый варвар, спрыгивая в одну из купель.

И в следующее мгновение сильные руки оторвали меня от каменного пола и окунули с головой. Боже правый, он меня заморозить решил!

— Хо-хо-лодная! — было первое, что я завопила, как только вынырнула.

— Тихо-тихо. Сейчас она нагреется. — Почему-то обнаженные руки, притянули меня к такой же обнаженной груди.

И когда только успел, разоблачиться?

— С-с че-е-го вы взя-я-ли?! — спросила, отчетливо стуча зубами и цепляясь за оборотня.

И пусть стыдно прижиматься к полуобнаженному барону, все равно с ним теплее, чем без него.

— Ты горишь, — шепнул он в мою макушку и приобнял осторожно. — Глаза светились весь день, ну а теперь еще и кожа накалилась.

В неясном белом свете, хотя откуда здесь свет, рассмотрела его улыбку и то, как он подул на меня и со смешком предложил, окунуться еще раз. Окунулась, свечение погасло, а вот пара в купальне прибавилось.

— Э-то из-за меня? — спросила, все еще стуча зубами. — И что теперь де-елать?

— Да из-за тебя, — меня сграбастали в охапку и вместе со мной по плечи опустили в купель, — сейчас воду нагреешь, и оставлю тебя купаться.

От страха мороз прошелся по коже, и я вцепилась в варвара с удвоенной силой:

— А если, если Наз Завай меня призовет? Он же может... и, получается, весь денн призывал... И...

— Некромант более десяти лет молчал, не рыпался, — как-то чересчур серьезно ответил барон, — подождет еще пару тройку дней.

— А вдруг у него случилось что-то серьезное? — прошептала тихо. — Ведь так отчаянно зовут лишь в самом крайнем случае.

— Если это действительно так, то в следующую встречу, он будет менее скрытным и более стоворчивым.

И одна рука оборотня, медленно проскользнула под рубашкой от моей поясицы к плечу, а вторая поверх рубашки от груди к шее. Щекотно.

— Ч-что там? — прошептала тихо, совсем забыв о некроманте и одержимости, которой он меня подверг. — Только не говорите, что кожа слазит.

Я поежилась, передернув плечами, а он ответил, со вздохом отпуская меня:

— Не слазит, а стала почти человеческой. Купайся... — Белый варвар мягко выскользнул из моих рук, легко выбрался из глубокой купели. И теперь темень пространства озвучивали еще и удары капель, срывающихся с его тела. — Мыло, настойка для волос и полотенце у этого бортика... — пояснил он, похлопав по мокрому камню, где-то за моей спиной. — Найдешь на ощупь или свечу принести?

Остаться одной, в темноте, в воде, которая проводник, перепуганной и такой уязвимой...

— Не уходи! — попросила-потребовала, забыв о должном обращении на «вы». — Не уходите. Посидите здесь.

— И что мне делать? — усмехнулся чуть хрипя. — Наблюдать?

А я представила это «наблюдение» в купальне и прикусила губу. Оборотень видит в

темноте, прекрасно все видит, вплоть до мельчайших трещинок на камне и родинок на теле.

— Отвернувшись, посидите?

А в ответ молчание. Выжидает уточнений? Или... И капли уже не указывают, где оборотень стоит. Неужели ушел, оставил, вот так вот, не сказав и слова? Я растерянно оглянулась, прошептала робко, вдруг услышит:

— Очень прошу.

Судорожно сглотнула и сложила руки на груди, вот-вот некромант опять мерещиться начнет. Страх сковывает холодом, а барон... Ушел. Расстроилась, вздохнула протяжно и с грустью подумала, что это нечестно. И вдруг...

— А что мне за это будет? — вопрос прозвучал над самым ухом, и горячее дыхание опалило щеку.

Губу прикусила, чтоб не вскрикнуть от перепуга и радости. Выждала несколько мгновений, ответила:

— Вы уже получили реликвию черных в подарок и хотите что-то еще?

— Их клинок я оставил тебе, Аришка.

— Почему?

— Чтобы не испытывать соблазна, кардинально решить вопрос с неповиновением черных. Я не смогу их отпустить, как это сделала ты.

— Я не отпускала, а послала их домой, в сверх сжатые сроки.

— Быстрая пробежка в родные хоромы черным не повредит, — охотно согласился Стафорд. Дыхание оборотня сместилось, и теперь он смотрел прямо в мое лицо. — И все же мы отвлеклись от темы, — улыбнулся, слышно по голосу: — Так что я получу?

— А что вы хотите?

Он неожиданно рассмеялся, долго, мягко, а в конце произнес с хрипотцой:

— Надо подумать...

— Вот отвернитесь и подумайте, — согласилась с улыбкой, — вам двадцати минут хватит?

— Более чем... — прозвучало тихое в ответ, и я ощутила мягкое скольжение от ушка вниз по шее. Мне скорее всего это показалось. Не могли быть там его губы! Да и зачем им там быть?

Купалась быстро. Сбросив одежду, максимально близко подплыла к борту, по которому он хлопал, взяла мыло. Там же себя и натерла, растирая кожу резкими движениями не жалея ни сил, ни мыла. Затем волосы настойкой полила, вспенила и окуналась, смывая состав.

— Ариша, выбирайся из воды, — услышала я напряженный приказ барона. Замерла, удивленно озираясь по сторонам, потому что не понять по голосу, где стоит оборотень. — Хорошо сам вытащу...

Теплые руки поймали меня, потянули вверх.

— Барон!

— Ар-р-риша, — рыкнул он, закутывая смущенную меня в мокрое холодное полотенце, которое почему-то быстро высохло. — Вода до кипятка нагрелась, а ты не чувствуешь. И сказал же силы не расходовать, — с упреком напомнил он.

— Так я не сильно...

— Тебе хватило. Пойдем. — Стафорд поднял меня на руки, вздрагивающую при каждом резком звуке, в одно полотенце закутанную и испуганную последней новостью.

В предбаннике захватил мои сухие вещи и, более ничего не объясняя, вынес в темный

проход. Он не достиг поворота в коридоры с гостевыми комнатами, как сзади послышался глухой, хрипящий рык. Оборотень! Очень-очень недовольный оборотень, которому явно не по вкусу, как со мной возится барон. Инстинктивно прижалась к Белому варвару сильнее, он последняя моя защита среди волков и единственный кто знает все.

— Знаю, — ответил Стафорд неизвестному, не сбавляя шага, и крепче прижал меня к себе. Успокаивает.

Грозное рычание со сменной некоторых звуков, полетело вслед за нами, а оборвалось резким фырком. Так, словно волк уже стоит за спиной барона, нависает над нами и беззвучно рычит. И, кажется, я даже дыхание его слышу, волосы стали дыбом. О Боже, только бы не укусил!

Варвар же, не разделяя моих опасений, иронично хмыкнул:

— Разберусь, — и толкнул в спальню двери.

А дальше был удар и, судя по звуку, в стену, настолько мощный, что послышалось, как каменная крошка падает в коридоре на пол. Рокочущий звук пронесся над нами и с потолка начала сыпаться мелкая пыль. Я отчетливо слышала, как глава стаи скрипнул зубами, еле сдержался, чтобы не рывкнуть в ответ.

— Лерф, — позвал он по имени разъяренного сына ночи и, аккуратно опустив меня на пол, прошипел, — она и есть тот самый лекарь, за которого ты обещался жизнь отдать. А теперь оцени свое предложение по-новому.

В ответ молчание. Гробовое.

— Утром поговорим, — сообщил Стафорд в тишь черного коридора и дверь закрыл.

— Л-ле-ерф?! — прошептала я, туже затягивая на себе полотенце. — Тот самый Лерф, который встретил меня в Оранте?

— Да, — как-то странно ответил барон, и кинувшуюся меня к двери остановил, сжал в руках, сообщая: — Поговоришь с ним завтра.

— Но...

— Он раздражен сейчас немного. Пусть... в себя придет.

Спать ложились так же как вчера, я натянула на себя и рубашку и штаны, Белый варвар лег поверх одеяла, но сразу потребовал:

— Руку дай.

Протянула, чуть дыша. А глава стаи улыбнулся валил, беря в плен мою ладошку.

— Умница.

Спать. Нет, призвать сон не получилось и я понять не могу, почему молчаливый меня не признал сейчас. Ведь там в городе мудрецов оборотень определенно должен был меня запомнить.

— Барон? — тихо позвала свою личную охрану и прикусила губу. Он-то давно лежит неподвижно и размеренно дышит, не мучаясь бессонницей, а точнее вопросами, на которых ответов нет. — Стаф, Стафо-о-орд?

— Мммм?

— Я тут подумала...

— О чем? — тихо усмехнулся. — Неужели, о моем поощрении за рыцарское поведение в купальне?

Спросил с чуть заметной хрипотцой. Со сна, наверное. А я задумалась. Рыцарское, разве? Но я не могу быть уверенной в том, что он не смотрел. Там было темно, к тому же сейчас речь о другом!

— Нет, — прошептала, — о Лерфе. Ведь он в нашу прошлую встречу должен был запомнить мой голос, образ, запах...

— Голос, образ может быть, но запах... — барон придвинулся ближе: — Ты говоришь о том самом запахе, который перебивала ирдом?

Такая мелочь и забыла. Надо же... Значит, запах и голос не учитываются, сейчас я с ним не говорила, остается только образ. И все равно молчаливый оборотень не признал меня. Обидно.

— Точно, я была в рубашке.

— Да... — сонно признал варвар, — и в халатике, который тебе шел. Спи.

И вроде бы ничего не сделал, провел пальцами по шее, но уснула сразу и крепко. Позабыла тревожную мысль: «И откуда ему известно, во что я тогда была одета?»

Пятый день в пути, шестая ночь вместе, и становится все сложнее и сложнее удерживать Аришу от призывов мертвеца. Стафорд рядом с ней почти всегда, вечерами обязательно устраивает купание в ледяной воде из колодца или из источника. Внимательно следит, чтобы высыпалась и ела, не тревожилась по пустякам и отдыхала после длительной поездки. И пусть он нашел способы борьбы со свечением глаз и раскаленной кожей, но от огня воспламеняющего волосы уберечь не мог. Только и оставалось, что надеяться на проведение и то, что в эти мгновенья барон будет рядом с ней.

Так и получилось...

По просьбе смущенной кареглазой ненадолго оставил девушку одну, у ручья, завернутую в шкуру. И не прошло пяти минут, тишину над стоянкой вспороли женские крики о помощи. В мгновение ока, оказался рядом и, проклиная себя за глупость, потянулся к пламенеющей кареглазой малышке:

— Ар-р-риша! — она не отозвалась. Спит.

Сверху слышались причитания, Стафорд раздраженно дернул плечом, прорычал:

— Женщин увести, распределить по палаткам!

— А как же...? — спросил кто-то из бесек, топчущихся тут.

— Сам... разберусь.

Самые отчаянные желания имеют привычку исполняться, подумал он с горечью, прижимая горящую девушку к себе. ...Шепот звезд, вековые сосны, обрыв на скале... мягкая шкура поверх травы, кожа, покрытая испариной, ее глаза сияют белым светом... оголенные плечи, дрожащие губы... нежная грудь под быстро высыхающей тканью, пальчики ног, поджатые от напряжения... тонкая шея, голые коленки ...

Его учащенное дыхание и отчаянный зов: «Ар-р-ри-ша».

И глухое молчание в ответ.

Да, проклятые желания имеют привычку сбываться...

«Наконец-то явилась!»

Презрительный голос и плотные оковы холода, что сжимают мое тело, сразу разъяснили, где я. Сквозь белесую дымку разглядела знакомый грот, насыпь из костей и пустой трон.

«А вы меня звали?» — спросила оглядываясь.

Туман растаял, но Наз Завай так и не объявился в поле зрения. Прячется или время растворило его в пространстве?

«Звал! — искаженное злобой лицо некроманта оказалось передо мной. — А ты не слышала...»

Он сидел совсем близко, на белесых костях, и шурился на меня. Испугаться должна бы, но я решительно смотрю в его слепые глаза. Откуда только смелость берется? Вроде бы и нет ее, и в то же время да тут она, тут. Стоит лишь вспомнить барона и его крепкие объятия и суровый голос: «пождет и присмирет», и спокойствие просыпается, несмотря на тьму, неприятную компанию и могильный холод.

«Я была занята».

Скривился, как от зубной боли, прорычал:

«Пока ты там дурью маялась, меня расчленили! — странное сообщение для мертвеца, но я промолчала. — Ты, тварь, хоть представляешь, что это значит?»

«Для трупа ничего...»

«Меня пытали! — взревел Наз Завай, схватив меня за грудки. Лицо его стало моложе, человечнее, но взгляд оставался безумным. — Они измывались над моими останками, выпрашивая сведения о тебе... Не верит, не верит, — сообщил он сам себе и развеял тьму вокруг моего тела. — А я скажу-скажу...»

И я участливо закивала, надеясь, что диалог не затянется. Не хочется просыпаться от пощечин оборотня или воды вылитой на лицо.

«Слушай же, Ариша! Я неубиваем... — запнулся, — был при жизни, за что расплачиваюсь болью после смерти. И она в сотни раз сильнее. Долгожители... — он простонал это с хрипом и, отбросив меня назад, с грустью указав на насыпь костей. — Мои друзья, моя семья... Я собирал их. Видишь?»

«Вижу» — и аккуратно отползла подальше, чтобы мертвец не сразу до меня дотянулся. Не дай Бог, еще в запале чувств убьет.

«Все они здесь у трона власти, покоятся в тиши, — его руки очертили в воздухе круг и в жесте прошения, раскрылись навстречу костям. — Грехи каждому я отпустил, и каждого упокоил, собрал знания умерших и передал их в руки Проклятого короля, пока не истлеет заклятие за ними приглядят. Взамен услуги я завещал ему Гессбойро и отдал лучших стражей из волков. Сделал все, чтобы дорогие мне люди ушли. Ведь они заслужили покой после смерти...»

Последние слова некромант прошептал, и в пространстве грота стало холодней, чем прежде. Блестящие влагой стены и мокрые камешки покрылись инеем, вода захрустела тонкой корочкой льда, мое дыхание приобрело парок, а мокрая одежда заледенела, сковывая не хуже тьмы, которая меня сюда принесла.

В потрескивающей морозом тиши, его слова, словно бы звенели не горем, но отчаяньем и тихой обидой:

«Но кто отпустит меня?»

Знаю, нельзя ничего ему обещать, нельзя проявлять жалость, нельзя идти на поводу, но слова сами собой сорвались с губ.

«Я отпущу» — и, произнеся их, я уверилась в правильности своего решения. Действительно отпущу.

«Ты? — он рассмеялся хрипло надрывно, все так же, не вставая с колен. — Ты уже не сумеешь. Смотри же... Меня дробили на куски!»

Ветер сорвал мантию с иссохшего тела, оставив мертвеца в разодранном костюме охотника. Его левой ноги не было до колена, а на пальцах правой руки не хватало нескольких фалангов. И если ему было больнее, чем при жизни, то... он наверняка признался во многом.

Закусив губу, я отвела взгляд в сторону и горький ком в горле с трудом сглотнула.

«И в чем вы сознались?»

Наз Завай зашептал. И слова его шелестом заполнили морозный грот, дрожьк пробираясь под кожу, скручиваясь в узелки и выпуская иголки:

«Я раскрыл им: кто ты... Как тебя зовут... Куда ты направляешься! Где прячешь свои секреты. И почему тебя защищает оборотень. Они знают все!»

«Все — слишком обширное понятие, — произнесла я тихо и не удержалась от

скептического вопроса: — Так почему же меня защищает барон?»

«Потому что вы пара...»

Постаралась не рассмеяться в голос, руки сжала и прикусила губу. Как же — пара! Он меня из жалости оберегает, пока нужна. Еще года два, возможно, за мной приглядит, пока реликвии не верну. И все.

Улыбнувшись, ответила:

«Выходит, из всего вышеперечисленного, они знают не много».

«Нет-нет-нет, моя славненькая, — оцетинился мертвец, возвращая себе прежний облик импозантного мужчины. — Для начала спроси у барона, почему он не может поймать никого, а сам не единожды попадал в ловушки? Поинтересуйся, что стало с помощником Ивена Нильского? Узнай, кто такая Тери...»

Вздрогнула. Великий Боже, благодарю тебя за то, что Дерек в письмах не скрывал правды, и я частично была в курсе событий, происходящих вокруг Гаро, Стафорда и всей белой стаи.

«Вы! — от возмущения даже вскочила. — Вы все это время вели герцога Равии. Вы подсказывали что делать, просчитывали ловушки! Вы раскрыли им секрет ядов в мешочках! Тайну синей травы ирд. Вы докладывали, когда и как убить свидетелей и участников заговора... Это все вы!»

«И заметь, для белых волков я всегда оставлял обходные пути. Чтобы твой оборотень от натуги собственной кровью не захлебнулся, — ехидно произнес Наз Завай».

Неужели эти его слова о путях обхода, так же призваны меня заманить? Заставить подчиняться, делать то, что нужно ему? Или все же я могу верить этому... человеку?

Скривился, голову наклонив к плечу, будто бы прислушиваясь:

«Стоило о нем лишь вспомнить, и вот уже зовет тебя. А-р-р-риша... — перекинул глумливо. — Все не уймется!»

И это было последней каплей, я зло выдохнула, рявкнув, как умеет только барон.

«Прекратите паясничать! Скажите прямо, что нужно сделать».

Взгляд, которым некромант одарил меня, был удивленным и чуточку недоверчивым. Мужчина, движением руки призвал мантию, и та окутала его, скрывая увечье. Медлит нерешительно. А чего бояться? Не укушу и даже решила помочь и проявила в этом настойчивость.

«Ну же!»

«В другой раз»

Возможно, он такого поворота не ожидал, а для меня стали внезапно следующие его слова:

«Главное, доживи».

Тьма заволочла меня, но я упрямо прошептала, обещая не столько себе, сколько ему:

«Доживу».

И шелест деревьев донес его хриплый шепот:

«Тогда, до встречи, славненькая...»

Над самым ухом звучит тихое и требовательное:

— Ар-р-р-риша, очнись!

И горячее дыхание касается моих щек, губ и подбородка, щекочет, смущает, нежит.

— Вот и румянец, наконец-то проявился, — констатировал барон и тишина, отеснив

его голос, обволакивает меня. Мгновения растянулись в противном звоне.

— Эй! — продирается сквозь тишь ворчливый голос оборотня. — Подай хоть знак. Жива?

Какой знак? Как его подать?

Звонящая тьма предо мной медленно рассеялась, но ее заменил плотный серый туман, во рту появился привкус металла и холод, сковывающий меня, многократно усилился. Я слышу барона, но ответить не могу. Слишком тяжело прорваться сквозь глухую толщу тумана. Но даже сквозь нее звучит отчетливо угрожающий рык:

— Не вынуждай меня переходить к пощечинам!

Что-то в памяти всколыхнулось и пропало. Пустое все, ненужное, серое... И неожиданно я услышала голос, не свой, а Наз Завайя ехидно сообщавшего:

— Что ж, пощечины это не крошение твоих останков. Выдержишь. Но помни, Ариша, если ты не проснешься, то останешься со мной!

— Ста-а-аф! — хрип вырвался из горла, а сама я подалась вверх, чтобы вцепиться в варвара обеими руками. — Стафорд... — дыхание тяжелое натужное до боли дается мне с трудом, но я шепчу, боясь не успеть и забыться. — Это все он-он не-некромант, он помогал им... все это время. Его вы-вынуждали! Герцог Равии заполучил останки долгожителя и теперь шан-шан-та-ажи... уничтожает его!

Теплые и уже знакомые руки обняли меня, сжимая крепко. Некоторое время глава белой стаи молчал, укачивая на руках, как ребенка. А стоило успокоиться, так он произнес хрипло, многообещающе:

— Убил бы, — колючая щека прикоснулась к моей щеке, и барон добавил сурово, — если бы не очнулась...

Вот и вся благодарность к одержимой. Я у некроманта чуть Богу душу не отдала, так меня еще и здесь умертвить пообещали. Ради такого в следующий раз могу и не проснуться. Не открывая глаз, и не отпуская его, позвала тихо:

— Барон...

— Что?

— А нельзя ли как-нибудь мягче... будить? — подумала и предложила, — призывом по имени, поглаживаниями, поцелуями, например. — Он хмыкнул, и я поспешила уточнить: — Хотя бы в щечку.

— Все это бесполезно, — ответил сын ночи с улыбкой в голосе. — Поверь, я себе не только руки обжег.

Распахнула глаза и откинулась в его объятиях, насколько это было возможно.

— Вы обожглись! Где? Нужно немедленно мазью обрабо...

Рассмеялся, оборвав на полуслове, завернул меня в шкуру, поднял на руки и понес. Только сейчас оглянулась, понимая, что все это время мы были на скале, где ручей срывался водопадом вниз и разбивался о камни на множество искристых капелек. Красиво. Именно сюда я и направилась, когда попросила Стафорда меня оставить, но помню точно, не дошла. Споткнулась и в попытке удержаться, до крови расцарапала руку, а дальше тьма и холод поглотили без остатка. Посмотрела на расцарапанную руку, с удивлением обнаружив на ней повязку, белеющую в темноте. Выходит варвар сам меня сюда донес и даже руку перевязал. Приятно.

— Пришли, — он опустил меня и, сняв с плечей шкуру, аккуратно втолкнул в палатку и приказал: — Переодевайся.

Тусклый свет горевшей здесь свечи, позволял различить скромную обстановку бароновой палатки и мои вещи, аккуратно сложенные в правом углу. Хотела спросить зачем, переодевать рубашку? А потом посмотрела на нее: сгоревшая на моих плечах и едва удерживающаяся на обожженных лямках она снизу была разорвана. Теперь ясно откуда Белый варвар взял материал для перевязки. С опозданием подумала, что я предстала перед ним в таком непристойном виде, и отмахнулась. Сейчас главное не это, а его ожоги. Переделалась быстро, волосы торопливо заплела в косу и, выудив из сумки нужные склянки, позвала главу белой стаи.

— Быстрая какая, — улыбнулся оборотень, садясь на указанное место, — тебе бы поесть.

— Потом. Покажите руки.

Задумался, а чуть погодя и, спрятав руки за спиной, он выдвинул свое условие:

— Только, если реветь не будешь.

После такого заявления, я просто возопила:

— Немедленно!

— И не смей орать, — внес он дополнение, скрипнув зубами, поморщился.

Больно.

Боже правый, что ж у него с руками, если он столько всего требует. А может припугнуть, что в таких условиях я лечить его не пожелаю? Нет, не поведется, скажет, что справится сам. И я уснуть не смогу, зная, что он из-за меня обжегся. Да вовремя он начал выдвигать ультиматумы, ради такого, я сейчас соглашусь, если не со всем, то во многим. И оборотень это знает.

— Хорошо, — заверила тихо: — Но, барон, вы ведь понимаете, что с целителем нельзя спорить... — использовала его же слова, обращенные к младшему Датогу Суро.

— Спасибо, что напомнила, — ухмыльнулся оборотень, оборвав меня на полуслове. Тряхнул темной головой, заявил: — И начни уже обращаться ко мне, как к ровеснику. Надоело чувствовать себя титулованным великовозрастным стариком.

— Что?

— То. На «ты», Ариша, давно пора перейти.

— Так, значит? — прищурилась сердито.

— Да, — уверенно постановил он.

— Прекрасно, я согласна сейчас не реветь и не орать, и обращаться к вам на «ты», но только лишь, если вы сейчас же, покажете мне руки. — Смотрю на него, а он молчит, поджав губы, и не двигается. — Что?

— Формулировка неправильная. Не возмущаться сейчас, а вот обращаться как к ровеснику отныне. Последнее стоит подчеркнуть.

Улыбается через силу, а сам чуть ли не зубами от боли скрипит, так, что противостоять более я уже не пыталась.

— Согласна!

— Договорились...

Стафорди показал руки, нехотя, медленно, с кривой улыбкой на губах. В первые мгновения думала, что мне показалось, но поставив свечу ближе, сдавленно вскрикнула.

— Ты обещала, — напомнил барон сердито.

— Я же не думала, что... — не договорила и, сжав зубы, продолжила осмотр.

Его кончики пальцев обуглились, кожа с внутренней стороны ладони исчезла совсем. Я

не редела, нет, и не орала. Я в молчании давилась слезами, разрезая ножом рубашку, которую Белый варвар явно только что надел поверх сгоревшей одежды и вздувшейся пузырями кожи. И чего ради? Чтоб меня не пугать?

Добравшись до локтей, остановилась на мгновение. Слезы смахнула и сделала несколько глубоких, судорожных вдохов. И пусть оборотни восстанавливаются быстро, одними лишь мазями тут не обойтись, потребуются обезболивающие настойки и порошки, а еще травы секвори. Свежие, чтобы волдыри спали, не оставив и следа.

Мои размышления и неподвижность барон понял, по-своему:

— Вот, правильно. Дальше не надо, — шепнул он, выставив вперед ладони без кожного покрова, — обрабатывай.

А я вижу, что рубашка сына ночи пропиталась сукровицей и кровью и даже на шее ожоговые отметины есть. Неужели надеется, что я их вот так вот оставлю? Не дождетя.

— Не мешайте лекарю, справляться со своей работой, — процедила сухо, — пункта об участках, доступных для осмотра, в нем не было.

И без зазрения совести вспорола рубаху от ворота до рукавов с двух сторон и стянула ее до пояса барона.

— Вы...вы... о Боже!

Нет, я это так просто его не оставлю. Прикусила губу и потянулась за свечой, чтобы осмотреть правое обгоревшее плечо барона.

— Ты... ты... и лучше все же Стафом или Стафордом, — решил, безобразник, поправку внести в мое восклицание. А сам от огня свечи лицо отводит, и слишком уж подозрительно отводит, так чтобы я лишь левую часть его лица видела.

— Стаф, за... замолчи! — не постеснялась, как нашкодившего мальчишку потянула за левое ухо. То ли от обращения моего, а то ли от напора, он не сопротивлялся, рывкаться на меня не стал и лицо к свету повернул.

Замерла, не дыша, но свеча в моей руке все-таки задрожала. И тени от ожогов заплясали на его хмуром лице.

— Кто-то обещал не реветь, — напомнил он сурово.

— Я не реву, просто... Я сейчас.

Из палатки выскочила, как ужаленная, и постояла на холодном ветру, глядя на звезды несколько мгновений, пока они не перестали размываться из-за слез. Это он, поднимая меня на руки, так обжегся. Наверняка еще и в воде держал, чтоб остудить и только потом пообещал по щекам отхлестать. Жаль его, до боли, до жгучих слез. Подбородок предательски задрожал, но я не позволила себе плакать, глубокий вдох и заверение:

— Справлюсь. Вот только травы секвори найти кого-нибудь попрошу и со всем спра-а-а-влюсь...

Оттянув полог, вошла в палатку и молча, взялась за обработку ожогов. Белый варвар терпел, сжав зубы, изредка шипел и скрипел, даже несмотря на обезболивающую настойку. А я молчала, кусая губы, и повторяла про себя: «Поправится, поправится, поправится...»

— Знаешь, о чем я сейчас сожалею, — произнес Стафорд тихо, когда я взялась обрабатывать мазью его лицо, — о том, что не смогу держать тебя за руку, — поймал мой удивленный взгляд, улыбнулся криво, — и от призыва Наз Завайя не спасу.

Прищурилась и ответила ему в тон:

— Знае-те... знаешь, были бы вы... ты здоров, я бы тебя поцеловала. А так... обойдемся малым, — прикоснулась к здоровому плечу, погладила, произнеся: — Спасибо, за мое

спасение из забвения.

— А меня такая мелочь, как твое нездоровье, не остановила бы, — заметил глава белой стаи.

Будь его воля, наверняка бы, расплылся шальной улыбкой, но из-за ожогов оборотень лишь на левую сторону кривится.

— Вижу... — аккуратно пальчиками намазала его потрескавшиеся губы и мелкие еще не лопнувшие пузыри.

— Так мы договорились? — спросил он, стоило мне отстраниться на несколько мгновений.

— О чем?

— О том, что поцелуй спасителю достойная плата вместо опостылевшего и скупого спасибо, — произнес варвар как бы, между прочим, и в сторону смотрит, чтоб не спугнуть. Но я-то его решительность чувствую, не просто так вопрос задал, совсем не просто.

— А давайте..., - черный взгляд мгновенно сосредоточился на мне. Судорожно сглотнула и вспомнила его условия: — Давай возьмем в расчет то, что я только что... лечила.

— Хорошо, значит, должен буду я, — барон поднялся, содрал с себя ошметки рубахи и без перехода сообщил: — Ариш, выйди.

— К-куда? — спросила, сбитая с толку его последними словами.

— На улицу.

— За-зачем?

— Там тебя Лерф ждет, — терпеливо пояснил он.

Выхожу и действительно молчаливый стоит каменным изваянием перед входом в палатку. Не тратя времени впустую, он протянул мне поднос и толстенную вязанку травы, развернулся и ушел.

— Спа-си-и-бо, — вот и все что я успела произнести, прежде чем оборотень окончательно скрылся среди деревьев.

Все еще сердит за то мое предубеждение к барону, или злится за то, что я «спугнула» черных близ городка Даким? Сам он ни слова не говорит, а варвар как-то странно отмалчивается и успокаивает: «У него это временно. Пройдет». Пожав плечами, вошла в палатку. От вида подноса в моих руках Стафорд чуть ли не хлопнул от радости в ладоши, в последний момент вспомнил о своих ожогах и руки остановил.

— Это что за трава?

Я поднос на валун поставила, что был здесь вместо столика, посмотрела на вязанку, с удивлением заметив:

— Секвори... И так много?

— Та самая, о которой, ты упомянула более получаса назад, — хмыкнул барон: — для чего она тебе?

— Для ва..., тебя. Снимет пузыри.

— Как по мне, так проще их содрать.

— Ни в коем случае! Сейчас я ее разотру и...

— Сейчас? — переспросил удивленно. — Не-е-ет, травушка подождет. Потому что сейчас я поем и ты вместе со мной. Хватай подушку, садись к столу, набирай.

И сам к подносу потянулся, чтобы повернуть его к себе пустым прибором. Черные глаза оборотня блеснули в предвкушении. Вот только зря он так торопится приступить к ужину и

тарелки к себе тянет.

— Убери руки, пока я по ним не хлопнула.

— А что такое? — насупился как обиженный ребенок. — Мясо на кости зажарено выше всех похвал, лепешки не сырые, суп наваристый...

— А руки перевязаны и губы в мази очень гадкого вкуса и свойства, — с этими словами взяла приборы барона, самый сочный, на мой взгляд, кусок мяса и начала его мелко нарезать.

Белый варвар насторожился недоверчиво, даже голову набок склонил:

— Ты что кормить меня вздумала?

— Придется. Тебе мясо с какой подливой? — и судорожно сглотнула, поймав его голодный взгляд на своих губах. Захотелось отсесть подальше и шкурой прикрыться, да некуда, сижу в уголке. А барон все смотрит и молчит: — Стафорд, чт-то?

— Со сладкой, — ответил он глухо. И, отведя взгляд в сторону, попросил: — Расскажи о встрече с некромантом.

Я и начала повествовать, поднося ложку вначале ему, затем себе. Хоть и предлагала вначале его покормить, отказался. Мол, не хорошо, если одержимая голодает, иначе сил не хватит, чтобы меня докричаться из потусторонней тьмы. Пришлось согласиться.

— Продуктивно пообщались: ты уже дала ему зарок о помощи в спасении, а он признался, что с потрохами сдал тебя герцогу, — задумчиво произнес глава белой стаи, когда я рассказ завершила угрозой вначале бароновой, а затем уж и самого некроманта.

— Могло быть и хуже, — с улыбкой поднесла к губам оборотня чашу с лечебным настоем. Вспомнила, как он меня в деревеньке Ог поил, когда я чуть все пальцы себе не отморозила, усмехнулась.

Стафорд выпил все и хмуро на меня покосился:

— Куда уж хуже? И так еле-еле добудился.

— А ведь могла и не проснуться.

— Забудь, — буркнул он. Памятуя о раненных руках, аккуратно отсел от «стола» и лег на шкурах. — И спать ложись.

— А... — не успела задать вопроса, как он на полуслове оборвал.

— Этой ночью некромант тебя не призовет. Побережет. Ты отныне в союзниках.

— Рада знать, но вопрос в другом... траву секвори приложить к ожогам надобно.

— Завтра, — отмахнулся варвар лениво и словно бы заснул.

Настоять не посмела, да и сама уже носом клевала и держалась из последних сил. Поднос убрала в угол палатки, выудила из сумок два одеяла. Одним укрыла сына ночи, другим себя, а затем потушила свечу.

Шестой день в пути, седьмая ночь вместе. На этот раз остановились на самом дорогом постоялом дворе города Сер. Приехали затемно, уставшие, но довольные. Стафорд уверился в молчании некроманта, а потому ускорил продвижение вереницы карет к Адару. За эти сутки они наверстали расстояние равное трем дням прошлого пути. После ночевки на свежем воздухе высокородные иноземки согласились мчаться во всю лошадиную прыть к чистым постелям на перинах и ванным с душистой пеной. А потому продвигалась процессия без долгих остановок, вальяжных прогулок девиц по осенним просторам Дакартии и без неизменного привала на обед. Сцепив зубы в каретах тряслись все и, добравшись до комнат, наконец-то свободно и радостно вздохнули. Счастливы были все, кроме Ариши, она, глядя на израненные руки варвара, хмурилась, поджав нежные губы.

— Я просила не сдирать...

— Это вышло случайно.

А что еще сказать, если в прошлую ночь, он, несмотря на все предупреждения, лег на правый бок и притянул спящую кареглазку к себе. И как сказал бы Дерек: «Эта плохая, но такая приятная привычка, давно вошла в кровь». Ему не спалось, она металась из стороны в сторону, а обнял, так все беспокойство улетучилось. Смешно ли, но рука, на которой Ариша спала, заживала быстрее, а потому борон не особо обращал внимания на ожоги.

— Зря я послушалась, — девушка нахмурилась, — нужно было траву приложить и ночью и утром и после обеда. Благо Лерф много ее собрал.

— Ты бы в той охапке и уснула. К тому же, мы спешили, — напомнил Стафорд, с улыбкой глядя, как она аккуратно снимает с него рубашку. И почему-то избавившись от плена белой материи, хотелось, чтобы она смотрела с предвкушением в глазах, как голодный путник, на жаренного поросенка, а не как отстраненный лекарь на безголового сорванца.

— Спешили? — кареглазая удивленно воззрилась на него, сидящего на кровати. — Куда спешить? Мы же из графика не выбились... — Покачала головой, принимаясь за нанесение мази не его плече. — Десять дней, мы бы успели в сроки.

— Нужно поторопиться. Меня насторожили слова Наз Завайя о том, что тебе дожить надо. — К тому же старый Вастар писал о странной активации черных оборотней близ города Дахим. Ищут что-то и не могут понять, какое проклятье спугнуло четырехсотенную свору волков и заставило сбежать с поля боя.

— Словно бы не досказал главного, но предупредил, — согласилась Аришка и прошептала: — А меня другие слова в смятенье ввергли...

Минуту, а может и две он надеялся, что она продолжит мысль, но нет, кареглазка занятая врачеванием упорно молчала. И прикусив губу медленными дразнящими движениями покрывала тонким слоем мази разодранные волдыри на его груди и плече.

Когда она отступила, и дышать стало легче, он спросил:

— Так какие слова некроманта насторожили тебя?

— А, — пожалала плечем, — просто я понять не могу, почему он назвал нас парой.

— Нас?

— Да, тебя и меня. Уверена, он не просто так об этом заговорил. — Девушка обмакнула пальчики в склянку с другой мазью и наклонилась к лицу оборотня, задумчиво произнесла: — И почему именно ты?

Воспринимать ее слова, как пренебрежение Стафорд и не думал, малышка всего лишь насторожена. Но не подшутить над ней, такой серьезной, просто не мог:

— Хочешь сказать, не достоин?

В его голосе чуть оскорбленное веселье, в глазах укор, а Арише все равно. Вот же, лекарка!

— Я не об этом, — отмахнулась, как от глупости несусветной, и продолжила говорить, размышляя вслух: — На то, чтобы выделить нас из общего потока, у него должна быть причина. — Глядя куда-то вдаль, она сжала кулачки и заявила воинственно: — Ни за что не поверю, что все это было сказано без умысла. Как пара мы ему полезны.

— И тебя гнетет вопрос: почему?

Кареглазая посмотрела на барона робко и кивнула несмело. Уставшая и притихшая, ей сейчас не дашь больше шестнадцати. Совсем девчонка, но пахнет сладко: опять розой с капелькой меда. А может быть, это память играет в злую шутку, возвращает ее прежний аромат кожи и будоражит воображение? Свечи, кровать под прозрачным балдахином, поздняя ночь и дождь, накапывающий за окном, чем не очередная фантазия?

Варвар судорожно сглотнул, прищурился, стараясь не выдать жажду:

— Быть может потому, что я чрезмерно исполнительен, противостою герцогу Равии и знаю, где найти грот некроманта.

Она наклонила голову в знак согласия и задала следующий вопрос:

— Ну, а я зачем тогда? Ведь можно было тебя попросить. Или Гаро. Переходы недалекие, у будущего короля в руках все козыри.

— Не скажи, — барон фыркнул, — в отличие от тебя мы не милосердны и более склонны мстить, обманывать, карать, стремимся к власти. А временами готовы поступиться честью.

— Не правда! — опять сжала кулачки, подалась чуть-чуть ближе. — Не наговаривай...

Он прищурился потянув носом тонкий запах девичьей кожи, еле сдержал внутреннего волка и не потянулся к ней:

— Кхм, ты меня сейчас защищаешь или Гаро?

Смущенно отпрянула и даже порозовела немного, прошептала чуть слышно: «Обоих» и поднялась. Вымыла руки, пригладила волосы и вновь отрывисто заговорила. Волнуется.

— Наз Завай слишком сильно радовался тому, что я женщина, а уже потом моим знаниям лекаря... — запнулась, застыв на мгновение.

— И широкой практике по спасению бесеков, — добавил Стафорд, стараясь шуткой вывести ее из оцепенения.

Она не поддалась, наоборот услышав это, дрогнула.

— В дневнике некроманта говорится о запретах для... игроков. — Обернулась виновато глядя на барона. Хотя он и так уже догадался, кого она прикрывает незамысловатым словом: «игроки». — Они получали невыполнимые задания, условия которых не редко противоречили друг другу. И если условия были соблюдены, а задание выполнено обо... игрок получал свободу.

Прокололась, но вида не подала. Смешная.

— Думаешь, с ним сыграли в такую же игру? Пообещали освобождение?

Она помотала головой, прошептав с горечью:

— Слишком сильным было его отчаяние и неприязнь, недоверие на грани безумства. Они ему ничего не обещали и поставили запрет. Знаешь, он ведь не сходил с тех костей, а

потом с ковра. Все время ограничивал пространство...

Еще немного и она начнет жалеть мерзавца некроманта, подумал барон и кашлянул, чтобы следующей фразой намеренно вырвать ее из забытья:

— Ариш, а есть мы сегодня будем? Или мазь на моих губах с лихвой заменит сытный ужин?

Кареглазая моргнула несколько раз и, заметив его бросок к подносу, вот уже полчаса ждущему, когда его освободят, завопила:

— Не смей! Я же тебя намазала...

Подскочила, поднос отобрала, рьяно оттеснила оборотня к кровати и сама взялась за нарезку мясных колбас истекающих пряным жиром. А затем отварную картошку, почистила, нарезала и полив поджаренным луком, примяла. Намешала что-то в салате, добавив туда несколько капель своей настойки, и судорожно выдохнула.

— Лечишь-лечишь, а они все норовят отравиться.

Нахмурился.

— Я не чувствую отравы в еде.

— В тарелках ее нет, она на твоих губах, — взгляд лукавый из-под ресниц бросила и опять возопила, — не трогай!

А он уже стер руками и не поморщился даже под грозным карим взглядом. Почти полностью зажившие руки потер, улыбнулся:

— Приступим.

— Вы... — прошипела девушка, забыв об уговоре и, даже ткнула в его здоровое плечо пальчиком: — только что по рукам растерли этот яд, а ведь он с губ-то не сошел!

— И почему опять на вы?

— Боже правый, так трудно было подождать, хотя бы пять минут? Ты же опять не сможете кушать самостоятельно...

Вот как? Он подавил победную улыбку и постарался сделать скорбный вид, а лучше всего возмущенный.

— То есть ты меня отравить решила, так?

— Пять минут, и он растворился бы из-за сока хворры, который я добавила в салат. А вот теперь...

Придется кормить с рук! Расплылся в улыбке варвар и тут же ее погасил, пробасив:

— Прости, — даже потупился на мгновенье.

Кормила стараясь не коснуться губ оборотня ложкой и не испачкать его подбородок жирными каплями. И аккуратно ела сама, внимательная и серьезная, готовая в любой момент скомандовать грозным голосом: «Руки!». Провоцировал, играл и трижды заставил ее вскрикнуть, чтобы он губ своих не касался и к еде руки не тянул.

В конце ужина Стафорд хитро прищурился, протянул как бы между прочим:

— Начинаю понимать, как здорово — болеть. Следует еще раз повторить... — и красноречивый взгляд на Аришу.

Фыркнула отложив чашу с питьем:

— Не смей.

— Это еще почему, ты же вылечишь?

— А ты не нравишься мне в качестве больного, — повела она плечом и хмуро посмотрела на оборотня.

— Быстро поправляюсь? — предположил он.

— Сопротивляешься. Да так что уже и не понять, я болею или лечу. — Она зевнула и потянулась вверх, как кошечка.

Завороженный скольжением ткани по девичьему телу, глава белой стаи замер и громко сглотнул, а попутно пропустил начало ее вопроса.

— ...надо было с тебя слово взять в самом начале лечения, да?

А что ответить? На языке тьма предложений и все они не благопристойные. Он кашлянул, возвращая нормальную тональность голосу, и взгляд с трудом отвел от белой ткани на девичьей груди. Пора уходить.

— Хорошая мысль приходит с опозданием, — вынес вердикт барон и, поблагодарив за ужин, поднялся из-за стола: — Ложись, я окно закрою и пойду.

Он двигался медленнее, чем обычно и ставни задвигал нехотя, как старик едва ли не сдерживая крик, а на самом деле стон. Неужели не спросит? Ставни закрыты, штора задернута, а в комнате все еще висит молчание. Жаль...

Он решительно направился к двери.

— Ты куда?

Спросила все-таки. Тихо выдохнул, обернулся.

— Дела.

— А...

Не скажет, и не попросит, он это понял по отчаянному карему взгляду и сцепленным ее рукам. Постесняется отрывать от дел, в угоду собственных желаний и страхов. Что ж придется сделать послабление.

— Я зайду к тебе, чуть позже. Проведаю. Не против?

Кивнула.

— Хорошо, — и скрывая довольную улыбку, барон вышел.

За несколько минут перепроверить все ли в порядке, кто и где уснул, как устроились в покоях, сменилась ли охрана, все ли на месте, вернуться и стоя под дверью Ариши, хитро улыбаясь, ждать. Глупость, но какая тревожная, невероятно будоражащая. И приятно думать, что кареглазая не догадывается о его расчете, ведь уходить не хотелось, но и остаться он уже не мог. Слишком явственным стало желание держать ее ладонь в своей руке. Касаться, касаться, касаться...

Не приласкала, но привязала и когда успела, хотелось бы знать? Он судорожно выдохнул, ничего, он своего тоже добьется. И у нее при взгляде на барона будут загораться не только глаза. Как наяву увидел и расцветающую нежную улыбку, и румянец на щеках, и руки протянутые навстречу. Проклятье! Стою здесь, как юнец... Он толкнул дверь вошел в теплую комнату. Аришка уже переделалась и легла, не спит, быть может дожидалась его, но рук к барону не тянет. И снова жаль.

Белый варвар снял сапоги и растянулся рядом, поверх одеяла:

— Вот он я. А теперь засыпай.

— Не могу.

— Тебе помочь? — коснулся изящной ключицы и девушка вздрогнула.

— Нет! — она резко обернулась и поймала его руку, сжав дрожащими пальчиками, попросила: — Лу-лучше расскажи что-нибудь... Или вот... как ты понял, что я во втором логове белых?

Прищурился, что-то здесь не так. Пальчики ее дрожать перестали, но настороженность, то и дело во взгляде проскальзывает. Еще бы прикусила губу, чтобы... а вот уже и прикусила,

заметил он мысленно. Волнуется, и старается не подать вида. Если спрошу: «что случилось?» расскажет или нет?

Подался вперед и, почти соприкоснувшись с ней носами, произнес:

— Ариш, ты...

— Расскажи, — настойчиво попросила кареглазая и сильнее сжала руку.

Да за дверью в ее комнату он отстоял более получаса, потому что задумался. Но тревоги за нее не чувствовал и призыва мертвеца не уловил. Так что же случилось? Она опять что-то вспомнила из беседы с Наз Заваем или сделала неправильные выводы? Можно гадать сколь угодно долго, от нее сейчас все равно ничего не добьешься. И ведь боится, это он сейчас ощутил явственно, потому и просит говорить о чем угодно, лишь бы в комнате звучал голос. Голос... она сказала, что находясь в тумане между реальностью и той потусторонней явью, слышала предупреждение от некроманта. Неужели он опять напомнил о себе? Пришел пожелать спокойно ночи, поддонок! Подожди Йуерлит, я еще найду твои кости...

— Стафорд, пожалуйста, — тонкие пальчики погладили его руку.

Вот теперь тянуть с ответом, он уже не смел, но и всего рассказать не решился.

— Дай вспомню, как это было. Уж столько времени утекло.

— От силы семь дней, — скептически напомнила кареглазая и улыбнулась, наконец-то.

— Вот-вот целая неделя, — хмыкнул барон. Передвинув ее ручку на свою грудь и накрыв сверху ладонью, он вторую руку закинул под голову. Маленькая хитрость в расчете на то, что Ариша устроится на его плече, не увенчалась успехом. Она лишь подтянула ближе к оборотню свою подушку, и выжидательно воззрилась на него.

— Оставь ее в покое, — фыркнул Стафорд, — подушку, пояснил, когда девушка попыталась высвободить руку. — Ложись ближе.

— Я отдавлю тебе плечо, а оно к твоему сведению все еще в ранах от ожогов, которые ты содрал.

— У меня хороший лекарь, все время о ранах забываю, — с этими словами, он переместился на другую половину кровати, сдвинул притихшую девушку и залез под одеяло. На возмущенный вскрик стыдливой юности пояснил: — Снаружи холодно.

— Ты одетым в кровать полез!

— Хочешь, чтобы разделся? — вспыхнула, опять грудью и щечками и прикусила смущенно губу. — Я так и думал.

Без разговоров оборотень устроился, как и задумал, сам обнял и на плечо притянул, сам нежную ладошку взял в плен, улыбнулся, глядя в ошеломленные карие глазищи, не верящие в такую его наглость. И чтобы отвлечь ее от излишней скромности заявил, подражая хитрюге Лису:

— А нашел я тебя случайно.

Малышка замерла недоверчиво, позабыв о ненужных попытках освободиться:

— Как случайно?

— Так, — ухмыльнулся он, капкан защелкнулся. — Я приехал во второе логово белых, чтобы встретить заплутавших девиц на выданье... — Она удивленно вскинула брови. — Видишь ли, Увыр написал, что далеко за ними ехать не придется, так что я и не особо спешил к вам. А когда приехал, то всего лишь спустился через пещеры к тайной бесекской тропе и забрал принцесс...

А лучше бы не тратил времени на Гаровых невест и отправился искать Аришу. Семь часов в обществе некроманта чуть было не стоили ей жизни. Проклятье! У самого от злобы

скулы светло, но она по счастью этого не заметила.

— Там есть принцессы?

— Четверо, — признался нехотя.

— И вы их на границе не встретили?

Потому что у барона был план, правильно рассчитанный и взвешенный. И существовал он ровно до тех пор, пока в нем не объявилась одна кареглазая бестия и четырехсотенная стая волков. Однако стоит отдать Арише должное, она, попав в центр событий, перекроила все самым наилучшим образом и осталась жива.

Почти самым наилучшим... Вспомнил, как увидел ее горящей и с трудом заговорил опять:

— Мы... собирались долго, вот и не успели. К тому же, как стало известно, осведомленность некроманта испортила все планы. Но ведь собрались.

— На удивленье, да, — протянула Аришка иронично, затем вспомнила, что хотела отстраниться, приподнялась.

Я против, возмутился он про себя, а вслух протянул с сожалением:

— Жаль ты не видела, как мы праздновали возвращение красавиц. В общей зале устроили настоящий пир. Сдвинули столы, поставили скамьи и стулья...

— Очень рада за вас, — рассержено фыркнула кареглазка и легла обратно. — Тогда вопрос, почему я проснулась в темнице, а бесеки уровнем ниже?

— Видишь ли, дело в том, что вас нашел не я. Но всем нам повезло необычайно, когда Лерф в твоей сумке обнаружил нож-заклинателя. Иначе бы от его кары тебя не уберегли ни волки, ни братья горные.

— Прекрасно. В таком случае обо мне вы узнали как о пойманной воровке, умыкнувшей у тебя нож.

— Некромантке, отобравшей его у меня, — опять приподнялась, но он ловко прижал ее к себе со словами: — И не перебивай. Было это так... Мы вернулись. Сели за стол, как полагается. Налакались, — последнее слово прорычал и на этом поток идей об отвлечении Ариши иссяк. Пришлось, скрывая правду, выдумывать, как сделал бы это Лис: — И тут Вастар говорит пьяным голосом, что он парням своим разрешил из толпы прислуживающих взять молодых здоровых девчонок.

— Правда? — переспросила недоверчиво: — Он позволил?

— Да... — протянул, стараясь не выдать себя улыбкой. Потому что старый оборотень с головой своей еще дружит, не рискнул бы злить варвара глупыми забавами. Да и оборотни после погони были заняты отнюдь не планами по увеличению стаи. — В другой раз я бы ему хвост открутил, но парни и так уже натерпелись, так что... — смущенно потер нос, его непродуманная ложь, выглядела как мыльный пузырь. Тронь и лопнет, и это при его-то волчьих талантах.

Кашлянул.

— Но не в этом суть. Главное вот что, из всей иноземной прислуги в зал ввели одну единственную девицу.

Заинтересовалась, вскинула голову и на мгновение перестала дышать. Ага, еще чуть-чуть и спросит... Значит, сейчас нужно сделать паузу.

— И что дальше? — прошептала Ариша. — Кого привели? Тару?

Оборотень коварно ухмыльнулся, радуясь, что в темноте она не видит его лица, и красочно описал претендентку в волчьих жены:

— Оборванку, подвываяющую что-то и шатающуюся из стороны в сторону, как лист на ветру. Стоит в черном плаще, покрытом толстым слоем грязи, и трясется от страха...

— Очень лестно.

— Тш-ш-ш-ш! Перестань сбивать с мысли, иначе уйду. — Пригрозил шутливо и неощутимо губами коснулся ее виска. А в ответ услышал:

— Хорошо.

— Что «хорошо»? — он даже голову от подушки оторвал. — Мне уйти и ты не опечалишься?

— Хорошо, помолчу, — ответила со вздохом и милостиво позволила: — Рассказывай сказку дальше.

— Это правда, а не сказка, — возмутился барон.

— Верю, — а сама ухмыльнулась, видимо тоже рассчитывая на укрывающую ее тьму. Зря надеялась, он увидел.

— И как в любой правдивой истории, к возможным продолжательницам волчьего рода прилагались требования. — Стафорд сжал Аришкину ладошку и продолжил с умным видом: — Поэтому оборотни отобрали лишь тех красавиц, которые спасали свои жизни, не причиняя вреда другим.

— И? — спросила она.

— И все указывают на грязную, потому что из всей прислуги такой была только она. И не хмыкай, понимаю выбор не большой, и старый Вастар это тоже учел. Приподнялся в своем кресле и говорит: «А еще я разрешил выбрать и тех, кто придет на помощь остальным красавицам». Все согласились и опять указали на дрожащую. И вожак стаи поднимается с трона на своих худых разбегжающихся от выпитого ногах и произносит: «Я разрешил взять тех, кто ценой своей жизни уведет беду от прочих». И все опять указали на девушку. А старый договорить не успел и...

— Он упал? — встревожилась слишком сердобольная Ариша.

— Нет, — хмыкнул варвар, сообщая со всей серьезностью, — оборотень не падает при своих подчиненных, как бы ни был пьян или тяжело ранен. Немошь упала. И тут...

— Вы проснулись на полу?! — перечеркнула она все его старания и тихо рассмеялась, отодвинувшись с плеча барона. Вот же кареглазая! Но с полом все-таки угадала, отчасти.

Белый варвар решительно лег на бок, подперев голову рукой, ухмыльнулся. Их лица оказались в непростительной близости, это видел он, но не она, все еще посмеивающаяся.

— Нет, — прошептал оборотень, перехватив ее ладошку крепче, — я там уже час как пил. И ты испортила мне всю концовку.

— Так и быть, помолчу, рассказывай свой вариант, — прищурилась, прикусив губу, чтобы вновь не рассмеяться.

— И с волчьей избранницы слетел капюшон — она еле-еле подавила смешок, на что Стафорд решил обидеться. — И в ней я узнал тебя, Ар-р-ри-иша! Не веришь?

— Нет, — улыбнулась.

— Хм... — он рукой провел над ее оголившимся плечиком, чуть ли не касаясь девичьей кожи, прошептал: — А зря, за тебя там, в логове, бились все оборотни.

— Несомненно. И в жесткой схватке ты выиграл право свернуть голову одержимой некромантке, у которой глаза светятся, волосы пламенеют, а кожа раскалилась, как железо в кузне! — широко улыбнулась: — Ну что попался?

— Да, нехорошо получилась, — нехотя согласился барон. — Упустил из вида признаки

одержимости.

— Вот теперь я отчетливо представляю, как оборотни за меня бились! — рассмеялась, чисто, звонко, и смех ее эхом отразился где-то на этаже. Красивая, нежная, теплая... лежит совсем близко и не боится.

Белый варвар с трудом отвел взгляд от ее губ, опустил его ниже и напоролся на часто вздымающуюся девичью грудь. Проклятье! В горле пересохло, а руки сами собой сжались в кулаки, чтобы не сжать в них Аришку. Слотнул, посчитал до пяти, и глаза удалось оторвать от заманчивого вида прямоком на обнаженную ножку, волнительно выскользнувшую из-под одеяла. К бесам такую пытку!

Он зажмурился, дождался, когда кареглазка отсмеется и сказал тихо:

— А теперь спи.

Из-под одеяла выбрался, почти с кровати поднялся и... Не удержался, поцеловал в висок, и она кажется, ответила. Или нежные губы, коснувшиеся его шеи это лишь видение, столь желанное и отчаянное, что оно стало почти реальным. Таким же реальным, как ее запах медовый с ноткой чайных роз.

— Доброй ночи! — прошептала Ариша с улыбкой.

— Доброй.

Уже засыпая, я позвала некроманта и спросила:

«Ну, что убедились?»

«Да, ты выиграла», раздраженный голос некроманта, звенел набатом в моей голове. «Кто бы мог подумать, что он все-таки сдержится. В мои времена волки времени не теряли...»

Оборвала его на полуслове, еще не хватало выслушивать нелестные эпитеты в сторону Стафорда и его сородичей:

«Что решили?»

«Так и быть, введешь его в курс дела», фыркнул Наз Завай. «Но учти, если в тот момент, когда я займу твое тело, этому герою захочется ласки, он отведаст кулака».

«Насмешили, — усмехнулась я горько: — Он скорее плюнет, чем попытается обнять».

Туман рассеялся, и я погрузилась в полноценный сон благодаря Бога за выдержку Стального барона. Не зря ему дали это прозвище при дворе короля, совсем не зря.

Выйдя из Аришиной комнаты, он мягко закрыл дверь и, обернувшись, столкнулся нос к носу с разъяренным Лерфом.

— Что случилось?

В ответ рык, уверенно утверждающий, что Ариша подвержена сейчас воле некроманта.

— Я его не чувствую.

Молчаливый гневно фыркнул, говоря о двух всплесках потусторонней силы, последний из которых произошел только что. Стафорд судорожно выдохнул и сжал кулаки. Не верить своему помощнику он не мог. Молчаливый и несколько обожженных, потерявших ипостась, примкнули к стае еще при Дагде, старом вожаке. И почитались они всегда за то, что выявляли меченных. Легко и просто и задолго до того, как оборотни или же люди начинали убивать по воле некроманта, вселившегося в их тела.

— Получается..., - прохрипел он и замолчал. Выходит, барон рассказывал сказку, когда рядом с ним была..., а точнее был... И ведь девушка вела себя совершенно естественно, лишь поначалу волновалась. Его внутренний волк неявственно чувствовал, что-то стороннее, но... Но ничего определенного.

— Не может быть!

Белый варвар развернулся, чтобы толкнуть дверь и потребовать ответа, как неожиданно получил удар под дых. В глазах потемнело, когда Лерф вопреки всем сопротивлением оттащил его в сторону. Скрутил главу стаи, как щенка и с утробным рыком втолкнул в глухой коридор справа.

— Что значит «не трогать»? — рывкнул Стафрд на неприкрытую угрозу своего помощника. Бесов волк, после настойки Аришки стал в разы сильнее и жестче. — Некромант сейчас там или не там...!

Рычание Лерфа отразилось от стен эхом:

«Его уже с ней нет. Ушел»

— Она жива? — спросил хрипло, дивясь, как сдавило горло и в груди шевельнулось отчаяние.

От оборотня последовал кивок, подтверждающий, жива.

— Прекрасно. Тогда мы просто с ней поговорим. — Барон расправил напряженные плечи и сделал шаг к двери: — Дай, пройти.

Лерф не сдвинулся с места, он плавно опустился на одно колено, все так же перекрывая вход спиной, и почтительно склонил голову. Утробное рычание идущее из горла молчаливого премного позабавило барона.

«Позвольте забрать Аришу, обещаю хранить и беречь девушку. Только не убивайте ее»

— Что?

Убивать ее Стафорд был не намерен. Во всяком случае, пока не добьется правды и признания. А там, если подумать, то после искреннего раскаяния в обмане, можно для нее и другое наказание избрать. Лишь бы более с некромантом не играла.

Лерф же понял его превратно:

«Вы знаете методы борьбы с одержимыми, они известны и мне. И вопреки правилам, прошу... позвольте, пока не поздно, я заберу ее в горы. Построю для нее дом недалеко от поселения Увыра».

— Уже договорился? — улыбнулся варвар.

Могучий оборотень вскинул голову и недоверчиво уставился на главу белой стаи, выркнул:

«Это дело пары минут»

— Представляю, как ты поставишь в известность Хотского!

Усмешка барона, насторожила молчаливого больше, чем что-либо другое, он подался вперед и заверил рыком через крепко сжатые зубы:

«Клянусь, вы о ней не услышите!»

— А если я не соглашусь, что тогда? — забавляясь ситуацией, протянул Белый варвар.

«Вы отсюда не выйдите», — так же спокойно заверил его Лерф.

Стафорд тихо хохотнул, потер лицо и улыбнулся, глядя на порождение нежных рук Аришки. Надо же, а ведь раньше этот ошрамованный волк так же был предан барону Горы мог свернуть, лишь бы спасти его седую шкуру. А теперь готов свернуть ему, варвару, шею, лишь бы он не коснулся кареглазой малышки и ей не навредил. Прискорбно.

— Уж лучше бы и далее калекой был и сейчас не лез не в свое дело! — фыркнул глава белой стаи. — Встань.

Тот не сдвинулся с места и морду в полуобороте оскалил:

«Она спасла мне жизнь, я тоже самое сделаю для нее».

— Лерф, угомони свои инстинкты. Я обязан ей жизнью более двух раз и убивать, не намерен. — Произнес он жестко. — А теперь встань и объясни, что значат твои слова: «пока не поздно».

Благодать вокруг, но наслаждаться ею у меня сил нет. Иссякли. К дальним провинциям Адара наша процессия прибыли в обед, а потому в сказочном подлеске устроили привал, точно рассчитав, что ночью уже будем во дворце. Красота. Осеннее золото блещет на фоне свинцового неба и красные цветущие богуллии раскрывшимися маковками реют на ветру. Ветер холодный завывает в вершинах осин, птицы переговариваются тревожно, ожидают ночью грозу, а следом за ней коварный мороз. Знаменательная особенность здешней природы, напугать сухой грозой и морозом ударить поутру. И дня не пройдет деревья сбросят листву окончательно, оголив темные ветки и единственным украшением столицы останутся черепичные красные крыши и очаровательные резные башенки.

В первый раз, когда я приезжала сюда, мне было лет десять, а может быть и меньше, и башенки с вылепленными на них людьми запомнились ярко. Каждый раз, когда отец брал меня с собой в столицу, я с нетерпением ждала, когда же на горизонте появятся первые шпильки. Радостным было это ожидание, восхитительным. Но вот сейчас, закутавшись в шкуру, я грелась у костра и с тоской смотрела на далекие стены Адара.

Не хочу туда ехать, не хочу...

— Тоскуешь по дому? — рядом присел Увыр, он подал мне чашу с яблочным соком и хитро прищурился: — Или боишься чего-то?

— Опасаюсь неизвестности, — поблагодарила за напиток. Пить, впрочем, как и есть мне совсем не хотелось, зато руки погрею. И я обняла ладонями чашку, стараясь унять внутреннюю дрожь и тревогу.

— И не дрожи. Твоя участь решена.

— С чего ты взял?

— Это видно в каждом взгляде барона, брошенном на тебя.

— В каждом... — повторила тихо и потупилась.

— Знаешь ли, Таис поначалу на меня смотрела так же, как варвар на тебя, вот только сейчас присмирела, успокоилась...

Да с Вильмой ему повезло. Нашли друг друга два воителя, и даже не скажешь, что поначалу бесека передергивало от одного лишь упоминания о совместных прогулках по осенним просторам. Вот только ошибается Хотский относительно Стафорда. Взгляды баронки бросает хмурые, с еле сдерживаемым раздражением или же упреком. Словно бы знает, почему я к нему подходить не хочу и, глядя на шпили столицы, тоскую.

— А еще Лерф на тебя волком смотрит, и не от того, что сам он оборотень.

От упоминания молчаливого, вздрогнула и оглянулась, увидеть его не увидела, но насторожилась:

— А его интереса я и не заметила.

— Не мудрено, он все время позади тебя держится, — Увыр с улыбкой похлопал меня по плечу. — Барон тебя в обиду не даст, но я все же, спрошу: Ариш, ты им случаем волчьей ягоды никуда не подсыпала или как?

Все! Если он смотрит на меня исподтишка, так что бесеки замечают, надо рассказать. Надо подойти и рассказать все до последнего слова. Поведать о договоре с мертвецом и своем условии, а еще от нас обоих попросить помощи. Или для начала попросить прощения?

Веселый голос наемника вырвал меня из размышлений:

— Не хочешь сознаваться? Так и скажи, подсыпала, но не признаюсь...

— Увыр, прости, я не в настроении шутить. Скажи прямо, что не так?

— Они от тебя не отходят далее чем на десять шагов. Как в танце. Если одному нужно уехать, к тебе приближается второй, и наоборот. — Горный наемник потер колючий подбородок, хмыкнул глумливо. — Танцоры...

— Сторожат, — поняла я.

— И еще оба напрягаются, если кто-то подходит. Вот и я чуть ногу не сломал от такого-то внимания. А сейчас спиной чувствую, как во мне дыру прожигают. Глазищи не прищуривай, правду говорю.

Улыбнулась:

— Держись, ты же наемник.

— И держусь, но пожаловаться сестренке можно, — подмигнул.

— Можно, — решительно вернула ему чашу и поднялась.

Если взглядами прожигают, несомненно, о чем-то догадываются. Чувствуют, они же оборотни. Боже, как страшно! Ведь с одержимыми у них разговор короткий, но честный. Смерть без мучений, и все на том. Так что ждать приезда в столицу смысла больше нет, или я от волнения умру, или они убьют учуяв отголоски Наз Заваяя.

Он стоял в отдалении на скалистом обрыве, подставив лицо холодным ветрам, волевой и одинокий. Как шла к нему, плавно огибая камни и кусты, не помню, волновалась, а взяла Стафа за руку и успокоилась. Он не оборачиваясь, меня узнал, сжал ладошку, спросил глухо:

— Что случилось?

Возможно ли, чтобы с его голосом в мир окружающий меня ворвался запах осени, а в небе меж тяжелых облаков горящим росчерком мелькнул солнечный луч. Громче зашумела все еще золотая листва леса, что разросся под скалой, и дышать стало намного легче на ставшем сильнее ветру.

— Я должна с тобой поговорить.

— Слушаю.

Всего одно слово и дрожь, утихшая во мне, опять взбунтовалась, пропуская в сердце холод. Я выдернула руку из его пальцев и зажмурилась, прошептав:

— Только дай вначале слово, что не будешь рычать, распускать руки и...

— Глаза открой и посмотри на меня, — потребовал оборотень. Неохотно повиновалась. Он стал к обрыву спиной, защищая от ветра, и заложив руки за спину, буравил черным тяжелым взглядом: — А теперь повтори все то, что ты сказала.

Повторила, неловко уточнив в конце: — И не будешь перебивать, пока я не завершу...

— Сказку? — дернул уголок губ, прищурился.

— Пока я не перестану говорить, — пролепетала совсем тихо, но он услышал.

— Допустим, я дам тебе слово и соглашусь, — барон поджал губы и помедлил, прежде чем огоршить вопросом: — Но кого из вас услышу?

От неожиданности отпустила шкуру, в которую куталась до сих пор, но соскальзывая вниз, она не достигла земли. Горячие руки оборотня схватили накидку, а вместе с ней и мои плечи. Он наклонился вперед, чтобы почти прорычать в мое лицо:

— Но больше всего мне интересно знать, кто из вас вчера был в той проклятой кровати?

От страха опять съежилась:

— Я была! И чуточку... он.

В ответ отрешенное молчание, тяжелое и грозное.

Молчания я боюсь с детства. Отец молчал лишь, когда злился. В это время он метал ножи в стену до тех пор, пока лезвия не выстроятся в идеально ровную вертикальную линию, а жизнерадостность не вернется к нему. Поэтому звук ножа летящего в цель, мне нравится, а вот молчание ненавижу... до дрожи. Наверное, еще и потому, что погрузилась в него с головой после похорон, в прошлую осень.

— Стаф, не молчи, прошу.

— Я слов не нахожу, Ар-р-риша.

В голову ничего другого не пришло, как предложить срывающимся голосом:

— По-о-ойдем, по-о-о-ищем?

— Нет.

И как за плечи держал, так и поднял, понес в сторону от обрыва к ближайшему раскидистому дереву. К стволу припер, словно безвольную куклу и потребовал рыком:

— Рассказывай! Что значит: «И немного он»? Ты впустила некроманта в себя? Я не с тобой разговаривал? — и с каждым вопросом его голос становится все более резким, хлестким. Неожиданно вспомнились его пощечины. Да уж, лучше бы молчал.

— Стаф, не кричи... Со мной, он был всего лишь незримым наблюдателем. Я разрешила, потому что он требовал доказательств твоей, твоей... сдержанности.

— Как у тебя ума хватило соглашаться?!

— Не рычи!

А вслед за моим требованием раздался звук удара и сухой треск грозы. И то ли гром в небе разразился, то ли молния ударила в скалу рядом с нами, но она осыпается, и Стафорд скривившись, отряхивает каменную крошку с рукава.

— Не рычу, — сквозь сжатые зубы сообщил он и, дернув рубашку на шее, порвал ворот. Вдохнул свободнее: — И очень внимательно слушаю.

Он-то может и слушает, но я уже боюсь говорить. И пусть рядом с ним тревога прошла, но ощущение неизбежного остается. Боже, если останусь жива, после того, как обо всем

поведаю Стафорду, дай ему сил не убивать меня, умоляю.

— Он появился, стоило тебе всего лишь выйти из комнаты...

Я смотрела в сторону, боясь столкнуться взглядом с тем Белым варваром, каким я узнала его год назад. Суровый холодный, жесткий, насмешливый и слишком зверь, чтобы с ним открыто говорить о проблемах.

— К себе в грот Наз Завай не призывал, окликнул из тумана по имени и поздравил с хорошим выбором волка. Назвал тебя пронизательным зверюгой и хитрым ловкачом. Как оказалось в тот день мы, проскочили три ловушки и не столкнулись со стаей оборотней одиночек, которых Густав Огюро подрядил на наши поиски.

— Мне донесли об этом, — хмуро сообщил барон.

— Он так и предполагал, похвалил даже... — голос мой осип, и я с трудом прошептала: — Но сказал, что в следующую встречу с герцогом ты не выживешь. Что у него осколок вашей серой стаи.

— Осколок?

— Да, деталь, — я украдкой стерла слезу-предательницу, — как у Гессбойро, за каждой разъемной деталью закреплен альфа, а через него и все собратья... Но дело не в этом. Ты сильный, и пусть Лерф с моей настойкой почти вернул себя к жизни, ты под действием реликвии уничтожишь и его и меня и не только... — вздрогнула, вспомнив слова мертвеца в самых ужасных деталях, и прикусила губу. — Принесешь Гессбойро и черный клинок хохозя... ему, то есть...

Все-таки всхлипнула, и тут же прижала ладошку к губам, зажмурилась, чтоб не разреветься.

— Я понял. Он в деталях рассказал тебе о последствиях моего подчинения. — Теплые чуть шершавые пальцы скользнули по моей щеке, стирая еще одну предательницу. Голос Стафорда прозвучал надо мной тихо: — Что он предложил?

— По-помочь... я ему, он мне.

— Дай подумать, — горько произнес барон, словно по нотам раскладывая наш с некромантом диалог: — Он хочет расквитаться с герцогом Равии, а ты сохранить жизнь мне и не только мне... Враг у вас один. Некромант знает все ходы герцога, но в бестелесной форме мстить не может. Нужна оболочка, лучше всего меченная, потому что он привязан.

Кивнула, все так же, не открывая глаз.

— И лучше всего подходишь ты... — горячее дыхание оборотня коснулось моего лба. — И ты согласилась, потому что, с его слов, выхода у тебя не было.

— Да, почти так... — всхлипнула еще раз, и руки Стафорда обвили меня, отрывая от дерева.

— Тихо не плачь. Он хорошо разыграл карты, Ариша. Но плакать не стоит.

— Я ... я понимаю, что он давил на жалость.

— На самоотверженность. Ты не из жалостливых, особенно если раненных нужно спасти. — Улыбнулся, и это отразилось в голосе. — Я знаю.

— Стаф, я не настолько глу..., то есть... — подняла лицо к нему, прошептала, глядя в черный прищур, — я согласилась предоставить оболочку, при условии, что ты все время будешь рядом.

— И он потребовал доказательств волчьей сдержанности, — припомнил барон мое объяснение. — И если ты сейчас все это рассказываешь, выходит, испытание я прошел.

Кивнула.

— Кто из вас предложил тему эксперимента, ты или он?

Смутилась. А оборотень, проницательно посмотрев на меня, улыбнулся:

— Десятилетия прошли, а интерес к мирским страстям из Наз Завайя все еще не выветрился. — И в том же тоне, как бы, между прочим, заметил: — А ты даже не понимаешь что натворила...

Попыталась ответить, но он приложил палец к моим губам, попросил:

— Помолчи. Самое страшное, что могло бы случиться при моей встрече с Огюро, так это моя потеря ипостаси или же смерть. Тш-ш-ш-ш... — он стер мои слезы, мягко касаясь скулы. — Смерть одного оборотня.

Замотала головой, отрицая такую возможность, но он лишь улыбнулся, глядя в мои глаза:

— Оставим его неопределенным, безымянным. Запомним количество: всего один оборотень. А теперь скажи, скольких может убить одержимый правителем Тардема. Тут главное не забывать, кем при жизни был этот мерзавец.

Я дрогнула, библиотеки в Оранте полны ужасами его развлечений, а личный дневник пестрит заметками об опытах и экспериментах. Боже правый, и я согласилась отдать тело ему, ничтожеству, которое мечтает о мести!

— Счет пойдет не на десятки сотен, а на десятки тысяч... — подтвердил мои мысли Стафорд. — Поэтому с момента крушения империи меченных убивают, до того как они станут одержимы, до того, как согласятся тело... одолжить. — Хмыкнул, произнес последнее слово, и крепко прижал меня к себе, прошептал в макушку: — А теперь скажи мне, если он решится мстить не только Равийскому ублюдку, как я смогу уничтожить тебя, Ариша?

— Вариантов множество, — ответила, копируя его же тон.

— Да неужели? — неприкрытая ирония в голосе барона звучала до обидного грубо.

Вырвалась из его рук, фыркнула:

— Если не хочешь руки пачкать, сбрось со скалы, столкни в реку или ядом напои и... — посмотрела в черные глаза оборотня, заявляя: — Я даже склянку оставлю!

А вслед за моими словами прозвучал удар и сухой треск дерева стоящего за моей спиной дополняется шелестом листьев, что, как золотые монеты посыпались вниз.

— Глупышка, — Стафорд стряхивает с меня листву и наклоняется к самым губам: — Подумай на досуге о том, что ради тебя я пойду на все.

— Не правда!

— А Наз Завайя убедился в этом прошлой ночью, — произнес с укором, — и теперь ему не нужен какой-то там осколок, чтобы с потрохами получить меня.

— Я... я...

— Не веришь, — он мягко улыбнулся, — я тоже не верил до последнего.

Поцелуй горячий и горький, как полынная настойка, был вознаграждением за храбрость и наказанием за глупость. И я ловила его дыхание, стискивая руки в кулаки, из последних сил сдерживая подступившие слезы. Поздно, слишком поздно, плакать нельзя, но невозможно сдержаться.

Белый варвар отступил, тяжело дыша, аккуратно заправил прядку за мое алеющее, ушко. Держит, чтобы не упала на ослабевших ногах, защищает от ветра, но в глаза уже не смотрит, куда угодно, только не в глаза.

— Прости меня, — вот и все, что удалось произнести срывающимся сиплым голосом,

пока я стирала непрошенные слезы.

— Ты не виновата, — Стафорд зажмурился, вздохнул, чуть поморщившись, отошел и приказал: — Собирайся, мы выезжаем.

Больно, не то слово, а он пусть и не называет виноватой, но сейчас не смотрит на меня. Пытается сдержаться? Не хочет, чтобы я видела осуждение в его глазах? Или начинает искренне меня ненавидеть за опрометчивый шаг? Грудь обожгло огнем, а взгляд заволочло полупрозрачным туманом. Хотела уйти, ничего не говоря. Хотела, чтобы не понял, как сейчас ранил своей оскорбленной отстраненностью и непониманием слов между строк.

Но поравнявшись с ним, вот таким застывшим в молчании, все-таки сказала:

— Стаф, я поняла, что ты сделаешь все ради одной определенной лекарки, — последние слова прошептала почти и крепче сжала руки: — Но и ты осознай, ради одного определенного оборотня, эта лекарка уже пошла на все...

— Ариш...

Он резко обернулся, попытался заступить дорогу, но я не позволила. Юркнув в сторону от рук оборотня, ушла со словами:

— Да-да, помню, пора собираться.

И пока забирала сумку, позабыв про брошенную под деревом шкуру, туманная дымка перед моими глазами стала плотнее. Под кожей расползся холод, а вслед за ним появился сердитый голос мертвеца:

«Недоверчивый сучий потрох! Не слушай его, Ариша, я...»

«Помолчите. Я не в силах пререкаться с вами, а тем более слушать. — Он промолчал обиженно фыркнув, и я спросила: — Когда ждать прибытия герцога Равии ко двору короля?»

«Через четыре дня, утром».

«Что ж в таком случае, жду вас к этому времени. А до тех пор попрошу не появляться».

«Жаль» — протянул некромант, ведь тебе может потребоваться моя помощь.

На мгновение остановилась, как вкопанная, и, разозлившись, мысленно огрызнулась:

«Уверена, вы найдете способ, чтобы уберечь свою оболочку!»

«Неблагодарная» — пробурчал Наз Завай.

«Убирайтесь...»

Дерек ворвался в столовую для дворцовых слуг Его Высочества и замер, заметив, оборотня, распугавшего всю прислугу. Узнав в сгорбленной фигуре лучшего друга и барона по совместительству, он чертыхнулся. Плотнo закрыл за собой двери и ринулся к варвару, перемежая рассерженное шипение черными проклятиями на его дурную голову.

— Стафорд, что между вами двумя происходит?

— А что не так? — он оторвался от бутылки увитой тонкой лозой, и скосил глаза на светлоголового оборотня. — Я завтракаю...

— Ты пьешь, застряв в полуобороте, а Ариша с ночи так и не отрывается от некромантского сундука!

— Ничего, ей полезно загрузить чем-то голову.

Дерек удивленно вскинул брови, а затем хитро прищурился:

— Хм, она тоже самое сказала, насчет твоего желудка.

— Поясни...

Лис одетый, как франт в бархат и шелк, медленно поправил манжеты и, отступив от главы белой стаи, ехидно поинтересовался:

— Тебе с подробностями или как?

Но тот ничего не прорычав, не запустив бутылку и даже не дернувшись в сторону друга, беззлобно поинтересовался:

— А есть различие?

— Ну..., - Лис с осуждением наблюдал за тем, как варвар приложился к бутылки и сделала несколько глотков, — если вдаваться в подробности, она разрешила тебе пить следующие три дня, чтобы так сказать освободить голову.

— Разрешила... — скривился, как от большого зуба: — И откуда у нее такие сроки?

— Приезд Огюро назначен на четвертый день, утром. И она исчезнет. — Дерек обиженно поджал губы, нахмурился: — Последнее, к слову, даже не пояснила. Просто отослала меня.

— Три дня... — барон сжал зубы и, откинув голову назад. — Всего три дня.

— Что значит всего? — насторожился Лис, еще немного отступив, чтобы не заляпать брюки, потому что бутылка в руке Белого варвара, с хрустом покрылась трещинами и дала течь. — Она куда-то опять уезжает? Ты отпускаешь ее? Стафорд?

— Да? — ответил невпопад, вновь думая о схожести поступков кареглазой и Тери. Все решили без него, да так, что не исправить. — Я здесь...

Светлоголовый оборотень раздраженно фыркнул:

— Ты может быть и здесь, а вот Ариша скоро преставится. Она отказывается от еды и воды, ей жарко, сидит с открытыми окнами и...

Не договорил, бутылка разбилась перед его туфлями, забрызгав костюм терпким вином, а барона и след исчез, лишь двери, сорванные им с петель, с грохотом рухнули на пол. Останься глава стаи хоть на мгновение он бы услышал довольный счастливый вздох хитрюги:

— Соврал всего ничего, но хоть один пошел на сближение...

— Ариша? — Саир позвал тихо, напоминая, что надо бы остановиться и пойти поспать.

— Еще немного...

— Не затягивай, — сказал со вздохом и опять ушел к себе.

Он прав, с момента нашего приезда глубокой ночью прошло семь долгих часов. Дворец давно проснулся и наполнился звуками, слуги забегали по этажам, разнося завтраки, сменяя постельное белье и помогая одеться привилегированным особам. Тем, кто не отходил ко сну по тем или иным причинам, я бы пожелала забыться хоть на час, но сама засыпать боюсь. Вдруг некромант не сдержит слово и тогда...

А ведь я до сих пор не нашла на него управы. Все время кто-нибудь от поисков да отрывает. Братья близнецы Ирт и Лер на поздний ужин спуститься вниз предлагали, молчаливый Лерф мне ужин в тайный кабинет принес, Тарон и Аго заходили дважды, просто узнать, как дела, но больше всех исхитрился отрывать непоседа Лис. Из-за него я и десятой части книг не просмотрела, но, к сожалению, и в них ничего не нашла.

Страшно и горько.

Стафорд прав, нельзя Наз Завайю верить, но и не поверить я тогда не могла. И вот теперь сижу в библиотеке при настезь открытых окнах, на ковре в окружении книг, глаза пекут, руки не слушаются, и дрожь во всем теле говорит не столько о холоде, сколько об усталости. Уйти не решаюсь, вдруг сейчас в следующей книге... Тянусь к ближайшему тому в темной обложке из дерева, он тяжелый, пахнет плесенью, листы белые как снег, а строчки, словно бы кровью выведены, горят. Двух листов прочитать не успела, как меня опять потревожили, но не словом, прикосновением.

Теплые чуть шершавые пальцы коснулись шеи, соскользнули на плечо, погладили.

— Еще немного, пожалуйста...

Смешок, и пальцы исчезли, но появилось окружившее меня тепло. Стафорд. Кто еще посмел бы сесть так, чтобы бедра к бедрам, мощная грудь к моей спине, руки вокруг талии и нос, сопящий в шею. Уютно.

— Пусти.

Но меня прижали сильнее.

— Пусти, пожалуйста...

— Не пущу, — сухие губы прошлись от шеи к плечу.

— Хватку ослабь хотя бы.

— Зачем? — запах вина окутал виноградной терпкостью. — Я не хочу..., и ты... сиди смирно. Читай. Вон сколько книг...

— Но...

А он носом уткнулся в мой затылок, выдохнул медленно и, нехотя, ослабил объятия:

— Делай что хочешь, только не отстраняйся. Я устал... без тебя.

От дыхания его дрожь прошла по телу, а вслед за ней щеки опалило жаром. Боже правый, а сама сказать не смогу, как мне его не хватало. В руках его повернулась, на бедро села и прижалась к могучей груди оборотня крепко-крепко.

— Прости меня...

— Давно простил, — прошептал барон, сжимая сильнее.

И я шепчу в его шею, касаясь губами кожи, непрестанно поглаживая его по плечам, чтобы не злился и не шипел раздраженно.

— Стаф, я подготовлю все сведения об одержимости, добуду все нюансы об отпущении некроманта, постараюсь уменьшить все возможные последствия и раскрыть его ходы наперед. Чтобы... чтобы... если он все-таки...

— Не реви... — прохрипел оборотень.

— Не смей запрещать, — а он рукой предупреждающе, сжал меня пониже спины, — и руку убери!

— Хорошо, реветь разрешаю, — сжимать перестал, но руки своей от меня не отлепил. Замер, и сердце его застучало неровно, — ...если пообещаешь мне ночь нежности, взамен всех твоих слез, — горячее дыхание опалило ушко.

— Что? — ослышалась, наверное.

— Одна ночь со мной после всего, и можешь сейчас реветь сколько душе угодно. Я стерплю.

И лизнул? Или мне показалось, что он языком коснулся и без того уже красного ушка. Шутит. Отстранилась, посмотрела в черные искрящиеся глаза оборотня, утонула в них, почти. Вином пусть от него и пахнет, но он не пьян совсем. Взгляд трезвый на губах кривая ухмылка; такая может за доли секунды перерасти в ехидный оскал или широкую улыбку, от которой сердце останавливается, а затем устремляется вскачь.

— Прощая ставка была меньше, — заметила я, вытерев мокрые следы со щек. Слезы от удивления закончились, появилось смущенное недоверие. Как он может шутить на такую тему?

— Так и обстоятельства изменились, — Стафорд плавно поднялся вместе со мной на руках и вышел из кабинета, через тайный проход. В узком коридоре было холодно и темно, наверное, я поэтому спросила с дрожью в голосе, а не с ехидными нотками:

— Те-те-б-бе только тело нужно, а душу получить не хочешь?

— Ну, — он свернул вправо и начал подъем по узкой лесенке, — если я душу из тела за ночь не выбью, возьму и ее.

— Вот тебе и ночь нежности... — возмущенно фыркнула: — Бить будешь?

— Хм, может быть, отшлепаю за своеволие.

Он прекратил подъем, толкнул маленькую дверцу и, пригнувшись немного, внес меня в светлую спальню под крышей, какие во дворце выдают слугам. Оборотень оглянулся и увиденным остался доволен. То, что это не моя спальня я заметила, но не сказала, сейчас другой вопрос все мысли занимал:

— Так я же извинилась! А ты давно простил.

Борон меня на пол поставил, спиной повернул и взялся за пуговицы лекарского платья, с такой уверенной легкостью, словно бы тысячу раз раздевал. Хотела в сторону шагнуть, так он не позволил, на место вернул и продолжил разоблачать:

— Простил, но руки у меня все еще чешутся, и желание есть неумное.

— Какое-какое? — платье соскользнуло с плеч, и я ошеломленная осталась в одной лишь нижней рубашке.

— Простое, чтоб ты дней десять сидеть не могла, — разул и, не вставая с колен, за руки взял, спросил серьезно: — Есть хочешь?

— Нет, — гляжу в его глаза, встревоженные, на отросшие локоны, что скрывают лоб, плотно сжатые губы и линию подбородка, и возмущение само собой как-то прошло. Растаяло.

— Пить?

— Тоже нет.

— Ну, тогда спать... — улыбнулся.

Пискнуть не успела, оказалась на одной кровати с Белым варваром, прижатая к могучей

груди и укрытая одеялом, до самого подбородка. Возмутиться бы, напомнить, как обидел, а после приезда во дворец пить пошел, но сил на разговоры уже нет. Тепло под его боком, спокойно и усталость переживаний вцепилась в меня мертвой хваткой, нагоняя сонливость.

— А ты не уйдешь? — спросила с зевком, еле слышно.

— Не дождешься. Я здесь сейчас свой талисман от замерзания стерегу, — весело заявил Стафорд.

— Как это?

— Тут ни камина, ни печки, если я уйду, заболеешь.

— Все продумал, чтоб не прогнала? — догадливо спросила я, он лишь прижал к себе сильнее. А мне ответа не нужно, и так решила пойти на уступку: — Тогда... до.

Насторожился.

— Что «до»?

— Ночь нежности, — прошептала с улыбкой.

— Ариша, повтори? — не попросил, в руках своих сжал и потребовал.

— Ночь устроить нужно до того, как Наз Завай получит мое тело, — и почти засыпая, произнесла: — Иначе, не представляю, как ты с него мой долг стребуешь...

Провалившись в сон, услышала грозное возмущение:

— Ну, Ариша... дождешься ты у меня!

Проснулась в темноте и некоторое время неподвижно лежала, прислушиваясь к себе и оборотню, обнимающему меня рукой. Тепло, тихо и так спокойно, что отстраняться от него желания нет. Но надо. Если некромант из подчинения вырвется и мое тело себе заберет окончательно, никому пощады не будет. И пока время есть, нужно подготовиться, нужно все сведения собрать.

Из-под руки Стафорда выбралась с трудом минуты через три, но отползти так и не успела.

— Куда? — смеющийся шепот, и я оказалась прижатой к постели.

— В кабинет... к книгам...

— Зачем? — и горячее дыхание поднимается от ключиц вверх по моей шее.

Ясно стало, уж если я к книгам добраться хочу, то стоит его отвлечь немедленно. Но, Боже правый, если он напомним о нашем уговоре, я со стыда сгорю. Это же надо — пошутила на тему неприличную. Судорожно выдохнула и прикусила губу, хотя шутками и не пахло, скорее уж мечтами. Несбыточными. Вспомнилось, как повитуха Ирия сетовала, что он себе пару все не найдет, а потом разговор между черными оборотнями, когда я висела на скале и слова Дерека в памяти всплыли, о том, что барону сложно верить женщинам после некоей особы. А еще некромант предложил спросить...

Судя по ощущениям, лицо оборотня было как раз напротив моего, и я губами чувствовала его тяжелое дыхание. Если замешкаюсь, то будет поздно, и к книгам я не доберусь. Сухие губы облизала и, кажется, языком коснулась и его. Он замер, а я так совсем дышать перестала. Что же делать теперь?

— Стаф, а кто такая Тери?

Выдохнул резко, вначале на руках надо мной поднялся, а затем и вовсе с кровати вскочил. В молчании постоял неподвижно несколько мгновений и заметался по комнате, собирая свои вещи.

— Стафорд?

Остановился, как вкопанный, рыкнул злобно:

— Ты вроде бы к книгам хотела... так иди.

Дверь за ним закрылась с грохотом. И в коридорах дворца послышались перепуганные вскрики прислуги. Разозлился.

Я успела заправить кровать, одеться и уже обувалась, когда в комнату постучали, и девушка из прислуги предложила сопроводить меня в гостевые апартаменты:

— Ужин подан в комнаты, ванная наполнена горячей водой, новая одежда для вас уже приготовлена. Со всеми поручениями, обращайтесь ко мне. Меня зовут Гленда. — Произнеся это, она присела, потупив взор.

Я улыбнулась:

— Легкий перекус и большой чайник кипятка принеси в библиотеку. За ванную спасибо, но времени у меня на нее нет. И обращай на «ты», зови Аришей.

— А... платье сменить? И волосы? — девушка удивленно вскинула брови.

— Потом, а сейчас беги.

Она вышла, а я, прощупав стену, нашла и толкнула потайную дверь. Поворот, спуск по лестнице, еще поворот. Когда я ворвалась в тайный кабинет, в библиотеке смежной с ним

велись не шуточные рычащие споры:

— ... да не рассказывал я ей ничего!

— Врешь!

Рык Белого варвара заставил меня устремиться к дверям и толкнуть створку:

— Отпусти его.

Всклопоченный Дерек, явно только что выдернутый из кровати, а теперь за шею удерживаемый бароном скосил глаза в мою сторону.

— А вот и камень преткновения, — прошептал он, — привет, Аришка. Был бы волен, — здесь он криво улыбнулся, бровями указав на рычащего Стафорда, — я бы тебя обнял.

— Лучше расскажи, кто такая Тери, и почему он вспылит, когда я спросила?

Лис просиял, обращаясь к барону:

— Вот, слышал? Я ей ничего о твоих женщинах не говорил!

— Женщинах? — я удивленно вскинула брови, улыбчивый Дерек зажмурился, явно ожидая удара, а Белый варвар издал такой рык, о которого мурашки пошли по коже.

— Стафорд! — окрикнула сердито. — Прекрати немедленно! Такое ощущение, что я тебя о леди Сивер спросила...

В библиотеке повисло тяжелое молчание, и оборотни удивленно застыли, глядя на меня.

— А знаешь ли, после всех рассказов Наз Заваяя спросить хотелось, невероятно, что же ты меня немощью называл, когда сам влюблен был в человека. Обиду и злость срывал? Старался сохранить привязанность в тайне? Не показать собственных чувств?

В дверь постучали. Я шумно выдохнула и направилась открыть. На пороге в библиотеку стояла перепуганная Гленда, с едой и чаем для меня. Посмотрев на оборотней, она тихо ойкнула и чуть не обронила поднос. Его пришлось забрать.

— Спасибо, на сегодня ты мне более не понадобишься. Спокойной ночи.

— Спокойной... — девушка юркнула в спасительную темноту коридора. И вскоре послышались ее шаги, не уходящие, а убегающие куда подальше от библиотеки.

— Что ж, — я обернулась к молчаливо застывшей композиции «Стафорд удерживающий Дерек за шею на весу» произнесла, — у тебя это получилось. Ты заработал звание жесткого и волевого оборотня, на дух непереносящего все людское племя. И я бы поняла твое нежелание говорить о леди Сивер, но причем здесь какая-то Тери?

Глава белой стаи зажмурился и сжал челюсти так, что на его скулах заходили желваки. А оборотень-хитрюга наоборот, просиял одной из самых ярких своих улыбок. Кажется даже прошептал губами: «Умница! Так его...»

— Как я понимаю, она тоже женщина. И если подумать, всего лишь, человек, немощь, как ты сам любишь говорить. Но из-за нее ты нарычал на меня, и чуть не придушил Дерек... — я грохнула поднос на стол, и уперла руки в боки. — И отпусти его наконец-то. Если бы он знал, что значит быть твоим другом, вряд ли бы подписался на такую участь.

Под моим возмущенным взглядом варвар медленно разжал пальцы на шее оборотня, опустил его на пол, затем даже рубашку на нем машинально оправил и пару пуговиц застегнул. Не знаю, кто из нас больше этому удивился, я или Лис, но он пришел в себя быстрее и, подмигнув мне, скрылся за дверью, тихонько ее притворив. А я, столкнувшись с черным взглядом варвара, поняла, что хочу последовать примеру светлоголового оборотня и громко сглотнув, устремилась в тайный кабинет.

Добежать не успела, Стафорд преградил мне путь рукой у самой двери:

— Извини за рык... — он несколько мгновений молчал, прежде чем огорошить меня своим признанием, — и чтоб более путаницы не было, леди Сивер и есть Тери...

Холодок от неприятного открытия прошелся вдоль моей спины, заставив стать дыбом волосы на затылке. Конечно, это все объясняет, но что же делать теперь? По сути, если я оправдала его реакцию с именем леди Сивер, то и эту вспышку должна бы понять.

— Прости, я не знала... — и прежде чем он успел, что-либо сделать или сказать, я юркнула в тайную комнату, обронив на ходу. — Поужинаешь со мной, да?

Дверь закрылась, отрезая меня от главы белой стаи и его протяжного вздоха.

Кажется, все обошлось.

Он пришел через полчаса. Явно после ванной, переодетый, отутюженный, накрахмаленный; в черном жакете и брюках, белой рубашке, но без шейного платка. Зато с черной атласной ленточкой, стягивающей волнистые волосы в хвост. Вошел уверенно и легко, с подносом, вдвое превосходящим первое наполнение.

Отстраненно подумала о том, как хорошо, что в кабинете осталась моя сумка, а вместе с ней настойка для кожи лица и рук, гребень и пара лент. И на фоне барона я похожа на человека, а не на чучело.

— Куда? — спросил он, замешкавшись, потому что в кабинете я абсолютно на всех поверхностях разложила книги и свитки из некромантского сундука.

— Сюда, — сдвинула пару стопок, рядом с собой и сев на ноги, освободила место для подноса и Стафорда.

— Опять на полу? Да еще с открытыми окнами. — Он недовольно прищурился.

— Мне жарко.

Кивнул, согласившись с моим доводом, и, положив поднос рядом со мной, пообещал:

— Сейчас остынешь.

Я не увидела, как он пролетел вдоль окон, а затем сел рядом, просто неожиданно оказалась у него на коленях, в комнате с наглухо закрытыми окнами. Оборотень легко забрал из моих рук книгу и перо, приказав коротко:

— Ужинать.

— На твоих коленях? — изумилась тихо.

— Я не со своих колен есть предложил, — фыркнул он, и приобняв меня рукой, подал тарелку с отварной курятиной. — И сиди, где сидишь. Пока я рядом твой жар определенно должен спадать.

Я это уже почувствовала. Камин здесь не топили, а холод от пола уже подобрался ко мне, и единственным источником тепла стал ворчащий оборотень. Но это еще не повод все время прижиматься к нему, а тем более ужинать сидя на его коленях. Из всех возможных доводов для «раздельного питания» привела единственный необидный:

— Но ты-то нормально поесть не сможешь.

— Покормишь, — улыбнулся он хитро.

Покормила, почти что с рук, бледнея, краснея и вздрагивая, когда оборотень с явным удовольствием тянулся слизнуть с моих рук каплю сока или соуса. Просто смахнуть их губами у него не получалось, обязательно целовал или прикусывал кожу невинно взирая на меня.

— Стафорд, прекрати, — взмолилась я, когда ужин подошел к концу, и в моих руках оказалось блюдо с пьяной вишней и кусочками груши в меду.

— Не хочешь сладкого? — изумился он наигранно.

— Не хочу.

— А я очень, — даже облизнулся охальник, глядя отнюдь не на фрукты, а значительно выше. Кровь прилила к щекам и шее, вот же... варвар!

— Тогда держи блюдо и отпусти меня, — и пока он ставил блюдо на поднос, я попыталась встать.

Не пустил, мягко и крепко прижав меня рукой к себе, потребовал:

— Один поцелуй и будешь свободна.

— Это шантаж! — сложила руки на груди и возмущенно обернулась:

— Это десерт, своеобразный, — просиял он и, наклонившись ко мне, прошептал: — А впрочем, называй, как хочешь...

Я помнила его звериный поцелуй, после которого еще две ночи просыпалась в холодном поту, помнила и то, как сама его целовала невинно и дерзко с разницей в несколько месяцев, но сейчас... Сейчас я попросту растеряла весь воинственный запал, подчиняясь его неторопливому смакованию моих губ. Он, прикрыв глаза, словно бы наслаждался, а я восхищенно замерла, боясь спугнуть мгновения учтивой нежности, на которую барон, как оказалось, был способен.

Через минуту, показавшуюся мигом, Стафорд медленно отстранился. Глаза его прищурились, улыбка тронула губы, и он разжал объятия:

— Спасибо, было вкусно. Больше не удерживаю.

Надо было бы слезть с него и отсесть, а еще промолчать. Надо было. Но первые два действия я исполнила, а вот третье не смогла. Его замечание относительно вкуса выбило меня из колеи. Возмутило.

— Стафорд, ты...!

Договорить не успела, как оказалась лежащей на спине, придавленная игриво скалящимся варваром:

— Я восторге от твоих губ, и согласен продолжить! — заверил он запальчиво.

Играет, поняла я, забавляется. И, несмотря на это понимание, просипела едва слышно:

— М-не, мне работать надо...

— Ну, как хочешь, — легко согласился он, — но если что зови. Я буду рядом.

Отстранился, помог мне сесть и, пригладив якобы возникшие складки на моем платье, собрал поднос и удалился. Думала, что он останется в смежной комнате, библиотеке, но нет. Пришел через несколько минут с большой вязанкой дров, растопил камин и, прихватив одну из книг некроманта, лег подле меня на ковер. Спросил невинно:

— Если я всхрапну, обижаться не будешь?

— Нет.

— А если использую твои ноги в качестве подушки? — хитро поинтересовался глава белой стаи, который сейчас более всего походил на проказника-мальчишку.

Я предпочла промолчать, а барону, по-видимому, ответа не требовалось. Не прошло и получаса, он по причине болей в плечах, переместил голову на мои колени, и затих. Думала, уснул. Ошиблась. Стоило потянуться за очередной книгой, так он сам ее сцапал и мне передал.

— Спасибо.

— Ноги не затекли? — спросил мужчина, встав и подбросив в камин пару поленьев.

— Нет, еще...

— Хорошо.

Варвар вернулся на ковер и «подушку», опять затих.

Ночь, потрескивает камин, в комнате тепло, пахнет сосновой смолой и книгами, а еще мылом, которым Стафорд пользовался и средством для натирания полов. Просматривая остатки прошлого величия и ума империи Тардем, я более не тяготилась чувством надвигающейся опасности и тщетностью поисков. Мне уютно и так спокойно, что за время возлежания оборотня на моих ногах, я просмотрела вдвое больше материалов, чем за прошлую ночь. И не заметила, как стянула с волос сына ночи черную ленточку и начала пропускать сквозь пальцы его темные локоны.

— Ариша, — позвал он хрипло и закашлялся, прочищая голос, — все остановись. Хватит.

— Что, хватит? — я удивленно замерла, — ты о книгах.

— ... о них, — нахмурился барон, который всего минуту назад, вроде как был всем доволен и даже не хмурился в привычной для себя манере. — И о них тоже. Скатившись с моих колен, он резко встал и протянул мне руку: — Все, спать!

— Но...

— Хорошо, разбужу в шесть утра, — раздраженно предложил он и, подхватив меня за талию, легко поднял. — Трех часов на сон тебе хватит?

— Вполне, — ответила я удивленная странной реакцией оборотня. Может за окном полнолуние и во дворце ему тяжело находится? Сейчас доставит меня в спальню и уйдет?

Но он повел себя иначе, с ликующей улыбкой поднял на руки и шагнул в тайную дверь.

— А камин!

— Потом вернусь и потушу, — пообещал барон, продолжая движение по темному коридору. Поворот, подъем по лестенке, еще поворот, и он внес меня в ту же комнату для прислуги.

— Здесь не топится, — заметила тихо: — Ты остаешься?

— Да, — ответил он, внимательно глядя в мои глаза. — А ты против?

И взгляд такой настороженный, что я улыбнулась:

— Нет.

— Тогда планы на вечер без изменений, — провозгласил барон.

Как же, без изменений. Раздел, так что пискнуть не успела, разул, на кровать уложил, сам, скинув сюртук и сапоги, устроился рядом и со словами: «Во избежание проблем», прикоснулся к шее.

А дальше тьма заволокла меня.

И появление тумана в этой темени меня напугало, душу холодом заволокло, изморозью прошлось по коже. И голос чуть скрипучий насмешливый раздался, словно бы издалека:

«Здравствуй, славненькая».

«Наз Завай? — от дрожи моих слов туман налился силой, стал плотнее. — Что вы тут делаете?»

«Преклоняюсь перед выдержкой твоего оборотня, Аришка! — рассмеялся он. — После всех откровений, волк оставил тебя в живых, да еще оберегает. Выходит, ставка на него была правильной».

Я не успела спросить, о чем говорит это сумасшедший мертвец, как некромант вновь презрительно зашипел:

«А ведь я вызывал тебя!»

«Это я заметила» — прошептала тихо, вспоминая о том жаре, что обволакивал меня в отсутствие Стафорда.

«Что же не откликнулась?»

«Надеялась, что вы вспомните о просьбе не появляться следующие четыре дня» — напомнила несмело. Чувствую, как леденеют пальцы, и сердце сжимается в груди.

«Хм... не забыл. Наоборот хотел предупредить!»

«О чем?»

«А ты догадайся...» — предложил он ехидно.

«Даже представить не могу, — мысленно развела руками. Кто ж его, сумасшедшего, поймет. — К тому же туман растворяется в черноте, и холод отступает. — Заметила я. — Быть может, сами подскажите?»

«Уже исчезает? А...», — протянул ехидно мертвец, — так это твой безмозглый пес, понял что натворил. Теперь вернуть тебя пытается. — И от него последовала усмешка и хриплое заверение: — Что ж не буду отрывать молодую от жизни. Но знай, Ариша, Густав Огюро придет раньше назначенного срока, а значит, и я раньше войду в свои права».

Туманная дымка растаяла, и последние слова я произнесла вслух:

«Когда его ждать?»

— Что ты сказала? — ошеломленный возглас Стафорда, прозвучал надо мной набатом и эхом раздался где-то в вышине. А вслед за ним стук капель по каменному полу и шипение воды, превратившейся в пар.

— Ариша, повтори, — попросил глава белой стаи, сжимая меня.

Чувствительность тела вернулась только сейчас, а ощущение нереальности осталось, иначе с чего бы рядом раздался веселый голос Дерека.

— Тебе разве это важно? Главное, очнулась.

— Это я уже понял, — рыкнул барон и потребовал: — Уйди...

— То есть, дальше сам? — поинтересоваться веселящийся Лис.

— Прочь.

От одного лишь тона я поежилась, представляю, какого взгляда удостоился баронов друг. Однако, он ничуть не опечалился, наоборот развеселился.

— Все! Ухожу...

Дверь грохнула, звонкие капли вновь разбились с задорным звуком «Шлеп-шлеп».

— Ариша? — мокрые ладони коснулись моего лба и щек. — Я по дыханию слышу, что ты уже очнулась. А теперь возвращайся сюда...

— Страшно, — ответила сиплым голосом и сильнее зажмурилась.

— Почему?

И столько неподдельного удивления в голосе, что я просто-таки не удержалась от шутиливой подколки:

— Если, ты так на Лиса орешь то, что же припасено для меня?

Вначале послышалось сдавленное: «Убью!», затем он рассмеялся тихо и так прижал меня к себе, что волей неволей пришлось раскрыть глаза и просипеть:

— Ослабь хватку, будь добр.

Хмыкнув, он повиновался и даже смешки прекратил. А я, несколько раз моргнула прежде, чем поняла, что это не в глазах моих темень, а вокруг темно. И лежу я в мокрой одежде на горячем каменном полу в объятиях варвара, а вокруг плещется вода и падают

капли. Насторожилась. Ведь, наличие такого количества воды, даже в самый сильный ливень совсем не свойственно комнате для слуг, что располагается под крышей

— Где мы? — спросила, накрыв ладошками мощные руки, обнимающие ласково.

— Поверь, тебе этого лучше не знать, — не поверила, повторила вопрос, и он со вздохом ответил: — В тюремных подвалах...

— В купальнях для узников?

Белый варвар хмыкнул и поднялся вместе со мною на руках, ответил:

— В камерах пыток, — я сжалась от ужаса, а он как ни в чем не бывало продолжил, — единственном месте, где ты не спалила бы никого.

Догадка пришла с опозданием:

— Я опять обожгла тебя?

— Нет, я вовремя спохватился. А, если и обожгла, то так мне и надо. — Оборотень, легко поднимаясь по лестнице в крошечной тьме, прижал меня крепче и горячо прошептал: — Прости. Мало того, что усypил, так еще и оставил...

— Надолго?

— От силы десять минут. Но ему хватило, чтобы переполошить весь дворец и напугать меня.

Напугать варвара? Я удивилась не на шутку, трудно даже представить, что могло его напугать?

— Стафорд, что произошло?

— Скажем так, принцу нужно в срочном порядке восстановить... мансарду, если он не хочет, чтобы, осенние дожди пробрались в королевские хоромы. Когда я вернулся с осмотра территории, ты горела, а накалившейся до треска комнате начинался пожар. Все что я успел так это облить тебя водой, и комната вспыхнула.

— То есть, сейчас, там наверху, пылает пожарище, а ты тут со мной? — тихо спросила я, гневно сдвинув брови. — Но кто спасает людей? Кто руководит тушением? И кто занимается пострадавшими...? — нервно прикусила губу. Вспомнила, с какой скоростью распространяется пламя по жилым комнатам, цепляясь за ткани обивки, пере подушек и перин, дерево на полах и стенах... Как быстро дым охватывает помещения и отравляет людей.

— Боже правый, пожар разгорелся ночью, выходит жертвы...! Сколько их, много?!

— Ариш, — барон остановился на мгновение и, коснувшись моего виска, губами, прошептал, — все это произошло три часа назад. Мои собратья все потушили, жертв нет, и обожглись разве что самые глупые недотепы, которые даже внятного рыка не понимают. — Он вынес меня на площадку, где было значительно светлее, отпустил на пол и прошептал, а теперь возьми плащ с вешалки и прикройся. А лучше всего вдень руки в рукава, и застегнись. — В голос его добавилась хрипотца и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: — Потому что в ходе забега из спальни сюда, от твоей одежды мало что осталось.

Недоверчиво вскинула брови, но за предметом одежды все же, потянулась. Пусть здесь и не так темно, как было на лестнице, но видеть себя явственно я не могла, разве что, широкую улыбку Стафорда, который в момент моего облачения не пожелал отвернуться. Может я не настолько огнем «раздета»?

Уже застегивая пуговицы плаща, подбитого мехом, неожиданно вспомнила:

— А в первый призыв я осталась в одежде после семи часов общения с Наз Заваем.

Стафорд хмыкнул и развел руками:

— Видишь ли, тогда рядом с тобой был многоопытный Лерф, а не перепуганный я.

Подхватив под руку, он вывел меня за дверь, аккуратным движением натянув глубокий капюшон на мою голову.

Мы оказались на одном из хозяйственных дворов, огражденном высоким каменным забором. Каменные плиты под ногами блестели водой, в воздухе витал запах гари, а за стенами конюшни, что стояла в дальнем углу двора, виднелись обгоревшие ребра, провалившейся крыши. Западное крыло дворцового комплекса лишилось не только мансарды, но и верхнего жилого этажа.

— Только мансарду восстановить...? — повторила я его слова. — Что в таком случае с жертвами? Уже хоронят...

— Нет, — ответил с усмешкой и опередил следующий мой вопрос: — И оборотни и люди остались живы и целы. Не волнуйся по пустякам. Все хорошо.

От последних его слов мне почему-то стало плохо. Нехорошее предчувствие закололо в груди.

— Как сильно в таком случае обгорел ты? — спросила, решительно разворачиваясь, и руки оборотня опустились на мои плечи не позволяя обернуться.

— А давай, ты вначале поешь, — мягко предложил глава белой стаи и даже плечи мои погладил, чтобы успокоить.

— Если все настолько плохо, как я думаю... — он хмыкнул, и я поняла, что без ультиматума тут не обойтись, — то я есть не смогу, пока не осмотрю тебя.

— Ариш...

— Руки убрал! — скомандовала громко, и пока он пребывал в замешательстве, резко обернулась и откинула капюшон, перекрывающий мне обзор. — О Боже! — рот закрыла ладошками и зажмурилась, чтобы прийти в себя и не оглашать округу собственным рычанием на неисправимого барона.

— Вот видишь, тебя уже тошнит, — покачал головой, назидательно продолжив, — а ведь я предупреждал...

Я вскинула на него удивленный взгляд, не зная даже ругаться мне сейчас или же захохотать, потому что он меня превратно понял. Некогда жгучий брюнет, был сейчас золотистым блондином. И его встревоженный черный взгляд совсем не сочетался с рыжеватыми бровями и абсолютно белыми ресницами, даже щетина его подбородка выгорела от черной до светло-русой поросли. Но это мелочи. Его губы припухли и увеличились, а все лицо и шею Белого варвара испещрили трещины, тонкие и глубокие. И проступившая по ним сукровица, а так же застывшая кое-где кровь говорили о том, что сын ночи отчаянно их скреб.

Вот и сейчас, поморщившись, он потянулся к зудящему участку на шее.

— Стой! — легко хлопнула Стафорда по руке и взмолилась: — Не трогай, пожалуйста, и объясни что ты делал, чтобы вот так, вот...

— Хм, — он болезненно поморщился, растянув губы в улыбке, и произнес, — то, что в прошлый раз привело тебя в чувства.

Я нахмурилась:

— Если руки целы, — а это я только что рассмотрела, — выходит все обошлось без пощечин, которые ты обещал. Приблизившись ко мне, завал по имени? Или все-таки... — возмутилась одной лишь мысли о поцелуях. Надо же было на такое решиться, целовать раскаленный металл.

— Не злись, — подтвердил он мою догадку и потер шею там, где ворот рубашки вновь был разорван, — я уже признал, что у Лерфа с одержимыми опыта больше. Обещаю в дальнейшем, буду осмотрительнее.

— В дальнейшем не потребуется, — я накинула капюшон, — герцог Равии прибудет раньше назначенного срока.

— Когда?

— Я не успела узнать, ты вырвал меня из объятий мертвеца.

Барон ухмыльнулся:

— Значит, тот шлепок и был верным средством к твоему пробуждению.

— Что?!

— Ничего.

— Как «ничего», ты только что сказал...

— Ты ослышалась, — улыбнулся, болезненно поморщившись. И вдруг неотвратимо начал склоняться к моему лицу: — К тому же шлепки бывают разные: по воде, по камню, по щеке, по попе...

— Замри, — вспомнилось наше прощание близ сторожки охотничьей в Черхи, но целовать я его не стала. — И замолчи, иначе сейчас дам по губам и вмиг забудешь, как шлепать и врать.

Он недоуменно воззрился на меня, хлопнув белыми ресницами. Пришлось пояснить:

— У тебя руки целы, даже покраснения нет. Лгунишка.

— Ну, Аришка, — барон резко выпрямился, прожигая черным взглядом. К счастью, в его новом обличье это порицание смотрелось несерьезно.

— Да-да, я у тебя еще дождусь! — улыбнулась, вспомнив прошлое предупреждение Стафорда, и взяла его застывшего под локоть, потянула в сторону дворцового пожарища: — Пошли что ли. У меня работы немерено.

С момента моего пробуждения прошло уже несколько часов. За это время я успела намазать варвара целебным составом и осмотреть остальных пострадавших. К счастью, на их счет Стафорд ничего не привирал преуменьшая. Как рассказал, так и было. Обожглись лишь самые перепуганные, не сразу понявшие приказы от волков в полуобороте. Чтобы хоть что-то успеть до появления некроманта, завтракали мы в кабинете, легко и спешно, а еще распивали мою бодрящую настойку.

Но если на меня она повлияла положительно, то варвар опять заснул на ковре. На мои колени голову не переложил, потому что их занимала очередная книга, и перелистывала я ее двумя руками. Поначалу он нахмурился, но горевал недолго и с невинной улыбкой, не открывая глаз, обхватил мою лодыжку. А еще через минуту уткнулся в коленку носом, вздохнул протяжно.

— Только не кусай, — взмолилась тихо.

— Покормила бы с рук, я бы подумал над этим предложением.

Я не ответила на его усмешку, зачарованно рассматривала очередную пустую книгу. Толстая обложка с каменной инкрустацией в коже и металлической заклепкой, белоснежно-белые тонкие листы и ряд крохотных красных точек идущих по центру через все страницы. Это была третья по счету и такая же пустая, как и предыдущие. Почему? Зачем некромант сохранил чистые книги? Я погладила корешок, в попытке найти еще один кинжал, реликвию оборотней. Но тщетно, тяжелый талмуд не отозвался на прикосновение.

Зато я вскочила от прикосновения варвара и, не выпуская книги из рук, опасно покачнулась:

— Ой!

И когда только успел черное платье травницы до коленки подтянуть, чтобы меня укусить! И Бог с ним с вкусом! Это-то он успел, а вот откатиться, когда я рухнула — нет. А может и не хотел, сам же за лодыжку держал, а стоило взмахнуть рукой, чтобы удержаться, так он еще и ущипнул. И я как сосна вековая, ветром сломанная, повалилась на оборотня.

— Решила добить, негодница? — сдавленно охнул глава белой стаи, и вопреки словам прижал меня вместе с книгой к своей груди. От такого хватя, да и от испуга у меня на глазах слезы проступили, а затем одна из них сорвалась, окропив белый лист.

— Вот это неожиданность! — капелька, как зачарованная, прокатилась с уголка в центр к красной точке и впиталась, насухо.

— Для кого как, — хмыкнул варвар, скользя рукой вдоль моей спины.

А в эти мгновения страничка талмуда осветилась символами. Это длилось от силы секунды три, но я не сдержала восклицания.

— Поразительно!

— Мне тоже нравится, — сообщил барон, поглаживая там, где поглаживать, не стоит. — Может, продолжим?

— Конечно, — возликовала я, глядя исключительно на книгу. — Как думаешь, что больше подойдет, вода, слеза, или...

— Вино? — предложил он.

Я пальчиком провела по красным точкам и, сопоставив все сведения о ритуалах некроманта, возликовала:

— Кровь!

— Не понял, — он резко сел и ссадил меня со своих колен. Взгляд черных глаз был прожигающим и грозным: — Ариша, это все еще ты? Или я с другим... общаюсь?

— Со мной, все еще со мной. Уверена, я успею тебя предупредить о появлении некроманта. — Краем глаз заметила, как он кивнул, и поспешила поделиться своей находкой: — Стафорд, ты только посмотри на эту книгу! Она таит в себе...

Скрип зубов и раздраженный фырк, отвлекли меня от восхваления зачарованных строк:

— Что не так?

— Проклятье! — рыкнул глухо и поднялся, — Все хорошо.

— Стаф?

— Я прогуляюсь, за тобой Лерф приглядит, — ответил он, выходя за дверь.

— Не нужно его! — вскочила на ноги, вспомнив суровый взгляд, вроде бы слепого оборотня, агрессию его, и мощь, что исходит от волка. И как представила, что он рядом со мной будет, так и съежилась. — Лучше позови ко мне Дерека, или Тарома, или ребят близнецов, только не...

— Прости, но ни один из них не сумеет распознать угрозу. И чтобы в дальнейшем не было вопросов... — он выдохнул протяжно и, глядя в пол: — В Оранте был не Лерф, а я.

И сказав это, застыл, чтобы черным взглядом прибить меня к полу.

— И все подарки...? — договорить не смогла, вздохом подавилась под таким-то взором. Вот теперь реакция «Лерфа» стала абсолютно ясна.

Стафорд мягко улыбнулся, подтверждая мои наихудшие опасения.

— Ты..., то есть ты...! — прижала книгу к груди, так и не найдя нужных слов. А сказать хотелось многое. Очень-очень многое.

Барон вскинул руки в успокаивающем жесте.

— Но настойку он получил и принимает. Так что его боевое состояние это целиком и полностью заслуга твоя.

И не дожидаясь ответа, ушел. Дверь за ним защелкнулась тихо, но этот звук мне показался оглушительно громким.

— Вот это да...

Медленно опустилась на пол и вновь посмотрела на книгу. Нет, радость от открытия, все еще была, но теперь она стала горькой. И я бы долго смотрела на талмуд, кусала губы и пальчиком водила по листу, не приди через две минуты молчаливый. Высокий широкоплечий, могучий оборотень вошел, неслышно ступая и с грохотом, сбросил у камина вязанку дров. Поймав мой испуганный взгляд, он склонил голову и соединил руки в молитвенном жесте.

— Н-н-ничего, — прошептала, чуть заикаясь, — задумалась и вашего появления не...

Отмахнувшись, как нив чем не бывало, стал накладывать дрова в камин. Я же постаралась не смотреть на сына ночи, невольно подмечая, что шрамы на его лице тоненькие, волосы скрывают следы ран на голове, а шея уже не бугрится вздувшимися жилами. Прав был Дерек, когда нахваливая меня, писал, что молчаливый почти восстановил свою волчью силу. Вон как она помогает справляться с отголосками далекого прошлого.

Неожиданно мои плечи укутало теплое одеяло, вздрогнула, но отмахиваться не стала, спросила по привычке:

— Зачем?

И прямоугольная карточка, упавшая на мои колени, гласила: «Приказ барона»

— А окна открыть можно?

Отрицательно покачал головой и указал на карточку: «Приказ барона»

Пришлось подчиниться. Что ж у меня есть более интересное занятие, чем противостояние по такому незначительному вопросу. Я оттянула рукав платья и, пристально изучив руку, решила порезать пальчик, а не запястье. Осталось найти что-нибудь острое в пределах комнаты, чтобы барону не донесли.

— А дайте мне нож, можно тот, что в моей сумке, указала в сторону стола, на котором она лежала.

Запрещающий взмах рукой и опять кивок на карточку: «Приказ барона»

— Рада, знать, что он такой... продуманный, — еле нашла подходящее слово, и расстроено протянула: — И как мне с его продуманностью эти книги читать?

Оборотень скривил губы на подобии улыбки и протянул мне небольшой бурдюк, какими пользуются степняки, чтобы питье не испортилось от жаркой погоды. Я открыла его несмело и по запаху определила — кровь.

— Чья?

На мои колени упала еще одна карточка: «Свиная. Потребуется еще, принесу»

— Ну, хоть какое-то разнообразие в ваших словах.

Он «промолчал». А я машинально отметила, что барон позаботился об этой необходимости и прислал кровь, а не свежееосвежеванную тушку. Приятно.

— Спасибо.

Молчаливый фыркнул и вновь указал на прошлую карточку. Улыбнулась:

— Да, я уже поняла, что это очередное указание барона.

Казалось бы, тяжелая книга с инкрустацией из камня, чистые листы и ряд красных точек на каждой страничке, ничего особенного, если не брать в расчет вес, обложку со странным знаком в виде змеи и невозможность что-либо вписать в нее. Но вот капля крови падает на лист и вместо того, чтобы превратиться в кляксу, вдруг собирается в маленький шарик и устремляется к красной точке. Впиталась, как и моя слеза — мгновенно и без следа. И до того белое бумажное пространство вспыхнуло кроваво-красными буквами, что подробно повествуют о привязке оборотня к хозяину. Судорожно выдохнув, перевернула листок, его обратная сторона была чиста.

— По капле на поле, — прошептала я тихо. Даже удивилась, насколько некровожадная мне попала книга. В библиотеках Оранты сохранились записи о том, что некоторые из манускриптов некроманты Тардема купали в крови. Но рано я радовалась, Лерф передал очередную карточку, и красивая вязь сообщения гласила:

«Одну каплю на строку, если желаете, чтобы книга все свои секреты раскрыла».

— На все времени нет, — и будто бы услышав мои слова, текст с листа медленно исчез. Да, надолго одной капли не хватило, но и купать книгу я не хочу. Обойдется. — Интересно, а где здесь оглавление?

Лерф пересел со своего места ближе ко мне и, взяв писчее перо, макнул его в кровь, чтобы затем передать мне. Недоумевая, посмотрела на оборотня, на что молчаливый с отческой улыбкой предложил мне написать на книге.

— И что, в любом месте?

Он кивнул.

Подумав, я написала: «Содержание. Оглавление. Перечень глав» и еле успела убрать руку. Потому что талмуд сам собой начал перелистываться в конец и раскрылся на странице

с окровавленной надписью: «Поглавное обозначение». Первоначально мне показалось, что это книга целителя, повествующая о лечении, определении болезней и хворей, пока не подошел раздел о влиянии на оборотней, а затем и использовании таковых в изготовлении различных смесей и экстрактов для поддержания молодости. Едва сдержала подступившую дурноту. После прочтенных записей из дневника Наз Завайя я должна была отстраненно отнестись и к этому, но не получилось. Как представила, что они Стафорда режут или Аго и Лисом, или кого другого живым... так в глазах и потемнело.

Тяжелая рука молчаливого сына ночи опустилась на мое плечо, возвращая к жизни и напоминая, что живым нужно дышать. Я проморгала, подступившие слезы и, сжав зубы, дочитала все названия глав.

— Здесь ничего подходящего, — брезгливо закрыла книгу и отодвинула ее от себя.

Лерф выждал минутку, а после поставил передо мной второй тяжелый том с белоснежными листами.

— Спасибо.

Кажется, следующим движением руки он хотел меня по волосам погладить, но в самый последний момент, прикоснулся к руке и придвинул ближе бурдюк с кровью. Время не ждет.

Искомое я нашла в шестом или седьмом по счету «чистом» томе. И не жалея вылила на него всю оставшуюся кровь. Белые листы книги в этот раз окрасились в черный цвет, и вязь букв стала еще более изощренной. Резкой, колючей и малоразличимой. Но стоило глазам привыкнуть, как сведения о перерождении одержимого в истинного носителя потекли со страниц потоком. И первое требование гласило, что это должен быть молодой здоровый мужчина, лучше всего оборотень, потому что резкие изменения в теле человеческое существо выдержать не в силах. И название этому факту дано одиозное — человеческая немощь. К слову, оборотни сильнее не только физически, но и духовно, а потому подчинять их следует в момент отчаяния, крайней усталости и даже смерти.

Ритуал захвата был прописан в деталях, и я не постеснялась вначале просветить Лерфа на счет условий перехода, а затем попросила под диктовку написать главные пункты обряда. Он выполнял просьбу, рыча и фыркая, но справлялся с пером намного быстрее, чем я. Радуюсь умениям оборотня, я с улыбкой зачитывала пункты и работа наша продвигалась в разы быстрее. Когда же, описание возможностей обряда дошло до проникновения в немощь, дабы заполнить сына ночи, мои глаза защипало.

«После после исхода одержимости смерть немощи предопределена. Единственным исключением из ста подопытных была женщина лекарь». Сердце пропустило удар, а от ехидной приписки внизу захотелось разреветься. «Как ни странно, баба выжила благодаря молитвам о возвращении к маленькой дочери».

— А мне к кому...? — последнее слово просипела и еле-еле удержала горький всхлип.

Могучий оборотень мое слезливое отчаяние заметил, обеспокоенно вскочил на ноги, подошел, чтобы обнять. Стало понятно, если прикоснется, я тут же разревусь. И тогда ни о какой работе с книгами речи не будет. Жалость к самой себе, меня заполонит. А пока в себя приду, в меня уже и сам Иуерлит Наз Завайя явится, а ведь я нашла то всего ничего, даже обряда по отпущению грехов не раздобыла.

— Лерф, все в порядке... Устала чуть-чуть, — попыталась сквозь слезы улыбнуться, — а еще воды хочу и, наверное, есть.

Оборотень прищурился, но спорить, а тем более обнимать не стал. Вышел. Я поднялась, разминая затекшие ноги, прошла по комнате и застыла у окна. В Королевском парке

прогуливались пары в шикарных нарядах, межними сновали лакеи с подносами, с другой стороны двора в цветнике кем-то оставленные без присмотра дети играли в прятки и с радостными улыбками ловили последние лучи заходящего солнца. Мысль о том, что мой последний день жизни истрачен, пришла сама собой. И не сказать, чтобы впустую, кое-что я все-таки в книгах нашла, но и плодотворным веселым, насыщенным его не назвать.

— У меня еще будет ночь, — прошептала беззвучно, — а может быть и вечер... Теплый-теплый вечер.

А еще есть барон-оборотень, который согреет меня и даже остудит, не смотря на болезненные последствия — ожоги. Перед глазами возник Стафорд, лежащий на моих коленях, и ощущение уютного спокойствия заставило улыбнуться. Ради него и других, я сделаю все, чтобы некромант к жизни не вернулся. Всего-то обещание самой себе, но я с удвоенным рвением взялась за разбор бумажных свертков и книг, не забывая прощупывать обложки и не верить белоснежной чистоте листов. К приходу Лерфа я нашла три плоские медальки грубой отделки с непонятными гравюрами. А в обложке талмуда жизнеописаний некоего Джоффе Ривиро обнаружила шестнадцать деталей. С дрожью в руках я собрала их в клинок из багряного металла, с эфесом, украшенным кроваво-красными камнями.

«Реликвия бурых волков» гласила карточка протянутая Лерфом.

— А три медальки?

«Амулеты подчинения одиночек. Небольшие группы до пятисот оборотней в каждой: рыси, медведи и лисы».

Я улыбнулась:

— Выходит у Дерека есть еще одна группа собратьев.

И успела углубиться в чтение следующей книги, когда поверх страниц легла очередная карточка.

«Лисьих перебили в первую очередь. Они были крупнее и хитрее... моего собрата»

Зажмурившись на мгновение, протяжно выдохнула, а открыв глаза, обнаружила карточку с предложением поесть.

— А я уже... не хочу, — просительно взглянула в стеклянные глаза молчаливого. На что он с кривой усмешкой предъявил поднадоевший бумажный прямоугольник.

«Приказ барона».

Послание от Суннии не несло приятных вестей. Оборотница подтвердила, что в герцогство был привезен гроб с останками некроманта. Сказала так же, что кости проклятого долгожителя были свалены в мешок и перемещены в тайное убежище под землей. А вот куда именно сообщить не могла, потому что путь в подземелье открывал горящий ров. И пусть тогда, давным давно, она спаслась от сожжения заживо, панический страх до сих пор живет в ней. Он забрался под звериную шкуру, запрещая гордой и хитрой рыси ступать по камням, на которых до сих пор остаются следы огня и когтей погибших.

Не хорошо. Стафорд потер шею и зажмурился. После того, как Ариша отправила в леса оборотней четыре сотни волков, в Равии осталась часть черной стаи и одиночки, подчиненные или же купленные, трудно сказать, но их количество превышает сотню. И не добраться туда в сжатые сроки, и белых собратьев не перекинуть. Он же, умный, ради спокойствия Гаровых невест большую часть белых за собой в Адар привел. Правда считать себя совсем уж бестолковым и не думал.

Когда кареглазая в дороге сюда рассказала о пытках над мертвецом, барон отправил

Вастара и небольшой отряд оборотней на территории Равийского герцогства. Но их для штурма слишком мало, а для незаметного вторжения крайне много. К тому же про особенность горной травы ирд он вожаку поведал, но настойку не привез, да и потом замешкался, не отправил. Сплоховал.

А может им Ариша что-нибудь оставила? Хорошо бы. В противном случае оборотни попадут в подземелье в качестве заключенных, а не разведчиков. Отозвать до появления подкрепления? Но сокол не успеет донести приказ. И как теперь? Остается лишь надеяться на опыт старого волка и то, что Вастар не пожелает оставить на растерзание своих волков.

И все же три коротких строчки он для Суннии написал: «Не лезь в утихшее пламя. И белых отзовидо нужного момента». Он успел отпустить птицу в открытое окно, и в гулком коридоре послышались знакомые шаги.

— Стафорд! — она ворвалась в его комнату, как свежий весенний ветерок, обещающий раннее цветение, дурманивший запахами меда чайных роз и в то же время отрезвляющий чувством тревоги перед майской грозой.

— Что стряслось? — глава белой стаи захлопнул окно и в следующее мгновение оказался подле нее. Усмехнулся, истинная лекарка. Вместо того, чтобы сразу рассказать о сути своего визита, она придирчиво осмотрела его лицо, взяв за подбородок двумя пальчиками и повернула из стороны в сторону.

— Почти зажило. И ты уже не блондин, а шатен, — произнесла, зачарованно взирая на него. — Так быстро?

— От оборотня в полном расцвете сил иного ожидать было нельзя, — он улыбнулся, склоняясь к кареглазой. — Ариш, так зачем ты пришла?

— Попросить... — запнулась и смущенно потерла носик. Помедлила секунду, а затем сообщила: — Но для начала оповестить.

За руку взяла, довела до диванчика у окна и, усадив, вручила несколько листов исписанных ее округлым почерком. Сама же рядом не села, сцепив руки перед собой, прошла по комнате. Все еще краснеет и волнуется. Интересно, почему? Что такого волнительного она узнала?

— Там все детально прописано, — сообщила девушка, остановившись у вазы со странными синими узорами и красными символами на крутом боку. Изящные пальчики нежно прикоснулись к лепной ручке. — В чьем теле может остаться, какой обряд должен быть проведен, где именно и почему. Еще я нашла информацию о том, как удержать некрманта от перехода в первоначально... выбранном теле.

И она судорожно вздохнула. Стафорд перестал отслеживать ее движения краем глаз, посмотрел прямо.

— Не дать ему перейти, ты уверена? — он заметил, как девушка поджала губы и отвернулась, чтобы только после этого кивнуть.

— Так надо.

— Ариш, если этот мерзавец пожелает перебраться в одного из умирающих черных оборотней, я не буду против. — Он поднялся и подошел к ней, с каждым шагом все больше ощущая тревогу. — Ни один сын ночи в здравом уме и твердой памяти не пожелает стать обителью для изувера. Он будет рад смерти, и в качестве подарка я с удовольствием ее преподнесу.

Барон отложил листы, чтобы обнять вздрагивающую малышку. Снова кивок, на этот раз более нерешительный, чем прошлый.

— В чем дело?

— Ни в чем...

— Ты дрожишь, — нахмурился, привлекая ее к своей груди. — Замерзла?

— Боюсь. Боюсь, что не успею и...

— Рассказать не успеешь? — сжимая ее крепче, поцеловал в холодный висок. — Не стоит волноваться на этот счет. Лерф был с тобой рядом, я знаю, он рыком передал, что пишет за тобой под диктовку.

— Эт-то хорошо, — вздохнула, сжав кулачки.

— Именно. И ты поступила верно, у него память, знаешь, какая? Феноменальная! Даже если листки пропадут, он слово в слово все перескажет. — Он говорил весело, но сам был не радостен, ведь его талисман ретивый опять что-то скрывает.

— Да, это замечательно.

Минуту они так и стояли, не шевелясь, Стафорд сопел в ее макушку, она глядела вдаль. Но время идет, а ее дрожь все не отступает, усиливается.

— Ариш, скажи честно, что произойдет, если некромант поменяет тело на более удобное.

Отвернув лицо, малышка опять тяжело вздохнула.

— Человеческая немощь умрет.

Ответ кареглазой дался не сразу, вначале фразы ее голос скрипел, а под конец осип. Рассудив, что для начала нужно разобраться со слезами, Стафорд с улыбкой заверил:

— Я не дам тебе последовать примеру немощи. Ты у меня еще два долга не отработала, так, что и не надейся.

Думал, она примется его разуверять, но кареглазая поступила иначе, Обернулась в кольцо его рук, прижалась к груди оборотня и прошептала:

— Спасибо. Я надеялась, что ты согласишься стать моим якорем в этом мире.

Не поверил. И явно ослышался:

— Прости. Что ты сказала?

— А мелочи... — Ариша вскинула лицо и улыбнулась в первый раз за этот вечер, искренне, но грустно. — Вначале по порядку.

— Я и мелочь? — барон возмущенно взвился и скептически вскинул бровь: — Ты уверена?

К счастью на эту подколку она отреагировала должным образом.

— Милорд, — высокопарно произнес его решительный талисман, — прошу не перебивать. Я все еще боюсь, что для всего у меня слишком мало времени, так что слушай.

— Слушаю... — заверил Стафорд и, сжимая ее, сел в первое подвернувшееся кресло, понятное дело, устроив кареглазую на коленях.

— Там, — девушка пальчиком указала в сторону кровати, — так же записан и ритуал освобождения некроманта от земных оков.

— Где? На кровати? — не понял Белый варвар, загипнотизированный ее пальчиком, который все еще указывал на ложе под балдахинном.

— На листах, — усмехнулась кареглазка, — которые ты оставил на диванчике у окна.

— Ясно, — разочарованно протянул сын ночи. — А пункты о подчинении самого некроманта там есть?

— Нет. И даже не думай...!

Она села ровнее, а затем и вовсе попыталась с его колен слезть. Но кто пустит?

Оборотень не дал ей сдвинуться и на сантиметр.

— Не гневайся, я пошутил. Да ни один самоуверенный идиот, кроме глупца Огюро, не рискнул бы связываться со свергнутым правителем Тардема. Кто не видел, к чему приводит одержимость духом, тот полнейший...

— Я поняла.

А он и не сомневался в осведомленности кареглазой, ведь Табир IV оперативно занимался не только поисками преступников, но и просвещением своего народа. Гравюры с детальным описанием одержимости и опасности, которую она несет, так же висели в домах старост даже самых дальних поселений.

Оборотень гневно фыркнул, сжимая ее в своих руках.

— Как по мне, то кости Наз Завайя следовало сжечь и закопать, а может даже развеять над столицей павшей империи, где бы каждый мог наступить на его прах, а еще лучше плюнуть...

— Стаф, — она встрепенулась, попыталась ладошкой закрыть его рот.

Перехватил, поцеловал в запале и потребовал, прижав девичью ручку к своей груди.

— Нет, уж помолчи. С твоим милосердием с тебя еще станется защищать его на каждом шагу. — Барон криво улыбнулся, губами прикоснувшись к ее темным локонам. — Пусть проклятый долгожитель не сразу выбрал подошедшее тело и это частично оправдывает его желание мира. Пусть он сам собрал реликвии оборотней и спрятал их в книгах, а книги передал на хранение, строго-настрого запретив использовать. И пусть даже родственничков и друзей своих упокоил, не дав им в этот мир прорваться...

Глава белой стаи глухо рыкнул:

— Но он изначально подвергал и подвергает опасности тебя, а такому... веры нет и не будет.

— Знаю... — прошептала Ариша с болью в голосе и спрятала лицо на его груди. — Знаю...

— Поэтому, — он легко подтянул ее выше и, перехватив подбородок, заставил посмотреть в глаза, — я обещаю тебе, что помешаю Иуерлиту Наз Завайю перейти в оборотня, даже если проклятый дух будет сопротивляться, обещаю упокоить его, и клянусь стать твоим якорем в этом мире. — А в завершение своей речи спросил: — Теперь довольна?

Глазищи кареглазой удивленно распахнулись:

— Ты о чем?

— О твоих сомнениях. Думаю, я их только что развеял и заслужил улыбку? — прищурилась, закусив губу, отодвинула от себя его руку. Необычная реакция. Следующий вопрос вырвался сам собой: — Или не заслужил?

Не ответила, потянулась и припала губами к уголку его рта. Стафорд вздрогнул. Тихо проклиная свою настороженность и тревожность перед появлением некроманта. Кто знает, что взбредет в голову проклятому мертвецу, когда он получит тело Ариши. Укусить, или вот так же странно прижаться губами.

— Что ты делаешь?

— Якорю, — тихо прошептала девушка, на этот раз нежно его целуя.

Да уж, свергнутый правитель Тардема вряд ли на такое сподобился бы. Но барон все равно на ласку не ответил. Боясь спугнуть удачу и в то же время, не желая, понадеяться раньше времени, спросил:

— Поцелуем?

— Нет... — она робко опустила взгляд.

— Поцелуями? — предположил оборотень, отчаянно надеясь услышать: «Нет» или «Не только».

Девушка улыбнулась и, не поднимая глаз, покачала головой. Выходит — не только. Медленно выдохнул, поинтересовался с коварной улыбкой:

— Ммм... еще и объятиями, поглаживаниями?

Молчит и не шевелится, кусает губу.

— Ариш? — голос стал низким, расслабленным. От такого прошлые пассии скидывались, как голодный на кость, она же не повела и ухом. Неужели, спугнул? Прищурился, глядя на скромное изваяние, застывшее в его руках, и выругался про себя. Так и есть спугнул, а ведь мог за эту ночь нацеловаться на два года вперед, да и объятий бы хватило, наверное. А может быть, и получил бы желанное через час или два...

Он протяжно вздохнул, легко погладив ее по рукам, и совсем не ожидал услышать тихие слова:

— Кажется, я задолжала тебе ночь нежности.

Барон покосился на нее недоверчиво:

— Если не ошибаюсь, уже начало второго. Это будет не полная ночь и... — варвар помедлил, прежде чем спросить: — Не хочешь уточнить, что именно в нее входит?

Точного определения нежности она не дала, зато решительно потянулась к оборотню, прошептав:

— Нам хватит.

Не верю... было его последней связной мыслью. Склонив голову и притянув ее ближе, он с лихим задором углубил поцелуй. Стук собственного сердца заглушал внешние звуки, руки горели, запах малышки сводил с ума, но чего-то все-таки не хватало. Оборотень оторвался от сладких девичьих губ и, глядя на разомлевшую Аришку с жадностью, прохрипел:

— Коснись меня.

— Ч-что? — красная и смущенная она в волнении сцепила руки.

— Не трусь, прикоснись ко мне, — прошептал варвар склоняясь ближе. Получилось хрипло и надрывно: — Обними...

— А ты не зарычишь?

— Сейчас? — барон усмехнулся, подул на ее сдвинутые бровки: — Как я могу?

— Можешь. Особенно после такого всплеска ненависти и... — пролепетала девушка, взирая на него в святом испуге.

Если так и дальше пойдет, ночь нежности закончится «глубокомысленным» спором, а никак не лаской, понял Белый варвар.

— Хорошо отрицать не буду. Случается. Но не сейчас!

Взгляд карих глазищ выражал искреннее сомнение в его честности. И не понять шутит она или форменно издевается. Стафорд нахмурился. А может, это простое стеснение, все же держит ее на руках, и с учетом прошлых предубеждений, опасения девушки вполне понятны. Понятны, но неприемлемы. Ну и где ее доверие, в конце-то концов?

И вот тут она спросила с невинным взглядом:

— А ты разрешаешь?

Какой резкий переход? Хоть бы не некромант. А впрочем, это легко проверить.

— Я настаиваю, — с этими словами, он перенес ее на кровать. На мгновение всего лишь оторвался от красавицы, чтобы двери на ключ закрыть, и тут же оказался рядом. Прошептал игриво: — И даже скажу, куда ладошки увести...

— Куда?

— Вдоль груди в самый низ...

— Это не прилично, милорд! — возопила вновь порозовевшая Аришка.

— В постели все прилично, — указал оборотень на их новое местоположение и улыбнулся, — обними.

Она протянула руки и нерешительно замерла.

— Боишься?

— Нет. Просто ты так смотришь, что мне становится стыдно.

Кареглазая облизнула губы, в которые Стафорд уже минуты две как мечтал впитаться горячим поцелуем, но был вынужден медлить. Как оказалось не из-за стеснения, а из-за девичьего стыда.

— Глаза закрыть? — спросил он шутливо и придвинулся к сидящей на кровати.

— Лучше завяжи. И не спорь.

— Ты ж не девочка, чего стесняться? — но взглянув на нее, сам себя оборвал на полуслове. — Будь, по-твоему, Аришка. Делай, как хочешь, я даю тебе разрешение.

— И слово дай, что не зарычишь и больно не сделаешь, и...

Ирония в нем всколыхнулась наравне с усмешкой. Барон прищурился, дернув уголком губ:

— Может, еще и полную клятву попросишь?

— Слово, — повторила она строго, — о том, что после этого нигде и никогда не унизишь меня ни словом, ни действием.

И взгляд требовательный, карий, блестящий. Неужели плачет? Он изогнул бровь, а девушка протяжно выдохнула, поясняя.

— Тебя Стафорд, я прошу меня не оскорблять.

Теперь понятно откуда ноги растут у этой просьбы. Вернись в замок перебью хребет уроду Варосу.

— Даю слово оборотня, — хрипло пообещал Белый варвар.

— Спасибо.

— Всегда рад помочь.

Барон улыбнулся, как искуситель, подался к ней, чтоб поцеловать. Но кареглазка игры не приняла, с серьезным видом выудила из вороха одежды шейный платок и принялась завязывать его на оборотне.

— Повернись, будь другом.

Он исполнил ее желание и потянул носом, как хищник, вышедший на охоту, ухмыльнулся:

— Другом? Не буду...

Запахи, звуки, движение воздуха, тепло девичьего тела, ее дыхание и медленные ласковые руки. Сыну ночи не нужны глаза, чтобы полноценно видеть, достаточно и звуков, которые отражаясь от девичьего тела, прорисовывают каждый плавный изгиб. Главное слушать и ощущать. Может быть, она и завязала ему глаза, но руки-то оставила свободными...

Чем он поспешил воспользоваться: повернулся, поймал ее и, потянув на себя, опустил

девушку на собственные колени попойкой вверх, ну и задрал на ней юбку одновременно. Рука замерла на возвышающемся участке женского тела, якобы на ощупь, проверяя, что есть что, а попросту оглаживая, как иначе. От такой нежности малышка ахнула и в ярости, а может излишней возмущенности извернулась, оказавшись к нему лицом к лицу. Возопила:

— Барон!

— Я здесь, — ухмыльнулся оборотень и, как слепец, принялся ощупывать подставленный ею участок. Взвизгнула недотрогой и слетела с его колен. Стафорд схватил ее, не дав соприкоснуться с полом, прижал к себе дрожащую, целуя между слов: — Увертливая, мне нравится.

И за свой смешок тут же получил мягкий укус и предупреждение чуть срывающимся голосом:

— Не издевайся.

— Это не издевка. Я поражен... — прошептал в ее полураскрытые от удивления губы и, надавив на изящную шею, не позволил уклониться от поцелуя.

Нежная, сладкая, дурманящая. Такой невозможно насытиться, но он пытался, чтобы запомнить, чтобы запечатлеть в уме навсегда. Убрав руки с ее плеч, легко надавливая скользнул ладонями к той части, что малышка, краснея, называет бедрами. Медленно погладил. Она дернулась, что-то простонав, и поцелуй из ненасытного стал более медленным, нежным. Ариша прекратила дрожать, как перепуганная лань, со вздохом робкими пальчиками пробралась вверх по плечам барона. Погладила.

Вот теперь ее нежные ручки не перекрывают доступ к груди, отстраненно заметил он. Как только расслабится, я и к ней доберусь, решил твердо, продолжая плавное наступление.

И выбрал правильный тактический ход. Через несколько минут ее пальчики коснулись шеи оборотня, а потом все-таки решились запутаться в его волосах. Не дай сын ночи слова, он бы сейчас рычал от наслаждения и прикусывал ее плечо, но пришлось сдержаться. Хотя... К его великому удовольствию других ограничений Ариша не выдвигала, а потому черное платье травницы ключьями полетело на пол.

— Ста-форд! — возопила, вмиг отскочившая от него, Аришка. Сжимая на груди остатки нижней рубашки и стараясь унять сбившееся дыхание, просипела: — Что... что ты...?

— Ммм? — разделяющее их расстояние он легко преодолел. Приник губами к ее шее, чтобы покрывая поцелуями тонкие ключицы, заскользить от одного плеча к другому.

— Ааааа... — порывисто выдохнула скромница: — И в чем я Густава Огюро встречу?

— Потом решим.

И чтобы не думала о таких пустяках, закрыл рот поцелуем. Она горела не так ярко, как хотелось бы, но все же. Ариша нежно отвечала на его страсть, а не стояла каменным идолом. Поэтому варвар не спешил и наслаждался каждым прикосновением к бархатистой коже, робким откликом девушки и ее все еще пугливым девичьим интересом. Именно девичьим. Кареглазка так очаровательно стеснялась его обнажения, что ради спокойствия малышки пришлось погасить свечи. А к тому моменту, когда с нее слетели лоскуты рубашки, он галантно предложил лечь. Сделал барон это по-своему, мягко опрокинув девушку на кровать и нависнув сверху. Выплыв из тумана поцелуев, трусишка попыталась прикрыться. И это в крошечной темноте, наедине с оборотнем, которому она сама же глаза и завязала. Зря за одеялом тянулась, в следующее мгновение оно полетело на пол.

— Стаф? — испуганный лепет.

— Тш-ш-ш! — Белый варвар опустил на локти, чуть-чуть придавив ее собственной

персоной. — Сегодня тебя укрываю только я.

Но вместо слов предвкушения, которыми его завлекали трепещущие волчицы, барон неожиданно услышал:

— А если ночь будет холодная?

Что значит — холодная? Она верно шутит? Стафорд стянул повязку с глаз и, заглянув в недоумевающие карие озера и тихо рассмеялся. И ведь действительно уверена, что замерзнет. Позор ее бывшему. Склонившись низко-низко, он, с трудом удерживая себя от очередного поцелуя, уверенно произнес:

— Я сделаю ее жаркой.

Проснулась на рассвете со стойким ощущением — со мной произошло нечто чудесное и возмутительно безобразное одновременно. Странное сочетание, но как же, хорошо! И пусть все тело болит, а кое-где очень и очень тянет, все равно чувствую себя замечательно. Пошевелилась и с ужасом открыла глаза, Боже правый, там, где больше всего тянет, меня бесстыдно держит мужская рука. Застыла, залилась краской и судорожно выдохнула.

Прошлая ночь не была сном.

Выходит я все-таки решилась на... якорение. Боже мой, знала бы на что иду, подумала бы дважды и... И все равно пошла.

Стафорд Белый варвар Стальной барон, кто бы сказал, что он может быть таким неистовым и в тоже время нежным? Руками приласкал, зацеловал меня до одури, повалил на кровать и разлегся сверху. Не возьми я с него слова, испугалась бы, что вот сейчас барон меня загрызет. Страшно вспомнить его оголодавшие, ненасытные губы, нетерпеливые руки и...

Стоило лишь подумать о наглых пальцах оборотня, и они на мне шевельнулись. Скользя, погладили внизу.

Вспомнила! Все что он проделывал, вспомнила. Страсти какие! И как позволила? Как допустила? Захотелось себя же по голове стукнуть, а лучше его, потому что я тогда и слова против сказать не могла, дыхания попросту не хватало. А Стафорд сам все решил и сделал. Другими словами, что хотел, то и получил. И вряд ли краснеет и раскаивается, а вот я... Боже правый, какой срам, какой позор, какой стыд.

— Проснулась? — с улыбкой в хриплом голосе спросил барон и придвинулся ближе.

Лучше бы не придвигался. Я и без того красная, поняла, что сейчас от стыда сторю.

— Ты...!

— Хочу повторить, — сообщил он, касаясь губами моего уха.

Мурашки поползли по спине и ногам до самых пяточек, а голос сорвался, осип, но я все же, смогла спросить:

— За-за-чем?! — спросила тихо и в следующее мгновение оказалась лежащей под оборотнем.

— Для поднятия духа перед боевыми действиями, — серьезным тоном заявил глава белой стаи.

— Куда больше-то? К тому же утро на дворе... раннее

— Это поздняя ночь, — прошептал он, с улыбкой обвивая моими ногами свой торс. — Но если хочешь темноты, глаза закрой.

Я судорожно сглотнула, чтобы не сообщить ему сдуру, какой он красивый. Даже в этой утренней серости хорошо видны, его темные всклокоченные волосы, щеки колючие с

ямочками, губы застывшие в ироничной ухмылке, глаза горящие, словно два уголька, могучая шея, внушительные плечи. Чего стоит одна лишь чарующая сила волка, исходящая от него теплыми потоками. Варвар как есть. Но счастливый какой-то. И смотрит он на меня как на подарок, а не на очередной трофей.

— Что сделать? Стафорд ты...

— Я занят, но совет дам, — произнес барон, вытягивая мои руки к изголовью кровати и, не отрывая взгляда от моей груди, широко улыбнулся: — Держись и покрепче, чтобы опять на пол не столкнулся.

Фыркнула, отогнав еще одну красочную деталь прошедших в темноте событий.

— В прошлый раз пол Вашу Милость не смущал.

— И сейчас не смущает, — медленно склоняясь ко мне, он горячими чуть шершавыми ладонями провел по моим рукам, едва касаясь кожи, — но мы натерли твои коленки.

Под довольным взглядом оборотня я вспомнила и это «происшествие» вплоть до мелочей. Зажмурилась смущенно, чтоб не видеть его, прошептала:

— Если бы только коленки...

— Глаза открой! Тебе больно? — Стафорд завис сверху, с тревогой вглядываясь в мое лицо.

— Еще бы, после двух...

— Четырех. Хотелось больше, но ты уже спала. — Сказал он с улыбкой и чмокнул в нос. — Так и быть утренний раунд пропустим, Ар-р-риша.

Со вздохом сожаления барон, вновь ставший абсолютно жгучим брюнетом, упоительно нежно поцеловал меня и, вырывая тихий стон, прикусил нижнюю губу...

Искры вспыхнули перед глазами, и тьма заволочла меня без спроса.

Поцелуй был неожиданно прерван неслабым ударом в лицо и разъяренным рыком:

— Слезь с меня!

Глупых вопросов на тему: «Что случилось, Ариша?» от Стафорда не последовало, как не страшился он этого момента, а все же приход некроманта в тело кареглазой уже произошел, и рука, измененная полуоборотом, сама собой сжала незащитное горло девушки.

— Не дождетесь! — уважение к старшим в бароне превалировало над неприязнью и ненавистью, а потому даже к этому уроду он обращался на «вы».

— А придется... — от одного лишь голоса некроманта, сына ночи передернуло больше, чем от следующего его удара. Челюсти варвара свело судорогой.

— Где она? — прохрипел оборотень и второй рукой надавил на пушистый животик малышки.

— Где надо, — заявил этот хмырь, нанося удар в солнечное плетение. — И можешь звать меня, Ари.

Глава белой стаи всего на мгновение ослабил хватку, но девушка уже выскользнула из-под него и прыгнула с постели. И вроде бы в Аришке сил после ночи поубавилось, сама она хоть и стойкая, но нежная и хрупкая, а удар получился мощный, в глазах потемнело.

— Сучий потрох! — рыкнула малышка не своим голосом.

Изящная фигурка, застывшая на фоне окна, казалась неестественно опасной. Ноги чуть согнуты, ручки сжаты в кулаки, плечи ссутулены, спина сторблена и голова выдвинута вперед. Взгляд пылает, нежное лицо искажено злобой.

Либо готовится к нападению, либо что-то особенное болит, как и призналась кареглазка, хмыкнул Стафорд про себя.

— Ты, тварь, на ней что, всю ночь елозил?! — возопил, оживший мертвец.

— Не всю, — спокойно ответил барон и поднялся с постели: — Вы прервали нас в разгаре процесса, может, еще ненадолго оставите наедине вдвоем?

— За дурака принимаешь?

— Сейчас? — осклабился Белый варвар: — За дуру, которую я более трех часов активно...

Произнося едкую слабежность, сын ночи, внимательно отслеживал каждое движение Наз Заваяя. Не шевелится, и даже злиться сильнее не начал, наоборот поостыл. Н-да, уловку барона — сыграть на гневе, некромант явно раскусил и не поддастся, но он вряд ли останется столь же, отстраненным при следующих словах.

— К слову, Аришки с ее скромностью здесь нет, может продолжим? Уверен, вы по достоинству оцените мои навыки. — Для правдоподобия образа, сын ночи даже простынку рядом с собой разгладил и похлопал по ней рукой.

Тень, рванувшая к оборотню через комнату, к сожалению, не оказалась духом, двигалась девушка. И движение это было сопоставимо с плавными еле уловимыми рывками. Вот она в трех метрах, в двух, в шаге и...

— Согласен, не дура, а дурак, к тому же старый, — схватив одержимую за шею, Стафорд прижал воительницу лицом к кровати. — Злость есть, энергии нету, а все еще рыпаетесь.

Как и следовало ожидать, мертвец взбесился.

— Ублюдок! — взревел некромант, стараясь дотянуться изящной ручкой до оборотня.

— В нашей ситуации слово «извращенец» подошло бы больше.

Барон с облегчением заметил, что синяков на спине кареглазой больше нет, а следы его страстных объятий не проявились. Эх, будь здесь Аришка, утро прошло бы в совсем другой атмосфере. И приспичило же ей помогать всякому сброду!

Убрав руки от мертвеца, оборотень с усмешкой заявил:

— Квиты.

Тот отскочил на середину комнаты, покачнулся.

Выходит, Аришка была права, предположив, что в слабом женском теле силы Наз Завайя будут уходить на поддержание сознания, а не на подпитку собственных способностей. Ведь в другое время оборотень не смог бы увидеть ни движения некроманта, ни его самого. И как отец говорил, умер бы, не успев глазом моргнуть.

— И что скажете теперь? — ехидно спросил барон.

— Смердящий пес, ты знал! — прохрипел взвинченный Наз Завай и сжал кулаки, — поэтому все ее силы угробил?

— Скорее, подточил, — не стал отрицать оборотень.

— Урод! Ты хоть понимаешь, что сделал?

— Заякорил намертво, — хмыкнул Стафорд и швырнул в некроманта простынею: — Прикройтесь. Сюда идут.

Но рано он из поля зрения выпустил одержимую. Глава белой стаи не успел дойти до двери, оказался окутан той самой простыней, и сокрушительные удары посыпались на него, вот только попадали не туда. Чего-чего, а предугадать, куда намерен бить обозленный мужик Стафорд всегда мог, чем и воспользовался. Заблокировав четыре выпада в горло, пах, солнечное сплетение и голову, оборотень, не дожидаясь пятого в глаза, выскользнул из-под простыни и стремительно намотал ее на рычащую фурию.

Легкий подзатыльник завершил этот раунд.

— Сказали бы прямо, что одеваться, Ваше Сиятельство не намеренно, я бы понял. — Ухмыльнулся, поймав уничтожающий взгляд, и сообщил серьезным тоном: — Ну, а теперь нагишом ходить не позволю.

— Да я...! — начал было мертвец, но был прерван очередной усмешкой.

— Устали, наверное, так вам отдохнуть нужно, — легкое прикосновение варвара к девичьей шее, ввергло его оппонента в бессознательное состояние. Он поймал обмякшее тело и удовлетворенно протянул: — Так-то лучше.

Когда в дверь постучали, бессознательная Аришка-Наз Завай была одета по всем правилам дворцовой моды и аккуратно привязана к креслу. На случай, так сказать, раннего пробуждения некроманта.

— Что с ней? — вошедшие Дерек и принц с удивлением смотрели на кареглазку.

— С ним, — поправил барон и протянул листы, которые малышка принесла вчера. — Ознакомьтесь оба.

— А это... Мы уже, — Лис отложил инструкции на столик и с интересом приблизился к привязанной пленнице. — Лерф по твоему указу всех оборотней оповестил, а я взял на себя смелость, просветить Гаро и Саира.

— Как старик отреагировал? — спросил барон.

— Некоторое время пребывал в священном ужасе, но остался жив, — светлоголовый оборотень смущенно потер нос. — Стаф, знаешь, а еще он немного удивлен звуками,

доносившимися из твоей спальни...

— Не понял.

— Мы предположили что Иуерлит Наз Завай прибыл раньше, то есть еще ночью, — пролепетал королевский щенок. — Думали у тебя проблемы с ней... с ним. Поднялись... — и краснеющий принц замолчал, не зная, как деликатнее объяснить эту глупость.

И Лис пришел ему на выручку:

— Но мы быстро поняли, что ты все держишь под контролем! — и явно, чтобы тому перевести, попросил: — А можно я ее причешу? — он потянулся к темным локонам и едва не остался без пальца.

Некромант грозно клацнув зубами близ его руки, рявкнул:

— Руки убери, падаль!

— Да я еще очень даже жив! — хмыкнул светлоголовый оборотень, отступая на шаг.

Глядя на них, Стафорд улыбнулся:

— Дерек, не принимай это на свой счет, это Наз Завай так тебе представился. Некромант скрипнул зубами и зло посмотрел на Лиса.

— Тебе на своих двоих ходить недолго осталось... — голосом прорицателя заявил мертвец и осклабился зыркнув в сторону варвара. — А тебе дочерей не нянчить!

Но зря он надеялся испугать волков.

— С радостью побегаю на всех четырех! — заявил светлоголовый оборотень.

— А я ударно поработаю над сыновьями, — ответил барон и пожал плечами: — В крайнем случае, с моими девчонками понянчится Лис или Аришка.

Он подмигнул другу и тот расплылся широкой улыбкой:

— Договорились!

И оба они старались не смотреть на одержимую, чтобы не рассмеяться в голос.

— Стаф, Лис! — Его Высочество оскорблено вскинул подбородок: — Ваше обращение с умершим правителем Тардема вопиюще несправедливо...!

Сыновья ночи ничего вразумительного ответить попросту не успели, слово взял некромант и противным голосом протянул:

— А кто это пасть открыл? Неужели, чахотный щенок Табира IV?

— Я его сын, — возмутился венценосный.

— Сын, — некромант гаденько перекинул его, — что-то ты в отца мордой не пошел. Видать матушка на стороне нагуляла.

Вопреки надеждам проклятого, принц не опустился до ругани или драки, расправил плечи и ответил.

— Прискорбно осознавать, что такой властитель, как вы, молча пройдя через пытки и унижения, скатился до глупого передергивания...

Некромант оборвал его ехидным заявлением:

— Слышу в вашей речи знакомые обороты. Кажется, я знаю, кто стал министром благодаря вашей ма...!

Договорить ему не позволил барон, легко надавивший на основание Аришкиной шеи. Тело обмякло, и оборотень обратился к другу с плутовской улыбкой:

— Лис, ее волосы в полном твоём распоряжении следующие двадцать минут.

Долго уговаривать его взяться за щетку не пришлось, любитель пушистых хвостов поспешил в ванную за набором для укладки причесок и вернулся буквально через секунду. С азартным взглядом ребенка, которому вручили долгожданный подарок, он принялся за дело.

— Ну и как тебе его шуточки? — Стафорд внимательно посмотрел на бледного и настороженного принца.

— Как ушат ледяной воды, — признался венценосный и потер шею, снимая чувство неловкости. — Непредсказуемое поведение.

— Это еще мягко сказано, — хмыкнул глава белой стаи и кивком указал на листы, сиротливо лежащие поверх туалетного столика. — Из того, что пересказала мне Аришка, у покойного долгожителя приступы бешенства и жалости к себе, перемежаются разговорами с внутренним Я.

— Опасная смесь, — прокомментировал Лис, аккуратно и вдохновенно расчесывая темные локоны девушки.

— Очень.

— А есть ли у нас управа на него? — с опаской спросил королевский отпрыск. — Все же договориться с безумцем непросто. Кто знает, что он совершит в следующем приступе бешенства.

— Управа есть, — уверенно процедил Белый варвар, — просто об этом еще не знает сам мертвец. Так что будьте уверены, проснувшись, этот хмырь заявит, что прорываясь в мир он истратил свои силы и мы должны это возместить жертвами или какой-либо другой ересью. И сделать это нужно срочно так как герцог Равии уже прибыл ко двору...

Подумав несколько мгновений, Стафорд тяжело выдохнул:

— Когда Гюстав Огюро умрет в муках, Наз потребует привезти во дворец свои останки. Поездка в герцогство и обратно займет прорву времени, и отпеть он себя не успеет.

— Что дальше? — голос Гаро был ломким и каким-то испуганным.

Предположив, что обмороки будущему королю не к лицу, оборотень выудил из сундука бутылку с красным вином и, сделав глоток, вручил ее принцу.

— Обвинит нас в растрате своих сил и в возможной смерти Ариши, чтобы потребовать тело молодого слабого или умирающего оборотня...

На фразе «смерти Ариши» венценосный подавился вином и закашлялся. А барон замолчал на мгновение, прикрыв глаза, и черты лица его заострились, а морщины прорезались, состарив оборотня на десятилетие.

— И что дальше? — Гаро отставил бутылку, рухнул в кресло и забарабанил пальцами по деревянной отделке. — Мы выполним все его требования?

— Ни одного, — отрезал барон. — И чтобы он не расслаблялся, предлагаю не воспринимать угрозы мертвеца всерьез. Ради экономии его сил, я потрачу свои. И останки Наз Завайя будут привезены вдвое быстрее, Вастар уже должен быть в герцогстве Равии. Отпевать некроманта будет Лерф, ритуал ему известен к тому же принесет чистое наслаждение.

— Почему? — не понял принц.

— Потому что в ходе обряда, труп или останкам следует нанести три удара. В сердце, голову и шею. Он произведет их с крайней точностью и огромным удовольствием. — Дерек, по глазам видно, захотел предложить свою кандидатуру, но глава стаи остановил его взмахом руки. — Извини, но мы вчера с Лерфом договорились, пока он помогал малышке с книгами.

Друг промолчал и расстроено повел плечом, так что сразу ясно стало не пройдет и двух дней он припомнит этот случай и попытается сорвать другой приз.

— И главное, — произнес барон тихо, — я не позволю этой, твари, перебраться в

оборотня.

— Почему? — на этот раз несказанно удивился Лис, аккуратно закалывая волосы бессознательной красавицы в высокую прическу. — Нам было бы проще оказаться Наз в каком-нибудь недобитом черном волке. Чтобы не стать оболочкой, оборотень сам на кинжал наколется.

— Ариша может не вернуться, — прошептал Стафорд, глядя на нежные черты девушки, которая стала центром его бытия. И мысленно он признался сам себе, а я не хочу знать, насколько ничтожным якорем являюсь для нее.

«Не верят! Не верят! Не верят!» — рычал мертвец в плотном тумане, не желая слышать уговоров.

«А нечего было ехидной притворяться» — с укором ответила я, потому что слышала первые слова Наз Завая.

К сожалению отдав тело некроманту, я не ведала, что происходит там, извне. Застряла в холоде черной бессознательности, куда Стафорд без спроса вторично отправил Наз Завая. И явление его сопровождала ругань и дымка тумана, которая созвучно гневу некроманта все уплотнялась и уплотнялась, рискуя задушить его. Вот как сейчас, когда он, захлебываясь словами, начал хрипеть.

«Ублюх-х-ублю... Тва-хр...! Смер-ер-х-х-хр!»

«Наз Завай, успокойтесь. Досчитайте до пятидесяти и прекратите бессмысленную ругань!»

Если бы я могла, я бы сейчас улыбнулась, потому что следующая фраза шла в разрез со всем произошедшим:

«Вы мне живым нужны».

«Я никому не...» — прохрипел свергнувший правитель Тердема и, засипев, недоговорил.

«Нужны. Еще как нужны. Особенно сейчас, когда во дворец явились долгожданные посетители. Вы мне нужны, да и всем остальным тоже. И вы это знаете, так почему же прямо не сказали барону, что к чему»

«На то были причины!» — рыкнул он, окончательно восстановив свой голос.

И я со смущением подумала, что всему виной его неожиданное пробуждение в момент, когда Стафорд нежно целовал меня, прижимая к постели.

«И не могу я так!» — между тем продолжил возмущаться мертвец.

«Со мной смогли».

«Ты другое! Я и сам не ожидал... — заметил он удивленно и тут же взвыл: А эти смердящие псы, возомнившие себя Бог весть чем! Да они не стоят даже пыли у ног моих...»

«У одной ноги, — напомнила я отстраненно. — Продолжите гневаться, от вас не останется ничего. А ведь никто кроме Стафорда и его волков уже не может помочь...»

«Если бы барон, блудливый, пес тебя не трогал...»

Туман вокруг Наз Завая вновь уплотнился и я резко оборвала его:

«Это было мое решение. И послушайте, а вы бы в последнюю ночь жизни, что делали?»

«Как бы... кхм! — замялся и не ответил, но уверенно заявил: — У тебя она не последняя!»

«Но в этом я смогу убедиться не скоро, если вообще смогу. Вы же брезгуете обществом оборотней и подтачиваете не только свои силы».

«Это все они!» — запальчиво рявкнул бывший правитель Тердема.

«А спорим, если вы отринете гордыню, то все решится».

Он расхохотался и исчез.

Саир вошел в спальню варвара несмело. И, стараясь не смотреть на прекрасную, но все еще бессознательную Аришку, произнес:

— Ваша Милость, ко двору прибыл герцог Равии, он желает немедленно встретиться с вами.

— Подождет, — хмыкнул Стафорд и обратился к Лису, который вот уже несколько минут неотрывно любовался своим творением, время от времени поправляя темные локоны в прическе девушки. — Дерек, расположи Огюро со всеми удобствами как можно дальше от дворца. На отшибе.

— В домике Синий Топаз, устроит?

— Да. И пусть Хотский и его парни за гостем присмотрят.

— Зачем? Не думаешь же ты, что он сбежит? — улыбнулся светлоголовый оборотень.

— Он и не захочет. В замке нынче обитает его цель, — кивок на Гаро, — его оружие, — барон указал сам на себя. — А еще здесь есть подарок, от которого он не откажется...

— Невесты соседних королевств, — произнес принц, вновь становясь бледным, словно бы не он только что ополовинил бутылку с крепким красным вином.

— Да, после такого сообщения невольно протрезвешь, — хмыкнул Стафорд. — Но все обойдется.

— Я не понял, пункта об оружии, — Лис отступил наконец-то от своего творения. — Что ты имел в виду, указывая на себя?

Белый варвар медленно выдохнул и постарался в голос добавить легкости:

— Если некромант не врал, то у герцога должна быть реликвия моей серой стаи...

В комнате повисла напряженная тишина, которую старец-калека нарушил замечанием:

— «Если» хорошее слово, его может и не случиться, — прихрамывая он, подошел к Аришке, присел на сундук возле кресла и с отеческой улыбкой прикоснулся к бледной девичьей руке. — Уставшая.

— Саир, она не в себе, — поспешил напомнить глава белой стаи.

— Знаю, — последовал простой ответ.

Барон хотел еще что-то сказать, но его отвлек вопрос встревоженного Дерика.

— А на случай «Если» инструкции какие-нибудь есть?

— У Лерфа.

Лицо светлоголового оборотня помрачнело, в глазах появилась растерянность.

Проклятье! Лис всегда умел смотреть в корень проблемы, и складывать дважды два. Вот и сейчас он, несомненно, догадывается, почему отпевать некроманта будет молчаливый.

Нехотя под испытующим взглядом друга барон признал:

— Он единственный.

— Ты уверен?

— Да, на собственной шкуре проверил, когда Лерф меня скрутил за доли секунды.

— Я не о том, — Лис раздраженно дернул уголком губ. — Другие варианты есть?

— Ни одного.

Гробовое молчание повисло в комнате, и Саир неодобрительно покачал головой, переводя взгляд с одного оборотня на другого.

— Что происходит? — спросил бледный Гаро. Он чувствовал опасность, но не понял

еще, с какой стороны она грядет, попытался вникнуть в суть: — Дерек, тебя не устраивает кандидатура Лерфа или...?

— Меня вся ситуация не устраивает, — отрезал сын ночи. — Стафорд, неужели ты позволишь себя использовать!

— Простите, — молчавший до сих пор Саир, несмело напомнил о себе, — но герцог Равии все еще ждет внизу.

— Пусть ждет! — рыкнули оборотни.

В комнате зазвенели стекла и зеркала, и девушка, привязанная к креслу, неожиданно вскинула голову.

— И чего разорались? — спросила она.

Саир резво вскочил с сундука и отшатнулся от одержимой, чтобы застыть, в полупоклоне, не дыша. Единственный из всех присутствующих. Остальные же вспомнили слова барона и отринули страх перед легендарным некромантом.

— И вместо красавицы очнулось чудовище, — расстроено вздохнул Лис, складывая принадлежности для волос в коробку.

— Да, несправедливо, — хмыкнул барон, — ты столько трудов потратил, а щеголять с такой прической будет... он.

Гаро поднялся из кресла и поделился наблюдением:

— Ну, если он на этих каблуках идти сможет, то да пощеголяет.

Мужчины как по команде с интересом уставились на милые туфельки, которые для Ариши выбрал Стафорд, а мертвец скривился, сказав до безобразия милое девичье лицо.

— Простите их, Ваше императорское Величество, — подобострастно прошептал старец, не разгибая перед одержимой спины.

— Саир ты? — удивилась кареглазая, посмотрев на калеку.

— Я

Она прищурилась:

— Не изменился. Как нога?

— Сохнет потихоньку, — развел руками старец.

— Не переживай, еще год и...

И трое мужчин одновременно шагнули к девушке, с угрозой взирая на нее. Шутки шутками, но обещать калеке избавление от недуга после смерти может только жестокий некромант.

— И Ариша вылечит, — хмуро сообщил Наз Завай, взирая на воинственное трио.

— Благодарю вас Ваше императорское Величество. Скажите, как наша красавица поживает, хорошо себя чувствует? — спросил Саир.

— Слабеет. Время неумолимо тянет из нее силы.

— Да неужели! — наигранно изумился Гаро, и оборотни не сдержали улыбок.

— И чего скалитесь?! — вспыхнул сверженный правитель Гардема. — Из-за ваших игр я сам на переходах истратил свои силы!

— В курсе, — мужчины с трудом сдержали смешки.

— А герцог Равии уже прибыл...

— Знаем.

Некромант раздраженно прошипел:

— Мне нужно их восполнить!

— Кровью?

— Можно и ею, — ответил мертвец.

И мужчины, переглянувшись между собой, расхохотались в голос. Тревога отступала, надежда выйти из этой истории живыми и невредимыми медленно начала расправлять крылья.

Не ведая причины их веселья, некромант разозлился еще сильнее:

— Да заткнитесь вы!

— Нет, мы лучше разойдемся! — утирая слезы смеха, барон приказал Лису заселить дорогого гостя, Гаро отослал к Лерфу, а старца к Ивену Нильскому с приказом, чтобы министр иноземных невест не выводил на прогулку в королевский сад. И оставшись наедине с некромантом в красивом женском теле, произнес:

— А теперь поговорим.

— Слушаю, — нахмурилась кареглазая.

— Ваши останки будут привезены в Адар через двенадцать дней. В виду вашей энергетической истощенности, я сам убью Огюро. Если пожелаете, сделаю так, чтобы он три часа умирал в муках. Отпевать вас будет молчаливый. Он же доставит ваши кости в грот.

— И аккуратно сложит на троне, — в один голос с бароном произнес Наз Завай. — Отраднo слышать, и возникает вопрос: сыны не должны отвечать за поступки отцов?

— Нет!

Категоричный ответ Стафорда, некроманту понравился, но не удовлетворил.

— А внуки должны отвечать за поступки дедов?

— Нет, — в этот раз оборотень помедлил.

На лице одержимой появилось странное выражение.

— А правнуки — за прадедов?

— Зачем спрашиваете? — насторожился барон. Неужели в Тардеме за время восстания вырезали не весь род правителей? Да и мог ли кто-нибудь остаться в живых, ведь опьяненные свободой люди никого не жалели: ни детей, ни стариков.

— Отвечай честно, как сказал бы это своему собрату!

С трудом подавляя внутренний рык, мужчина ответил:

— Нет, не должны.

— Все-таки в своем выборе я не ошибся, — выдохнул некромант, и ироничная улыбка расплылась на красивом Аришкином личике. — Но торопиться с обещаниями не стоит. Для начала, избавь Густава от своей реликвии. И передай своим волкам, пусть они его в столице задержат.

Бросив взгляд в зеркало на стене, одержимая посмотрела на себя с прищуром, улыбнулась:

— Хотел руки твоему Лису оторвать, но теперь вижу, они у него растут откуда надо, — и с этими словами девушка величественно поднялась. Путы с нее осыпались черным прахом, кресло задымилось, а под ногами в туфельках с высоким каблуком, начал тлеть ковер.

— Что? Но...как...? — Стафорд с немym изумлением смотрел на разрушения сотворенные мертвецом.

Некромант раздраженно фыркнул, отвечая не в тему:

— И чего непонятного? Сказано простым языком, реликвию надо выкрасть. Среди бесеков, что гостят нынче во дворце, есть Авер по прозвищу Тайник. Вот и дай горному задание выкрасть.

— С этим ясно, — раздраженно ответил барон: — Как вы освободились?

Наз Завай грациозно отмахнулся:

— Я решил не экономить и изменил свои планы.

— Какие планы? — зло прошипел барон, наступая на некроманта.

— А об этом ты узнаешь в дороге.

— Какой дороге? — Стафорд почти схватил девушку за руку, но руки коснулся холод и Ариша неожиданно начала исчезать, таять, как дымка тумана.

— Увидишь, — улыбнулась она и твердо приказала: — Отдай нужные распоряжения, и встретимся внизу.

Развеялась.

— Проклятье! — сжав зубы, барон с грозным рыком ринулся вниз. На его зов слетелись бритья близнецы, Дерек, Лерф, Таром и Аго. Он предупредил их о вынужденном отъезде суть которого объяснить не смог, лишь зубами проскрипел на удивленный вопрос друга.

— Не знаю!

— Хорошо, — отозвался Лис, — мы удержим Огюро и вместе с ним дождемся тебя.

Стафорд решительно кивнул и, взяв у молчаливого деталь от клинка Гессбойро, устремился к бесекам. Нашел их в комнатах леди Таис, стремительно собирающимися:

— Нас уже проинформировали, — увидев оборотня, отчитался Хотский.

Вильма, оправляющая куртку на плечах горного, тревожно спросила:

— А это не опасно?

— Нет, — и Белый варвар на бесекском наречии попросил наемников об услуге и показал часть реликвии.

— Сделаем, — ответил за всех Увыр. — И без благодарностей, вы спасаете нашу сестренку.

Оборотень улыбнулся, произнес:

— Ариша обзавелась достойными родственниками.

— И все мы надеемся, что ей повезет и с мужем, — ответил Хотский старший. И двое других в знак согласия склонили головы.

— Я рад.

Спускаясь вниз, Стафорд вернул деталь клинка Лерфу и, завидев девичью фигурку, стоящую во дворе звучно выругался. Некромант и не подумал о том, чтобы одеть Аришу, вернее ее тело. Стоит на холодном пронизывающем ветру и с интересом разглядывает обгоревшую крышу западного крыла.

Когда оборотень подлетел к девушке и решительно завернул ее в плащ, подбитый мехом, накинул на высокую прическу капюшон, некромант невозмутимо произнес:

— А мне не холодно.

— А мне все равно! — отрезал сын ночи и отступил, прожигаемый хитрым карим взглядом.

— Ты зря боишься за нее. Она вернется целой и невредимой, — красавица посмотрела на барона и тихо согласилась: — Хотя ты правильно подумал об одежде, возвращаться вам придется издалека.

— Не понял.

— Сейчас объясню...

Угольно черная дымка, устремившаяся от девушки в разные стороны, словно бы щупальцами диковинного морского существа, свернулась в пространстве вокруг Ариши и напряженно застывшего Стафорда.

Нельзя было верить! Пронеслось в голове оборотня, прежде чем изящные пальчики девушки прикоснулись к барону, а вслед за этим холод обернул его колючим сукном, пронизывая сквозь одежду и проникая под кожу. Дыхание сперло на вдохе, и сердце остановилось, пронзительно звеня в крошечной тьме пустоты. Яркая вспышка боли пропорола не только тело, но и внутреннего волка. Он яростно забился о клетку ребер, разрушая все еще хрупкие ледяные цепочки, разгрызая тонкие морозные прутья. Но они восстанавливаются слишком быстро, слишком стремительно, неотвратно. Невозможно... Скрежет его когтей и призыв не сдаваться на волю мертвеца, был последним, что слышал барон-оборотень, теряя сознание.

Запах жухлой листвы, мороза и земли был первым, что пробилось в сознание варвара. Колючая тьма уже не сжимала его в тиски, и волк молчал, выжидая очередного удара. Он не верил в хорошее, тем более в добрые намерения некроманта, который без предупреждения бьет магией наотмашь и любит собственными трудами. В том, что Иуерлит Наз Завай с улыбкой наблюдал, как Стафорд корчится, сомнения не было, как впрочем и том, что он с радостью проделает это еще раз. А потому оборотень внутренне ждал удара и дождался его, если можно так судить по звуку.

Первую хлесткую пощечину сын ночи услышал, но не ощутил, почувствовал лишь, как голова резко дернулась, и запах мерзлой земли стал отчетливее. Вторую и третью испытал сильнее, а потом, кажется, был удар кулаком в челюсть, но глава белой стаи вовремя отвернулся и, перехватив хрупкую девичью кисть, сжал ее, нанося ответный. Тихий вскрик, остановил руку оборотня всего в сантиметре от лица нападающего, и эта заминка стоила ему еще одного удара в лицо.

А вслед за ним в тишине раздалось ехидное:

— Вот теперь квиты. К слову, не удивляйся легкому головокружению и слабости.

— Почему? — прохрипел оборотень, ощущая совсем нелегкое головокружение и слабость, а опустошение.

— Я порылся в твоих воспоминаниях, — голос Ариши, в котором отчетливо звучали интонации некроманта, задумчиво произнес: — Второй раз искренне радуюсь всеобщему отношению к девчонке. И информацию добыть легко и избить никто не решается.

Стафорд мгновенно оказался на ногах. Схватил кареглазую за плечи и, придавив ее к ближайшему дереву, прошипел:

— Что за информацию вы пытались добыть, если предполагали избивание?

— Ничего особенного, — одержимая попыталась вырваться, но добила лишь того, что испортила созданную Лисом прическу.

— Очень интересно, — вкрадчиво протянул оборотень, и принялся. Нет, никто Аришу не бил, запаха не осталось и повреждений не видно, но узнать все же, стоит. — Наз, вы находитесь в теле девушки, которую я... хочу страстно с самого утра.

— Да ты подавишься рвотными массажи, — некромант вначале скривился, а затем и расхохотался в голос: — Какая прекрасная будет смерть!

Барон осмотрелся вокруг, узнавая мертвый лес, что растет на просторах Равийского герцогства, и поляну, на которой когда-то давно старшие сородичи избивали его щенком. Гадкое воспоминание, которым рискнул воспользоваться некромант, предало уверенности Белому варвару. Со свиньями можно по-свински. Прикинув все за и против, он улыбнулся так, как может улыбаться хищник своей добычей, и произнес:

— Кляп в рот и повязка на ваши глаза решат эту проблему.

Издевательский смех оборвался, некромант потребовал его отпустить.

— Вы не ответили на мой вопрос, какая информация вас интересовала?

— Знаю, — огрызнулся мертвец, осматриваясь по сторонам. — Но время не ждет, и нужно идти.

И чего он боится? Сам барон опасности не чувствовал ни явной ни скрытой. Пустой лес с опавшей листвой, голая поляна, камни, следы, запахи. Ничего даже мало-мальски настораживающего.

— Куда? — оборотень хищно оскалился.

— А это ты мне скажи, — обозлился некромант, — где мои кости свалены?

— Там же где Дорас Аличи, Валери Осорская, Тересия Сивер и Данари Айсакирри. Под землей. — Уточнил он для ничего непонимающего некроманта. И скривился в ироничной улыбке. Последних двух леди пришлось ловить на дорогах ради сведений о прошлых покушениях на принца, а так же ради их спасения от герцогской расправы.

— На кладбище?! — вопль Наз Завайя спугнул трех ворон сидящих на ближайшем дереве. — Я не видел, как ты их убил! — и девичьи руки вцепились в куртку оборотня в знакомом порыве.

Барон аккуратно стряхнул с себя одержимую, улыбнулся вспомнив, что в прошлый раз кареглазка хватала его за грудки при схожем вопросе.

— Они в подземелье, живы и почти здоровы.

— К-как?

Удивленное недоверие, застывшее на нежном личике, было почти Аришкиным, и Стафорд с трудом удержался, чтобы не поцеловать ее. Отвернулся, кашлянул, прочищая горло:

— А ваши кости здесь, в пещерах, — Белый варвар отступил и освободил «пленницу», наблюдая за девушкой искоса, поинтересовался: — Что, в моей памяти порыться успели, но собственных костей в ней не нашли?

Мертвец несмело сделал шаг в сторону, затем второй и брезгливо передернул плечами:

— В твоих воспоминаниях костей и трупов тоже предостаточно.

— Хватало, — кивнул оборотень. В войне был, в резне меж волками участвовал, захоронения разгребал, пытки видел, некоторые из них проводил.

— Хватило бы на укладку дороги из Адара в Черхи. И не разобрать, кем были умершие при жизни. — Хмыкнула одержимая, накинув капюшон на голову, пробурчала глухо, словно бы сама с собой разговаривая: — Угораздило же из-за кровного родственника обратиться за помощью к врагу.

— Выходит Густаф Огюро ваш...? — Стафорд не договорил и недоверчиво воззрился на сверженного правителя Тардема.

— Внук, — резко ответил некромант. — И не надейся, что он тебе в руки дастся просто так. Кровь долгожителя в его жилах не сильно-то и разбавлена.

— Теперь понятно, почему он меня так бесит, — хмыкнул барон. — И даже с неразбавленной справимся, если вы не будете с ним заодно.

— Не буду. Могу слово дать.

— Не надо, — в тон ему ответил Стафорд, — приму заверения и так.

Подумав, он указал направление к пещерам и зашагал чуть позади горестно потупившегося некроманта. И мысль, как молния принесла уточнения в слова Наз Завайя.

— Погодите... И зная о родственной связи, он вас пытал? — в голосе оборотня прозвучала едва заметная смесь иронии. Герцога Равии глава белой стаи и ранее считал выродком, но и предположить не мог, на что решится этот увалень.

— Родственников не выбирают.

— Вы это о нем или о себе?

Некромант резко обернулся, прошипел:

— А ты как думаешь?

— Ну, да...оба хороши, — барон дернул уголком губ, сам-то он отправил к праотцам кровного дядьку Сербо. А будь его воля, оживил бы и еще раз отправил. Задумавшись над этим вопросом, сын ночи посмотрел на Наз Завайя. А ведь может... бесова волка поднять. Что если...?

Плюнув, некромант отвернулся и продолжил путь в указанном направлении. Заговорил он не сразу, и начал с главного:

— Так уж получилось, что высшие силы наградили мою младшую дочь не только красотой, но и мятежным духом...

Папашей самодуром, мысленно подкорректировал сын ночи, но перебивать откровения мертвеца не стал.

— ... она все делала вопреки моей воле, и чем больше я давил, тем сильнее она упиралась. Так назло мне Овеня сбежала из дома и зачала... от простолюдина! — последние слова он выплюнул. — Я запер ее во дворце и выжег три квартала мастеров, в которых, дуреха, посмела скрываться...

На этом свергнутой правитель Тардема замолчал.

Белый варвар и одержимая девушка шли шаг в шаг, уверенно и легко, распрямив плечи, вскинув головы и глядя вдаль. Под ногами скрипел лед, хрустели ветки, шуршала замершая листва, ветер выл в кронах мертвого леса. В небе изредка мелькал прозрачный луч осеннего солнца, который не верил в чудеса, но явно их ждал. Тишину разрушил оборотень, уж очень интересной становилась история о жизни проклятого некроманта.

— И ваша дочь сбежала сюда, в герцогство Равии?

Кивнул медленно, заторможено, прохрипел:

— Сбежала не сразу..., но спустя три года моя позорная дочь единственная осталась живой.

А ведь Стафорд восстания в Тардеме не застал, но из слов отца понял, оно было знатным. Выкосило не только правящую элиту долгожителей, но и оборотней. А теперь приходится помогать главному виновнику этих событий. Шутка ли. Барон поморщился, отгоняя от себя эту мысль. И подумал о том, что Овеня Наз Завай смогла в герцогстве устроиться с шиком, раз уж добыла для внебрачного сына титул герцога.

— Она здесь замуж вышла. Ну и как, удачно?

— Идиотка! — ни с того ни с сего рявкнул некромант. Прошипел сердито: — На свободе долго не пробыла, пошла за такого же, как я. Властолюбца!

Паскуду, изувера, тирана, циника, бесову падаль и человеческую гниль, мысленно продолжил за него Стафорд лестную оценку неудачного зятяка.

— Не прошло и десяти лет, — выдохнул Наз Завай, — и ее мятежная душа в назидание супругу возжелала оборотня...

— Интересные методы борьбы, — не удержался Стафорд.

— Лучше не придумаешь...! — прошипел мертвец, вновь замолчал и потупившись.

Глава белой стаи дал ему минуту на воспоминания, а затем спросил:

— И так на свет родилась черная волчица Экхея.

— Она родилась, — мертвец остановился на мгновение, согнулся, как от физической боли, прошипел: — А я дочь живой не застал. Не успел. Зато зятюку пальцы повыдергивал неспешно... — он кровожадно улыбнулся. — Все. Двадцать один, а затем и конечности...

Некромант об изуверствах своих еще долго говорил, но Стафорд не слушал, его волновало другое:

— А с настоящим отцом волчицы что произошло?

— С черным... — Наз Завай бойко перескочил через широкий овраг, раскрывший огромный зев среди кустов и поваленных деревьев, и с гордостью заверил: — Ничего такого, с чем бы я ни справился. С того света вернул, вправил пару переломов, зарастил печень, легкие и селезенку и отдал ребенка ему.

На попечение понял барон и, лихо перемахнув через овраг, остановился рядом с некромантом:

— А с внуком, как поступили?

— Оставил здесь. В свои пятнадцать он уже сам решения принимал, а я, истратив силы, не смог на них повлиять... — и вновь заговорил сам с собою, — ни тогда, ни сейчас. Зато уберег себя от его потомков. — Он позволил горький смешок: — Оказалось, что оборотни с моим наследием справляются лучше людей, их меньше тянет к крови.

— У нас есть извечный тренер выдержки — внутренний волк.

Мертвец оправил перчатки на изящный руках карглазки.

— Идти далеко еще?

Стафорд прищурился, определяя расстояние до нужной точки, ответил:

— Пять километров.

— Хорошо.

Неожиданно некромант вцепился в руку оборотня мертвой хваткой и закрыл глаза, замер и задышал медленно, словно бы в сон погрузился.

— Эй... — позвал оборотень настороженно, но мертвец не откликнулся. — Иуерлит Наз Завай, ваша медитация в эту минуту неуместна...

Времени прошло всего ничего, холодная тьма вокруг меня вновь наполнилась чуть светящейся дымкой тумана. Заискрилась. И голос некроманта прошептал:

«Ариша! Ариш, отзовись!»

«Тут я. Что случилось?»

«Пока ничего особенного, — отмахнулся он и нетерпеливо продолжил: — Ты мне вот что скажи... Барон твой слово держать умеет?»

«Как никто другой» — заверила я с улыбкой.

И дымка растворилась, прошептав напоследок: «Спасибо, славненькая».

Ехидства в его голосе уже не слышалось, но радоваться я не спешила, еще неизвестно какое слово он со Стафорда пожелает взять.

Опасности Белый варвар все так же не ощущал ни от окружающего их мертвого леса, ни от самого некроманта. Но волновался. Кареглазка вот уже пятую минуту не приходила в себя, бледнела с каждым мгновением все больше, от чего синие тени под глазами стали темнее, щечки впали и носик заострился. Не к добру, совсем не к добру. И пусть держится она за него крепко и стоит на своих ногах, но трясется. И дрожь эту сын ночи чувствует так же хорошо, как и оборотней, которых он сюда направил. А еще их вожака... обозленного до бешенства, несущегося на всех парах к барону, задыхаясь и часто сглатывая набежавшую от ярости слюну. И это с его-то спокойным нравом? Что же случилось: черные засекли разведчиков или старый Вастар некроманта почуял?

От дальнейших мыслей его отвлек голос одержимой, медленно пробуждавшейся ото сна.

— Дай команду твоим волкам следовать к пещере, — кареглазка мягко отступила от него и отпустила руку. — Не делай больших глаз. Я знаю, что ты их сюда направил задолго до приезда в Столицу. — Девушка покачнулась и вновь схватила оборотня за рукав: — И поторопись, пока она дышит...

— Кто дышит? — насторожился барон.

— Эххей! Ну же...!

Стафорд не спорил, по эмоциям и движениям некроманта определил — не врет. А потому дал протяжный клич собратям изменить направление.

— И старого... — некромант прижался к плечу оборотня головой, прошептал, — волка Вастара предупреди, чтоб не кидался, иначе я за себя не ручаюсь.

— Ясно, — процедил барон и дополнил свой рык. — Что дальше?

— К пещере...

Когда некромант начал двигаться, барон обернулся в волка за доли секунды и припустил вслед за девичьей фигуркой, что как тень мелькала меж деревьев, размываясь в своем движении.

Преследуя бегунью, Стафорд раздраженно фыркнул. Надо же, и все это время бесов некромант шел и о прошлом своем рассказывал, совсем не потому, что устал. Отнюдь. Энергии в нем хоть отбавляй, вон как припустил между деревьев просто так и не догонишь. И какую цель он хотел достигнуть своими разговорами? Время тянул или местность внутренним взором прощупывал? Или перепроверял можно ли Белому варвару верить? Оборотень раздраженно покачал головой и таки догнал одержимую, наравне с ней побежал, прорычал беззлобно:

— Интриган проклятый!

— Ничего... — ответил Наз Завай, легким прыжком перемахнув через поваленное дерево, — скоро избавишься.

И не запыхался, с усмешкой отметил про себя барон, приземлившись рядом.

Когда они были всего в двадцати шагах от горящего рва, дорогу им заступили белые оборотни. Тридцать огромных белых волков, оскалились при виде Ариши. А самый низенький из них и злой — Вастар с пеной у рта потребовал, чтобы Стафорд растерзал треклятую девчонку.

— Проклятье! — барон выступил вперед, закрывая собой девушку. — Я... — начал он с

рыком, но его оборвали. И не словом, а действием.

Кареглазая бесстрашно шагнула вперед и, протянув руку, предостерегающе коснулась холки оборотня, и обратилась к оскалившемуся волку напротив:

— Вастар, ты сможешь станцевать на моих костях, плюнуть в черепушку и даже взять себе сувенир на память, кости копчика или кисть единственной руки, что у меня осталась. Я разрешаю. Но сейчас прошу нам не препятствовать... Я за своим пришел, барон подтвердит.

Варвар интуитивно кивнул. И предводитель волков из второго логова белой стаи, раздраженно дернулся, но нападать не стал. Спросил рыча:

— Чего ты хочешь, падаль?

— Помочь, — не обращая внимания на грубость, ответил некромант. — Запоминайте: как только спуститесь, поворот направо, затем третий слева, на пяточке не останавливайтесь, бегите прямо до упора. Там начнутся ловушки, камни с красными прожилками. Касаться нельзя, а если угораздило, отправьте попаданца в сон и оттащите в сторону. В себя придет не скоро, но жив останется.

Старый волк прищурился:

— Что с охраной?

— На каждом повороте до десяти голов. В основном одиночки и люди...

— А черные где? — спросил один из молодых волков, переступив с лапы на лапу.

— На подступах к столице, — отмахнулся некромант, словно бы о мелочи говорил, — мы их сами встретим. Торопитесь...

Легкое прикосновение к плечу, и колючая тьма вновь заволокла Стафорда, чтобы неожиданно резко отступить. Точнее холод отступил, а вот непроглядная чернота пещерного нутра осталась. Оборотень закашлялся, и, прижавшись белым боком к камню, лапой потер морду. К темноте он привыкал медленно, щурясь и моргая, дышал отрывисто. И запах сырости и тлена душил, холод все еще блуждал по телу, прокалывая шкуру острыми иглами.

— ... надо же! Не верят, идиоты! — отповедь некроманта зазвучала как набат.

— А вы чего хотели? — закашлявшись, спросил сын ночи, возвращая себе человеческий облик: — Чтобы волки поверили одержимой девчонке, которая исчезла у них на глазах, да еще оборотня с собой прихватила?

— Так и хотел. Подай им голос, что ли... — предложил Наз Завай сердито.

— И что сказать? — любопытствовал оборотень перед взглядом, которого наконец-то стали проявляться очертания пещеры с многочисленными трещинами на сводах и обломками скал в проходах.

— Чтобы сюда шли. Ты один не справишься.

— Н-да, так мои способности давно никто не принижал, — хмыкнул сын ночи.

— Наоборот, — ответил некромант тихо, обращаясь сам к себе, — жаль, что я оборотней раздваивать не могу, второй бы такой точно пригодился.

И он ушел в правую ветвь коридора, шурша платьем и цокая каблучками. Барон, бросив клич, поспешил за свергнутым правителем Тардема. Его тихий рык низкой тональности несся наружу, чтобы быть услышанным извне, но оказался понятен и тем, кто внутри. Проклятая травка ирд скрывала запахи затаившихся оборотней, но шорохи глушить не могла.

Медведя спрыгнувшего сверху, Стафорд остановил ударом в брюхо и, зашвырнув бездыханную тушу в левый проход, повалил двух из рысей. Не дав им возможности подняться, барон нанес три коротких удара по шеям. Так, чтобы очнулись не скоро, а выбравшись из забытья, еще долго оставались неподвижными.

— Где ты там?! — прошипела одержимая, и Белый варвар поспешил на помощь. Вовремя.

Огромный снежный барс, вцепившийся в руку девушки, только и успел, что лапу занести над ней для смертельного удара. Глаза заволокло непроницаемой красной пеленой, сердце огнем опалило, и двигаться он начал стремительно. Бесшумно и неуловимо, как для других, так и для себя. Сам не заметил, как он оборотню переломил хребет и занесенную лапу до самой шеи разодрал, и очнулся Стафорд не от хрипящего скулежа барса, а от язвительного заявления Наз Заваяя.

— А ну отпусти меня!

— Что? — не понял варвар, продолжая сжимать кареглазую в своих объятиях.

— Руки убери, спасатель! — прошипел некромант, отчаянно вырываясь, — нашел время, сучий по... кхм! Стань в сторону, я сказал...

Стафорд не отошел, отшатнулся, как от прокаженной, и, сжимая кулаки, прорычал:

— А нечего было в пекло лезть.

— Не плелся бы сзади, я бы не...! — и сам себя оборвал на полуслове, зашептал тихо: — Экхея. Деточка, ты где? Отзовись...

— Де-е-еда? — еле различимый шепот, донесся из-за угла.

— Слышишь? — спросил некромант: — Откуда доносится?

И Белый варвар устремился вперед, точно зная, что некромант догонит, но вряд ли справится со всеми встреченными оборотнями. Еще два медведя и трое барсов застыли на камнях пещеры бессознательными фигурами, и волк, ворвавшись в каменный зал с гладкими стенами, замер, не веря глазам своим. В свете свечей догорающий вокруг черного алтаря виднелись кости некроманта сброшенные в кучу и молот, которым его останки методично крошили, запах гнили и тлена смешивался с металлическим ароматом крови и горевшей плоти, а в углу на цепи застыла черная волчица.

— Экхея? — с трудом признал он.

— Ты?! — несчастная, недоверчиво глядя слезящимся глазом, прохрипела срывающимся голосом: — Стальной барон...

— Уж лучше Белым варваром... — прошептал он недоумевая. И где та ехидная гордычка, что зажигала в нем искру одной лишь фразой, подшучивала, сочиняя песенки. Строчки некоторых Дерек до сих пор припоминает с улыбкой. Где яростная хищница, которая не останавливалась ни перед чем, в том числе и отказом во взаимности.

Сломали?

Он прищурился, скрывая жалость во взгляде. А она дернулась вперед, насколько хватало стальной зачарованной цепи, припала на лапы, заскулила:

— Добей, умоляю...

— Да мы как бы...

— Только не мучай, — просипела черная, пригибая голову к земле и пряча слезы.

— Вот же ж, глупая девчонка! — фыркнул некромант, стоя за спиной барона, и попросил его: — Посторонись, что ли...

Оборотень отступил и Наз Завая вышел на свет догоравших свечей в своем человеческом облике. Статный, властный, седой и синеглазый. Он опустил перед волчицей на колени, руки к оторопевшей протянул, зашептал:

— Я пришел..., пришел. Видишь, вот он я. — Мужчина руками разодрал ее металлический ошейник, попросил сипло: — А теперь перевоплотись.

— Не сумею... — волчица лбом уткнулась в его колени, вздрогнула, ощутив руку на холке, но не отскочила.

— Я помогу, если не сможешь, — пообещал некромант.

Оборот не поддался ей ни с первой попытки, ни со второй, на что сверженный правитель Тардема, с улыбкой ответил:

— Ладно, и так обниму, — он аккуратно притянул черную к себе, лицом зарылся в подпаленную шкуру, обнял так, чтобы не задеть ожоги. Прошептал: — А теперь давай со мной, вместе... еще раз.

Стафорд как был в обороте волка, так там и сел, поджав хвост и уши. С немым удивленьем взирая на то, как изувер повинный в смерти тысяч оборотней, бережно прижимает к себе волчицу и шепчет ласково: «Все хорошо, все хорошо... У тебя получится, просто поверь мне на слово и обернись». И через несколько мгновений в руках Наз Завайя оказалась израненная красавица в разодранном платье. Она не оттолкнула его, наоборот вцепилась в плечи окровавленными руками, зарыдала на груди.

— Прости..., прости меня! — всхлип горький тяжелый с надрывом: — Пожалуйста, прости. Я не думала, не знала... Я же на могилу твою привела его..., чтобы..., чтобы попрощаться. А он..., он...!

— Что ты, что ты... — шепчет ей некромант: — Пустое, все пустое... — И отстранив ее от себя, спросил: — Теперь-то ты мне правнука покажешь?

Задрожала, забилась в истерике, завывала, отчего с потолка пещеры посыпалась мелкая крошка:

— Я не знаю,... жи-и-и-ив ли он! Не слышу...! Н-не чу-у-увствую... Он-он... он не отзывается.

— Тихо! — прикрикнул мертвец, сжав плачущую до хруста в ребрах. И поглаживая ее по голове, зашептал: — Жив он, жить будет, отзовется. Только позволь мне его увидеть... Дай разрешение, увидеть и услышать его.

Дочь ночи вскинулась, зашипела, глотая слезы:

— Даю! На все даю... Прости меня, прошу... спас-си его. Умо-о-ляю! Я все отдам, я за тобой уйду, то-то-лько его спаси... прошу!

— Ох, глупышка... — образ мужчины развеялся, перед Экхеей предстала кареглазая, которая, стянув с себя плащ, укрыла оборотницу, приговаривая: — Я сам отдам за вас все и никогда не пожалею об этом.

— Никогда или никого? — хмыкнул Стафорд.

Но одержимая не ответила, поцеловала волчицу в лоб, поднялась с колен:

— Сейчас мы принесем его, а Вастар тебя посторожит. — И, обернувшись к проходу, в котором только что появился белый поджарый волк, чуть громче спросила: — Правда, старый?

— Твою мать! — ругнулся тот, оглядывая каменный зал, наручники, цепи и пленницу, освобожденную из них.

— Ничего не трогайте, — приказал некромант. Подойдя вплотную к Белому варвару и ухватившись за его загривок, он добавил: — Мы сейчас вернемся.

Прикосновение Аришкиной ручки к седой шкуре волка, отозвалось холодом сковывающим тело оборотня.

— Проклятье, — только и выдохнул барон сквозь зубы.

Очнулся через мгновение на пустыре, заваленном деревьями и каменными осколками.

Один. А где же? Холодный пот проступил вдоль спины, и стальной обруч сдавил ребра, так что каждый вдох дается с трудом. А запах кареглазой теряется в сильном ветре, и не понять здесь она все еще или исчезла.

— Ариша! — позвал он пронзительно громко. — Аришка... Ари...!

И ветер отозвался на призыв, донес обрывок сердитого ворчания, так похожего на ее голос:

— Разорался..., сучий потрох! Бесто...лочь... — и уже громче. — Да здесь я..., то есть она! Здесь.

Барон осмотрелся вокруг, прищурился, завидев маленькую фигурку, размахивающую руками вдали. И вправду, не исчезла, и не ушла далеко, всего-то в километре от него стоит пронизываемая ветром, дрожит и с ноги на ногу переступает. Сын ночи увидел и губы дрожащие, и мертвенно бледную ее кожу, разозлился, разделявшее их расстояние пролетел стрелой и, обернувшись человеком, сорвал с себя плащ, чтобы укутать одержимую.

— Ну, и зачем? — прохрипел некромант.

— Тебе может и не холодно, но Аришу мне не морозь! — рыкнул Стафорд.

— Да не о том я, — отмахнулся мертвец, спешно кутаясь в тепло, пусть и пахнущее двуликим: — Обернулся зачем, ты мне волком нужен, чтобы могилу рыть.

— Кому? — насторожился Белый варвар.

— Не кому, а чью, — и место указал вод белой скалой. — Мальчишка на дне, так что будь осторожен.

— Он здесь?! — оборот не заставил себя ждать, и последний вопрос Стафорд прорычал, сдвигая часть скалы в сторону. Только сейчас он ощутил запах волчонка и одежды, которая пропиталась ароматами пещеры, крови и тлена. И так, запах есть, но только он. И настораживает то, что дыхания не слышно, да и энергии бьющей в теле не чувствуется. — Он там хоть живой?

— Ты точно Белый варвар глава стаи оборотней? — ехидно спросил некромант.

— Не сомневайтесь, — рыкнул волк, выворачивая камни из земли.

— Да я удивляюсь, что ты все еще веришь в сказки... Н-да, в таком случае я не буду рассказывать, что Густав со своей женой сделал, когда она его с твоей Те... — на имени леди Сивер, он запнулся, и продолжил нейтральным тоном, — с любовницей застучала. Сдается мне, ты и рассказа не переживешь...

Сын ночи фыркнул раздраженно. Шутничок, чтоб его! И не прекращая разрывать мерзлую землю, он поинтересовался с усмешкой:

— Если ваша кровь изувера столь сильна и через поколение, может, оставим ее на дне могилы вместе с правнуком?

— Комай молча, — фыркнул некромант. Он прошелся из стороны в сторону, подумал немного и сказал: — А еще ответь, ты будешь против, если вдруг... когда-нибудь совершенно нечаянно моя ветвь... — витиевато начал Наз Завай и остановился не в силах подобрать слова.

— Станет у власти? — насторожился барон оборотень.

— Мммм нет... породнится с твоей. Ты будешь против?

И взгляд у карих глазищ был такой хитрый и выжидательный, что ясно стало, говорить об «если» бессмысленно.

— Когда? — хмуро спросил Стафорд.

— В следующем поколении, — охотно сообщил мертвец и улыбнулся, как Аришка

открыто и очаровательно.

В этот момент барону сильнее всего захотелось закопать могилу обратно и сделать вид, что его ни о чем не просили и не спрашивали, но как назло лапа коснулась деревянной крышки, и вопреки всем словам некроманта из гроба послышался едва различимый скулеж.

— Живой, — хмыкнул Белый варвар и, дав команду щенку, раскрошил доски одним ударом.

Осматривая изможденного мальчишку и укутывая его в куртку, любезно предоставленную бароном, мертвец непрерывно что-то шептал, положительное и ободряющее. А Стафорд отчаянно надеялся на несбыточность некромантских прогнозов, что-то, а породниться с этим... умником, ему совершенно не хотелось. И сидел он, привалившись к скале плечом, с кислым лицом взирая на возможного родственника.

Черный.

А может быть, провиденье смилостивится над ним, и оборотня попросту пронесет?

— Было бы неплохо, — протянул он вслух.

— Возвращаемся, — скомандовал некромант и, передав ребенка на руки барона, с улыбкой взял главу белой стаи под локоток.

Наз Завай скалился, и эта его ухмылка раздражала не хуже холода, пронзившего шкуру и тьмы, сдавившей каменными оковами.

Как только все решится, я сам с радостью станцую на его костях, пообещал себе Белый варвар и расправил ссутуленные плечи. Но вот еще одно перемещение и в голове его звенит неимоверно, а перед глазами двоится. И стоило вдохнуть тяжелый воздух пещеры, как он рухнул на колени, не выпуская притихшего мальчишку из рук. Вот черная кидается к нему, забрать ребенка. Белые расходятся, пропуская ее к нему. Вастар брезгливо щурится на одержимую, а той все равно. Она блестит карими глазами и вытирает слезы волчицы, приговаривая: «Вот видишь, все хорошо, все хорошо...»

— Что значит — отпустить?

Стафорда ощутимо потряхивало и качало из стороны в сторону. Удивительно. При перемещении во второе логово Экхеи и ее ребенка, а так же всей группы белых волков затратить силы должен был некромант, но выжатым себя ощущал только Белый варвар. И опять стоя в пещере Равийского герцогства, он держался поближе к стене, чтобы не упасть навзничь и, не дай Ночь, не предоставить собственную шкуру в вечное пользование бывшего правителя Тардема.

— Я уже говорил... — ответила одержимая, сверкнув карим взглядом.

— А я хорошо слышал, и слышу! — огрызнулся барон на мертвеца. — Повторите еще раз, чтобы я понял..., - язык начал заплетаться, а руки подрагивать, но сын ночи все же договорил, — что не ослышался.

— Да, что повторять! — Наз Завай скоро собирал с алтаря останки своего брэнного тела, скидывал их в мешок и туда же тщательно сметал костную пыль и осколки. — Устал я. Хочу покоя...

И вопреки своим словам он начал двигаться еще стремительнее, стирая рисунки со стен и пола, ломая черные свечи и восковые узоры, расплзшиеся вокруг них.

— По вам не скажешь, — фыркнул оборотень, стирая капельки пота со лба.

— Конечно, нет! Я же из тебя силу тяну.

— За-зачем?

— За надом, — проклятый правитель Тардема, уже тесемки на мешке завязывая, как вдруг что-то вспомнил и в него чуть ли не с головой полез. Выудил оттуда кисть правой руки и выдернул из скрюченных пальцев серебристую капельку на тонком кожаном шнурке. — Ты спрашивал, что за информацию я добывал, предполагая избиение. Так вот я обошел твоих любовниц. Да-да, — осклабился, — последних. Переживал о чистоте твоего потомства, а потому интересовался болезнями. Ну, так вот... ты чист.

Стафорд фыркнул устало:

— Складывается ощущение, что вы для себя новую оболочку подобрали и теперь зачищаете. А не много ли мороки? Можно же было, просто убить, а не тянуть силу.

— Была такая мыслишка, — широко улыбнулась одержимая, пряча свою находку на груди, — но я твоей лекарке слово дал. Так что не обессудь. — Она подтащила мешок к оборотню со словами: — А что до силы, так ты же сам предлагал Густава три часа убивать.

— Предлагал... — прошептал барон и вторично пообещал себе, что все-таки станцует на останках некроманта, а собственных детей от ненужных влюбленностей уберезет.

— Так я, разобравшись со всеми делами, тебе ровно на этот срок сил и оставлю. А переместимся, ты меня молчаливому на отпевание отдашь, и прощай.

— То есть, — сын ночи с трудом повернул голову к некроманту, — на эпическую развязку вы смотреть, не намерены?

— Какой ты догадливый, — ехидно протянул мертвец. — И вправду, не хочу. Вдруг из-за лекарки твоей я смилюстивиться решу и простить его за все прегрешения...

Барон поморщился:

— Да, это она может.

— Может.

Прикосновение тонких пальчиков к его щеке, было сродни удару молнии. Тьма перемещения озарилась яркими вспышками, и сила обратная горячим потоком хлынула по венам, разгоняя холод, что колючими жгутами свернулся под шкурой. И в голове раздались глухие слова Наз Завайя:

«Если осколок не будет у Густава изъят, борись с ним в человеческом виде и зверя не призывай».

«Почему?»

«Потому что привязка к реликвии крепилась на ипостась, — и со смешком добавил, — сложно поверить, но Аришка у тебя крайне везучая особа».

Его появление я вначале почувствовала, а затем уж услышала и увидела, когда туманная дымка вновь засияла в темноте.

«Рассказывайте!»

«А нечего, — он со вздохом хмыкнул. — Мои уже далеко отсюда, во втором логове братства, а твой вот-вот очнется. Словом, все, что мог, я сделал, остальное на варваре».

И вот тут из туманной дымки мне навстречу шагнул Наз Завай в своем молодом обличье, на обеих ногах. Довольный, без маниакального огонька во взоре, ухмыляется, словно бы сделал пакость, и счастлив. И не понять: гадость им сотворена или радость? Ведь там, где хорошо некроманту, плохо другим. Я отогнала непрошенные мысли.

«А правнука видели? На кого похож? Ваши черты сохранились?»

«Носом немного. Но главное, что в безопасности».

Я согласилась: «Страсти поостынут, они поправятся, глядишь, и вернутся в стаю».

«Стае черных нужен жесткий кулак, а не изящная ладошка, — он подошел вплотную, и тепло его рук коснулось моих плеч и лица. — С братом ей не повезло, так же как с мужем и собратьями... Но я уверен, она найдет свое место, как ты».

Нет, все-таки этот взгляд его что-то да значит, я прищурилась: «И что, никаких отклонений от договора?»

«Ну... — протянул некромант глумливо, — на грудь твою не смотрел, за попу не щупал».

От такого заявления застыла, как громом пораженная. Да как он мог! Как мог даже говорить об этом! Поселился в моем теле, забрал мое время, и ко всему прочему еще и пощупать хотел...

«Знала бы, да я бы... я бы... Не думала о вас так хорошо...!»

«Продолжай думать в том же духе, — оборвал он мое возмущение и заулыбался пуще прежнего. — А я тебе подарок принес!»

«Не нужно ничего, — отрезала сердито, шагнула в сторону. Надо же, решил подарком умаслить! — Верните мне мои тело и жизнь».

Головой покачал, вздохнул с сожалением:

«Я от чистой души, в счет затраченных сил с благодарностью за то, что ты верила мне и в меня».

«Вы их из Стафорда тянули, без спроса, — упрекнула я тихо. Отвернулась и отошла. — А потому Наз Завай, не стоит...»

«Уверена?»

«Да» — и в голос добавила металла, чтоб не думал сомневаться.

«Тогда передай эту капельку сыну...» — его шепоток раздался над самым ухом и я,

обернувшись, оказалась стоящей к проклятому лицом к лицу.

«А..., а... у меня будет сын? — и пусть вопросом своим я открыла тайну глубинного страха, все равно прикусив губу, застыла в ожидании ответа: — Правда, будет?»

Холодок коснулся шеи, а некромант с улыбкой обнял мое лицо ладонями, прошептал:

«Эх, Аришка, если бы только один сын».

И подарив надежду, а так же отческий поцелуй в обе щеки и лоб он растворился в темноте со словами: «Поспеси, тебя заждались».

«Спасибо!»

«Тебе спасибо, славненькая».

В себя я возвращалась медленно, с трудом продираясь сквозь тьму к звукам так похожим на глухое рычание и причитания:

— ... если ты действительно некроманта упокоил окончательно и бесповоротно. И он даже «спасибо» сказал... — кто-то хмыкнул, — в чем я искренне сомневаюсь...

Интонации вопрошающего принадлежали Лису, но голос я его все еще не узнавала.

— Да в любом случае, почему она не приходит в себя?

— Р-р-р-р! — раздалось в ответ. А вот это, кажется, молчаливый.

— Что значит — не знаешь? Да я зову ее не меньше получаса... И по имени, и по призванию! — вспыхнул Лис.

— Фыррк!

— Как так? И что, ради меня она не отзовется?!

— Фух.

— Да я же... я же... — Лис протяжно простонал и тут же вскинулся: — Не бей ее по щекам! На ней синяки остаются... Нет... в воду нельзя. Простынет.

Он все это произносит, а я слышу, но не чувствую и легкие шлепки и воду, по-видимому холодную.

— Рар-х... — ответил молчаливый на возмущение светлоголового оборотня.

— Кто сказал, что я мешаю пробуждению? — возмутился тот. — Я не мешаю, я волнуюсь за малышку, ты хоть представляешь, что с нами Стафорд сделает... — здесь он запнулся и добавил задумчиво, — если останется в живых, конечно.

Останется. После заверений некроманта я в этом уверена, но вслух все равно ничего произнести не смогла. Не получилось. Боже правый, а что если я вовсе не проснусь, не смогу управлять своим телом и в сознание не вернусь. Что тогда? Тогда...

— Подожди-ка! — словно бы прочитав мои панические мысли, Лис с минуту размышлял, а затем проникновенно взвыл: — Ар-риша! Отца твоих детей у-убива-а-а-ют!

Я мысленно удивилась, а ведь Стафорд против двух стай сам вышел и выстоял. Но этого вслух произнести не смогла. А Лис не услышав возражений, продолжил монолог:

— Он уже весь в крови...

Молчаливый фыркнул:

— Ффр...хах!

— Да не буду я уточнять, в чьей он крови! — и оборотень-хитрюга опять обратился ко мне: — Но руки у Стафорда уже ломит, да и по морде наш варвар получил изрядно. Ариш, немедленно просыпайся.

Немедленно не получилось, и светлоголовый оборотень перешел к угрозам. Умник!

— Иначе мы...

Я уж думала, он пообещает поставить вычурный памятник на могиле непроснувшейся, но он сказал иначе:

— ...останемся без барона. А он, знаешь ли, не такой стальной, каким кажется. Да что я тебе рассказываю, — возмутился Дерек, — ты-то об этом точно знаешь! Ну и мы по стольку поскольку, хотя вас и на первом этаже было слышно...

Что он хотел сказать, когда это я и барон шумели?

Память подбросила пару красочных картинок за прошлую ночь. Как слышно? Как на первом этаже?! Бог мой, это же..., это же позор! И я впервые мысленно прокляла волчий темперамент и волчий же слух. Нет, я уже не хочу просыпаться, отказываюсь!

Звук оплеухи, которую получила явно не я, оборвал Лиса на полуслове.

— Лерф, вместо того, чтобы бить дал бы знак предупреждающий. Или это и был предупреждающий. Ну, спасибо...

— Х-ха!

— А что еще я мог сказать. Она ж скромняга, должна была отреагировать... и нечего тянуть ко мне свои ручищи, понял я уже, что мои уловки на нее не действуют. — Задумался всего лишь на мгновение и радостно возликовал: — Слушай, а ты прав! На нее не действуют, а вот на него — вполне. Сейчас мы ему спящую Аришку покажем и... — и не договорил, потребовал: — Лерф, посторонись.

— Рргх!

Но гневное рычание молчаливого ничуть не покорило сына ночи:

— Что значит, выносить нельзя?! Я хочу ей показать самую настоящую драку, ей и тебе. Принимать в ней участие малышка не будет, ну а тебя Стафорд не допустит. — И с искренним сожалением вздохнул: — Он никого не допустил. Так что... пошли!

Уворачиваясь от очередного молниеносного замаха герцога Стафорд с трудом сдержал рвущегося наружу волка. Нельзя поддаваться, нельзя освобождать вторую суть. И бес раздери этого Наз Завая и его советы. Знал бы барон о том, кому Огюро приходится внуком никогда бы его во дворец не пустил, тем более не послал бы к нему бесеков. И где это видано, поймав наемника на краже осколка, пускать ему кровь! И ладно бы забавы ради, Авер старый вояка продержался бы не час и не два, так нет же, его обескровить решили, чтобы некроманта в новое тело вселить. Тварь!

Время бежит неумолимо, и каждая минута на счету. И очнувшись от очередного перемещения, пришлось, скрипя зубами и сердцем, отдать бессознательную кареглазку Дереку, а кости Лерфу. А затем пришлось опрометью мчаться к гостевому домику и спасать бесека. Расскажи кому, засмеют, вот только смешного в этом мало. Стафорд едва успел к финальной части жертвоприношения и выбил нож-заклинателя из рук Равийского ублюдка.

— Берегись... — прохрипел наемник, распятый на стене, и закашлялся.

Чего ему опасаться барон понял, как только рука герцога черной тенью мелькнула перед его лицом. Треклятая кровь некроманта проявила себя! Что за гадство... Удар под дых он заметить успел, но не отбить. И шкура чешется обернуться, но осколок серой стаи все еще не изъят. Проклятье!

Незаметно зачерпнув костную пыль, что была рассыпана перед жертвой полукругом. Стараясь не думать, из чьих костей она натерта, оборотень дунул ее в нападающего. В глаза не попал, но ему и заминки хватило на то, чтобы содрать бесека со стены, и вышвырнуть в окно. Там его обязательно найдут собратья или волки, а тут и растерзать могут.

— Спасибо... Сзади! — донеслось из кустов.

Варвар в очередной раз увернулся от стремительного удара, на руку нападающего занавеску намотал. Рывок, и тяжелое полотнище накрывает того с головой. В бою, каким бы опасным он ни был, нельзя терять, ни одного шанса на победу, вот и барон не терял. Во временно ослепленного он швырнул креслом, затем тумбой и столом. Все они щепой осыпались на пол, а последний предмет был лишним, он ножкой зацепил штору и сорвал ее с головы озверевшего Огюро. Надо отдать должное некромантской крови, взбешенным внук невероятно походил на деда и даже мимику перенимал в деталях, а потому бить его было намного приятней.

Благородный лик синеглазого шатена с едва появившейся проседью на висках, исказила злоба такого характера, что его законные пятьдесят четыре легко превратились в семьдесят два. Барон недоверчиво прищурился. Возможно, ли чтобы силы, которые герцог высвобождает для боя, так подтачивали его самого? Герцог Равии ожидаемо дернулся в сторону варвара, но в тень уже не превратился, и движения его стали рвано плавными, а значит видимыми волку.

Стафорд догадливо ослабилась и поступил так же как с Наз Заваем, вывод его из себя:

— Вам так к лицу синий! — на удивление в голову пришли слова из приторных комплиментов, коими Лис, приманивал волчиц. В них следовало внести лишь немного изменений и понеслось: — Она оттеняет провалы ваших глаз и мертвенную бледность кожи!

И неизвестно, кто больше удивился охрана, которая только-только начала приходить в себя и подниматься с пола, белые оборотни, влетевшие в зал или потомок некроманта,

застывший на его середине.

Глаза последнего налились кровью, с ревом он вылетел из штор:

— Что?!

— Стенки гроба обивать будем именно этой парчой.

Стальной барон ехидно улыбнулся, и, сделав обманный шаг в сторону, запустил в Огюро вазой с цветами, только что взятой с окна. Тара осыпалась осколками от соприкосновения с кулаком недонекроманта, а вот вода и цветочки украсили собой сердитую морду.

— Похороним с хризантемами в обнимку! — оповестил барон.

Последняя шутка была оценена выше прочих, герцог, рванулся навстречу, нанося смертельные удары. По большей части они были невидимы, пока взгляд не расфокусируется. Но кто барону позволит? Оборот, да и полуоборот невозможен и приходится отступать.

— Все вон! — рявкнул Стафорд, все еще уворачиваясь и отражая выпады. Прокомментировал со смешком: — Начались предсмертные конвульсии...

Следующий замах Огюро был стремительнее прочих, барон не заметил, пошатнулся. Грудь охватило огнем, в глазах помутилось, но он устоял, даже не согнулся.

— Падаль, с-са-ам сдохнешь! — наконец-то высказался внук Наз Завайя.

— Когда-нибудь, несомненно, — поспешил согласиться сын ночи и ответил таким же ударом. На этот раз попал в цель, а не пощекотал воздух кулаком. — Но у меня на могиле родные будут, а у вас...?

Оборотень не ждал ответа, скорее выбирал новую позицию для удара, как словесного, так и физического:

— Хотя о чем это я?! — его кулак впечатался в скулу противника и послышался греющий душу хруст. — Деда своего вы откопали для пыток. Сестру посадили на цепь...

За первым прямым попаданием в голову, следует второе и не то, чтобы барон мстил Огюро за герцогских родственников, но это идеально вписывалось в его продуманную речь.

— Племянника закопали заживо. Жену утопили. Любовниц пытались отравить...

И три удара в живот завершают его обвинительную речь.

Но, недонекромант, вместо того, чтобы упасть, делает неуловимый шаг вперед, хватая за шею:

— Девку свою... Тери жа-а-леешь? — рассмеялся он, занося руку с ножом-заклинателя. — Не стоит, я хорошо ее...

И когда только подобрать успел? Удивился оборотень и усмехнулся в налившееся кровью герцогское лицо:

— Не настолько хорошо, если она ко мне попросилась!

Глава белой стаи в прыжке ногами ударил Огюро в грудь, и как от каменной скалы оттолкнулся, чтобы кувырнуться назад. Шею из захвата освободить получилось, а вот одежду — нет. Барон рванул, на себе жилет и выскользнул из тканевой ловушки. Развернулся и всего в паре шагов от герцога припал на колени. Язвительная улыбка расплылась на его лице:

— В любом случае, паршиво старались, раз так и не обзавелись наслед...

Он договорить не успел, неожиданно фигура герцога стала размытой, а перед лицом Стафорда, откуда ни возьмись, появился кулак, смазанный. И голова барона сама собой дернулась, по траектории удара. Всего на мгновение показалось, что волк проявит клыки и вцепится в холенную руку. Но он сдержался, с сожалением отмечая, что даже в полуобороте, глаз оборотня уловил бы не только тень, но и все ее движения, жаль перевоплотиться нельзя.

— Проклятье! — вот теперь и он едва устоял, получив под дых. Но прерывать издевку был не намерен: — Ладно, уговорили... я согласен!

— На что?

Следующий удар в ребра сын ночи пресек, извернулся и отступил:

— На вашу могилу цветочки носить. Хризантемы...

Какой бес потянул его изобразить шутовской поклон, он бы и сам сказать не смог, но только в этом движении, неожиданно обнаружил воткнутый в ногу нож со стремительно пустеющей емкостью ядов.

В голове вместе со вспышкой боли всплыли и вопросы: Когда Равийский ублюдок успел? А почему он, барон, раньше ранение не заметил?

— Шутки в сторону варвар, ты нежилец, — смеющийся голос Огюро раздался совсем близко, и тяжелая рука опустилась на бароново плечо, пригвождая к полу, стиснула. — И с потомками вряд ли успеешь.

Шею свернет или зарежет, как собаку, чтобы зрители впечатлились, догадался оборотень. Падая на колени, он сжимал зубы до скрежета не столько от ярости, сколько от боли, прошивающей нутро насквозь.

Смешно получилось.

Старался, сдерживал внутреннего волка, подавляя волей ипостась, и даже не заметил ранения. А может быть и не смог из-за ядов. Впрочем, какая теперь разница? Главное, теперь-то никакой осколок барону не страшен, вряд ли недонекромант добьется исполнения прихотей от мертвого.

— Не успею, — прохрипел Стафорд и выдернул из бедра треклятый нож, — но составлю тебе компанию.

Полуоборот Белого варвара всего на несколько мгновений снес красную пелену боли с глаз оборотня, а затем и улыбку с лица герцога Равии. Еще бы, в одно мгновение он услышал треск ткани, звук пробиваемой плоти и хруст костей, с опозданием понял, что все эти звуки его, собственные. Тело мужчины уже трясло и крючило от боли, но разум в происходящее верить не хотел.

— Н-да, — протянул сын ночи хрипло, и освободил руку, от потрохов падающего навзничь противника, — со вспоротым животом и сломанным позвоночником три часа вы не протянете, но я уверен Наз Завай мне эту оплошность простит.

Мутным взором он осмотрел пространство разнесенной залы, отметив про себя, что антураж для смерти барона создан подходящий. Все разгромлено.

— Да, ну к бесам! Мы что, не успели? — донеслось от двери.

На возмущенное восклицание зашипели. И глава стаи только сейчас заметил, что почти все собратья явились проститься, и даже Дерек с Лерфом пришли. Он поднял окровавленную руку вверх и, тяжело дыша, улыбнулся безумной и всем знакомой улыбкой:

— Я победил, — язык заплетался, в горле пересохло, но он все же, прохрипел свою излюбленную боевую присказку, — а теперь вол-чи-и...цу мне!

— А мы малышку принесли, — Лис улыбнулся и, указав на ношу в своих руках, произнес: — Кстати, ты не мог бы ее разбудить.

— Ч-что?!

Бледная, мокрая, с осунувшимся лицом и чуть заостренным носиком она была неподвижна и кажется, не дышала совсем. Раздетая, без плаща или хоть какой-нибудь накидки, уже горела, что было видно по румянцу на щеках, до странного напоминающем

отпечатки пальцев.

— Ариша?! — взревел барон и вскочил с колен. Боль в сравнении с яростью стала абсолютной мелочью, позволившей не только встать, но и хромя приблизиться к так называемому другу: — Лис, я убью тебя! — перехватывая нож крепче, прорычал сквозь зубы. — Как ты посмел! Как только ума хватило! Притащить ее сюда... вот так!

— Вот так, на смерть? — наигранно удивился светлоголовый оборотень. — Так ты бы в любом случае справился...

— Мокрую по холоду! — рыкнул Стафорд, взглядываясь в лицо кареглазки.

Наверное, галлюцинации из-за яда начались, подумал он, когда темные ресницы маленькой лекарки затрепетали, и ее сонные глаза на мгновение распахнулись.

— Боже правый, — раздался тихий шепот, заставивший всех замереть удивленно, — Дерек, за какие блага ты с ним дружишь?

— Ар-р-риша... — прошептал Стафорд, простирая к ней руки.

— Что, любитель волчиц, — ехидно протянула она, — хочешь сказать, что соскучился?

— Безумно, — варвар забрал ее из рук Лиса так и не выпустив нож-заклинателя. С трудом сделал два шага в сторону и опустился в кресло, устоявшее после погрома. Как все вышли из залы и даже дверь прикрыли за собой он и не заметил, с улыбкой смотрел на кареглазую, которая вздумала хмуриться. — Эй, ты чего?

— Я? — она попыталась встать, но он не пустил. — Я вот думаю, что стоило мне на пару часов... уснуть, как ты отдаешь меня на растерзание Лерфу и Дереку, забираешь свой подарок, и требуешь волчицу!

Боль острая, раздирающая начала возвращаться с удвоенной силой, но Стафорд постарался не рычать. Заговорил сдавленно, часто обрываясь:

— Отдал, потому что пришлось Авера... спасти... А волчица — это присказка... после боя, ничем... с реальными желаниями не связанная... И что за подарок?

— Этот Кивс захя мой, — она кивнула на оружие в его руке, нахмурила бровки: — И скажи, зачем тебе нож, который наряду с ядом наполнен и противоядием?

— Чем?

— Противоядием. Порез от ножа уже не смертелен, но малоприятен. — Терпеливо повторила Ариша и в негодовании поджала губы. — Ну и кто рылся в моих вещах?

И вот тут из кустов, которые росли за окном, раздалось:

— Прости сестренка... Но собираясь на дело, я предположил, что все может пойти наперекосяк. Вот и подменил.

— Спасибо, — громко крикнул барон и, прижав девушку к себе: — Огромное спасибо!

Она удивленно взглянула снизу вверх, прошептала:

— А что Авер делает в кустах? И о каком деле шла речь? И... ты почему так странно смотришь?

Не ответил, поцеловал, выдахая:

— С возвращением, моя нежная волчица.

*Шкура, когти и клыки,
Хвост и волчий дух,
Всем напастям вопреки,
Взор барона строг и сух.*

Я смотрела на детей со щемящей нежностью в сердце, растут очень быстро и уже на мое проявление ласки потихоньку рычат. Самостоятельные в свои-то годы: Рэдфолду девять лет, Дамину шесть, Клиру полтора, но он уже старается при братьях и отце со мной не нежничать. Посидит рядом, прижмется на минуту-мгновенье и опять к ним, и не столько играть, сколько наблюдать из домика за соревнованиями старших. Кто выше заберется по библиотечным полкам, кто с каминной полки допрыгнет до люстры, висящей на честном слове, кто быстрее с лестничных перил слетит... Резвятся, пока у меня сердце замирает и душа уходит в пятки, а Стаффорду все нипочем.

Вошел, сказал, что упавшего и ударившегося, обязательно пожалеет, но вначале отшлепает и сел в стороне, занятый бумагами. Клир тут же оказался рядом, замер, ждет. И дождался, когда через минуту отец, наклонившись, поцелует тайком ребенка и потреплет темные чуть кудрявые волосы.

— Беги, порезвись. Посидеть у тебя время еще будет.

И пусть младший сейчас лишь мебель двигает и сооружает шалаш из тканых покровов, сидеть на месте волчонку нельзя. Иначе ночью не уснет.

— Рф! — ответил он на волчьем, которому меня вопреки всем просьбам так и не обучили. Якобы не для прелестных женских ушек предназначен.

— И на охоте тоже, — согласился муж с улыбкой и вновь вернулся к бумагам в своих руках.

Я присела рядом с ним, подняла ноги на диван и прислонилась к теплему плечу. Вот теперь можно отдохнуть. Мой Стальной барон и Белый варвар за детьми не только приглядит, но и спасет в последнюю секунду от падения. Его внутренний волк бдит без усталости, а я в таком режиме и трех часов не продержусь, чтобы не схватиться за сердце.

— Устала? — Стафорд обнял, поцеловал в макушку и притянул меня ближе.

— Очень.

Руками обняла его за талию. Прижалась носом к могучей шее, вздохнула.

— Почему раньше не позвала? Я бы заменил.

— Тебе тоже нужно отдыхать, — прошептала, жмурясь от удовольствия. Так приятно просто сидеть рядом, чувствовать его чуть терпкий запах, слышать дыхание и размеренный стук сердца.

— Я предпочитаю отдых с тобой ночью, — изменившимся голосом ответил он.

— Верится с трудом.

Его бумаги были отложены, и вторая рука оборотня обвилась вокруг меня, фактически опрокинув на его колени.

— Дети замрите, — скомандовал муж мальчишкам и принялся целовать меня. А команду он дал, чтобы не отрываться на падение шального потомка. Это Стаф зря, самые большие глупости мы совершаем как раз таки из-за слова «нельзя».

Но пьянящая нежность его губ шла в контрасте с крепко сжимающими руками, освободили голову от лишних мыслей, создав в ней искрящуюся лавину наслаждения. Барон-бесстыдник, позарился на мою грудь, но так чтобы это было незаметно. И я в ответ прикусила его губу, затем лизнула.

Оторвался мгновенно, прорычал, прожигая предупреждающим черным взглядом:

— Ар-р-риша...

— Милый, у нас трое сыновей... — выдала я не совсем то, что хотела сказать. Ну да ладно. А как еще можно было попросить о четвертом ребенке?

— Да, — согласился хрипло и подумал чуть-чуть о другом, — сейчас не время. Я отпустил прислугу, а наши, — муж посмотрел с прищуром на странно притихших детей, — не скоро уймутся. Хотя, если усыпить...

— Я не о том.

— А о чем же? — горячее дыхание коснулось шеи и его рука, словно бы зная, куда бегут мурашки, медленно прошлась по спине. Тело откликнулось дрожью, мой голос тоже дрогнул:

— Я дочку хочу.

Замер. Руки решил убрать, но я не позволила.

— Что? — спросила с улыбкой: — Сомневаешься в собственных силах?

Сглотнул и сказал совсем тихо:

— Дорогая, не хотел тебя пугать, но это опасно. Видишь ли, наш общий знакомец-мертвец обещался породниться с нашей ветвью в этом поколении.

Да что-то такое он и мне говорил, но это же не повод жить с оглядкой. Кто знает, как жизнь повернется?

На его слова прищурилась хитро, и мой барон насторожился вмиг.

— И я... что? Ты почему так странно смотришь, Ариш?

— А тебе не приходило в голову, что среди потомков Экхеи уже вполне могут быть девочки? И выходит, теперь в «опасности» породниться все твои сыновья?

Говорю это и мягко поглаживаю его руки, думала, обидится, а он... заявил категорично и уверенно, даже чересчур:

— Нет у нее девочек.

— Ты следишь?

— Присматриваю время от времени.

— И волков от нее гоняешь? — спросила скептически. С него еще станется внушение сделать всем двуликим проживающим вблизи черной. Вблизи, этак в радиусе ста километров.

— Да какие волки в Велфсее! Там только люди и эльфы. Как по мне, то нет ничего хуже...

— Чем породниться с людьми? — прищурилась я сердито и решила встать. — Еще немощью человеческой назови, и в спальню не пущу.

— С самоуверенными ушастыми! — нашелся Стафорд, мягко возвращая меня на место. — Не сердись...

Склонился для поцелуя, но кто ему даст целовать.

— В спальню не пущу, — и пообещала строгим голосом, — но в кабинет нагряну.

— Зачем? — не понял мой оборотень, посмотрел на все еще странно притихших детей, затем опять обратил все внимание на меня. — Не томи.

— Во-первых: для разнообразия...

Оборвал на полуслове, жарко заявив:

— Желание жены моей — закон! — поцеловал-таки крепко, как только он умеет, и в крепких объятиях сжал: — И что там у тебя припасено вторым пунктом?

— А во-вторых: я дочку хочу, — он оторвался от моей шеи чуть-чуть свирепея, но я вовремя использовала его же слова: — Так что не противься закону.

— Ар-р-риша.

— Она самая, мой нежный.

А дальше грохот, его рык и детское трио в ответ:

— Мы не ударились!

Я улыбнулась, глядя на сыновей, одним махом перевернувших шкаф с книгами, стол, базу и тяжеловесные кресла. Да, девочка определенно нужна. И раз уж мой дорогой запретил кулон некроманта дарить сыну, я его дочери вручу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net